Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Сергей Недоруб

СВЕТЛАЯ ТЕНЬ

Светлая Тень

Сергей Иванович Недоруб

Аннотация
Сергей Недоруб. Светлая Тень
Часть 1
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Часть 2
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Глава 9
Глава 10
Часть 3
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Аннотация

В Москве, прямо у ворот Дневного Дозора, совершено нападение на пражских инквизиторов. У них украден уникальный эликсир, серьезно расширяющий боевые возможности любых Иных, даже низших. Расследовать атаку берется Сергей Воробьев – Темный первого уровня. Для него это вопрос чести – организатором атаки считается его старый знакомый, оборотень Клумси. Но Сергею куда важнее понять, что случилось со Светлой волшебницей, отправленной Ночным Дозором на это же дело со своей стороны и пропавшей без вести. С Ведающей.

Сергей Недоруб
Светлая Тень

© С. Недоруб, 2019
© С.В. Лукьяненко, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть 1

Глава 1

Старинные часы с маятником и печальной кукушкой, застрявшей в бронзовом гнезде, заметно контрастировали со свежей отделкой офиса, выполненной по новейшим технологиям. Что характерно, здесь работали мастера, среди которых не было ни единого Иного. И никто из них, конечно, этих часов даже близко не увидел. Я так думаю. Иначе кто-нибудь да стряхнул бы с них пыль. Или задал бы вопрос, что тут делает механизм с застрявшей ключевой деталью и без одной гири.

Председатель окинул нас беспристрастным взглядом, вытряхнул листы бумаг на подковообразный стол.

— Итак, приступим, — сказал он. — Мадам Ольсен, прошу начать запись. Мы собрались здесь, на территории Дневного Дозора города Москва, Россия, чтобы поставить точку в вопросе Сергея Воробьева, Темного Иного первого уровня. Инцидент, приведший к смерти Максима фон Шелленберга, Высшего Инквизитора, случившийся три года назад в Севастополе, Россия, был расследован Великим Трибуналом в Праге.

Вопрос не считается закрытым, пока не урегулированы некоторые формальности. В частности, Трибунал считает нужным убедиться, что Сергей Воробьев остается благонадежным сотрудником Дневного Дозора и что его действия и взгляды заслуживают доверия Инквизиции. Для разрешения формальностей присутствуют Инквизиторы: Рене Сен-Клер, Томас Бьорндален и Саймон Джонсон… то есть я. Также присутствуют сам Сергей Воробьев и его куратор в Дневном Дозоре Александр Агеев. Протокол ведет Астрид Ольсен.

За окном что-то ухнуло и стукнуло. Саймон Джонсон вздрогнул, перевел взгляд на голубя, озадаченно долбившегося в стекло.

Хорошая защита у нашего штаба. Магическая броня такая, что не продавить. Настроена по миллиметрам вдоль архитектурных линий небоскреба. Но от случайного попадания птицы никто не застрахован.

Хотя разве на свете бывают случайности? В том году меня допрашивали Инквизиторы и покруче этой троицы — так на них ворон прилетал.

Переглянувшись с Сашей, я невозмутимо поднял бровь и принялся ждать, какую формулировку изобретет Джонсон, чтобы еще больше затянуть задолбавший всех процесс.

Естественно, пражский Трибунал заинтересовался вопросом фон Шелленберга. К попыткам наказать выживших в инциденте они подошли со всей тщательностью. И конечно же, кое-кто в Европе, не лишенный интеллекта, сообразил, что в некоторых вопросах искать виноватых не стоит. Невыгодно. Трое европейских Инквизиторов прибыли в Москву вовсе не для того, чтобы мутить воду трехлетней давности. Хотя бы потому, что Инквизиция никогда не проводит серьезные заседания на внешней территории. А судить Темного Иного в его же московском штабе — задача не для слабонервных, хоть обвешайся регалиями с головы до ног.

Но вот небольшой цирк они могут себе позволить.

Рене Сен-Клера я уже встречал, здесь он был частым командировочным. Саймон Джонсон, насколько я помнил, сам раньше был всего лишь секретарем. Неплохую карьеру он сколотил. А господин Томас, с фамилией, плохо подходящей для российской фонетики, был мне не знаком.

По-русски все трое говорили сносно. Расширенный языковой пакет «Боширов» с углубленным изучением континентальных наречий им разрабатывали в Германии, получив транш на

магическую лингвистику специально для нужд Инквизиции. Не знаю, кто там отвечал за русский, но со своей задачей они справились превосходно. Вряд ли впредь кто-либо из сотрудников европейских филиалов станет изучать языки своими силами. Так что у покойного фон Шелленберга с его естественным знанием русского есть шанс войти в историю очередным динозавром, не ищущим легких путей.

Миловидная Астрид, фиксирующая нашу беседу, никакого отношения к Инквизиции не имела. Она являлась нашей сотрудницей, любила фенечки тонкой работы и коллекционировала упаковки какао со всего мира. Сейчас ее наманикюренные пальчики бегали по клавишам печатной машинки. Не любит Инквизиция компьютеры, предпочитает фиксировать на бумаге. Невозможность установки магической защиты на файлы из всех сделала параноиков.

— Я все же хочу уточнить, — подал голос Саша. — В чем причина повторной заинтересованности Инквизиции в вопросе Воробьева? Трибунал не удовлетворен его прошлогодними показаниями?

— О нет, Трибунал удовлетворен, — махнул рукой Джонсон. — Понимаете, вкрался мелкий

технический нюанс. В тот день Сергей Воробьев все еще числился Иным второго ранга, а сейчас официально признан поднявшимся до первого. Иными словами, это новый процесс и новые протоколы. Чтобы избежать этого, я прошу Сергея еще раз рассказать, что случилось.

Пожав плечами, я дотянулся до стакана с водой и сделал глоток.

— Да без проблем, — сказал я. — Повторить так повторить. Я, Сергей Воробьев, Темный Иной первого уровня из Дневного Дозора Москвы, был свидетелем преступной аферы, проводимой Высшим Инквизитором Женевы Максимом фон Шелленбергом.

Джонсон скорчил гримасу. Не обращая внимания, я продолжил:

— Максим фон Шелленберг открыл нечто в Сумраке, что условно можно назвать персонифицированным монстром. Мы — я и моя команда — называли его Баланс. Он никак не выглядит, потому что не имеет материального облика. Он живет в Сумраке и влияет на наш мир, действуя через неинициированного Иного, которым должен быть ребенок, родившийся от двух других Иных общего уровня, Света и Тьмы соответственно. Баланс вселял в их ребенка до-

статочные мотив и энергию, чтобы уничтожать других Иных. Фон Шелленберг захотел получить контроль над подобным ребенком — девочкой Кристиной. Он решил убрать всех, кто мог ему в этом помешать. Расправившись с дозорными Севастополя, фон Шелленберг захотел устранить других Иных, в числе которых был и я. Ему удалось уничтожить четверых из нас, прежде чем остальные смогли дать ему отпор. Фон Шелленберг был побежден, сдаваться отказался и развоплотился на четвертом слое Сумрака. Все.

Печатная машинка перестала стучать через две секунды после того, как я закончил говорить. То ли Астрид работала очень быстро, то ли помнила укороченную версию моего доклада наизусть. Могла бы просто сохранить копирку с прошлых заседаний.

Саймон Джонсон схватил папку, раскрыл ее, вперился в какие-то бумаги. Конечно, мой текущий отчет совпадал с прошлыми.

— Вы убили фон Шелленберга? — спросил Джонсон.

— Нет, — ответил я. — Говорю же, он развоплотился добровольно, отказавшись сдаваться в плен. Хотя мы с ним сразились, и я победил.

— Но вы ему помогли уйти в Сумрак?

— Да, я ему помог. И заметьте, что я не требую взамен право на вмешательство.

Справа от меня послышался смешок Александра. Джонсон покосился на него, перевернул страницу, провел пальцем до нужного имени.

— Вы разорвали связь между прежним ребенком Баланса и фон Шелленбергом? — спросил он.

— Если вы про Веронику, то нет, — пожал я плечами. — Лишь напомнил, что она может уходить. И она ушла.

— Ясно. Кто вам помогал в противостоянии фон Шелленбергу?

— Александр Морозко, Светлый. Лина Кравец, Светлая. Клумси, оборотень.

Джонсон поднял на меня глаза.

— Это все? — спросил он.

— Анжела Возрожденная, — произнес я. — Светлая.

— Правда, что у вас с ней были личные отношения?

Пальчики Астрид застыли над клавишами. Озадаченно глянув на меня, Саша заерзал в кресле.

Лишь для меня вопрос не стал неожиданным.

— Вы закончили? — спросил я.

— Да-да, — заторопился Джонсон, посмотрев

на часы.

Он встал и начал собирать бумаги в «дипломат». Господа Рене и Томас, не скрывая облегчения, выбирались из мягких кресел. Я рывком поднялся, кивнул Астрид, толкнул дверь, выходя в коридор.

— Серега, подожди, — услышал я Сашкин голос.

Настроение больше располагало к приему кофе, но я подождал своего куратора за дверьми. В конце концов, Саша мне даже немного польстил. Он наверняка имел что сказать Инквизиторам в плане их последнего вопроса, но предпочел сначала объясниться со мной.

— Слушай, выброси их из головы, — сказал Саша, идя со мной рядом. — Все кончилось. Трибунал снял обвинения. Все официально запротоколировано. Никто тебя не обвинит. Эти трое просто изводят казенную макулатуру.

Я молчал. Александр хлопнул меня по плечу.

— Не переживай, теперь мы тебя никому не отдадим, — сказал он ободряюще. — Не для того в тебя столько вкладывались. И хорошо, что ты не стал лишнего про ту Светлую болтать, как ее… Ведающая, да? С Ночным Дозором у нас никаких проблем нет по этому вопросу. Вот пусть так и

остается.

— Поддерживаю, — сказал я. — Тогда и не поднимай больше этот вопрос, ладно? Пусть все так и останется. Кстати…

— Да?

— Зачем там эти часы?

— Какие? — не понял Саша. — Которые с кукушкой, что ли? Так это же древний детектор инквизиторских амулетов. Если заходит кто-то со снаряжением из спецхрана, то кукушка сразу вылетает — и ку-ку.

— Сносит врагу голову?

— Нет, конечно. Просто вываливается из часов и падает на пол. Но Инквизиторы все в теме. Если кукушка упадет из-за них, они будут опозорены. Потому они и не берут с собой амулеты на заседания… А ты что, не знал про эти часы?

— Нет, не знал.

— Ага, — кивнул Саша. — Все, с пришельцами покончено. Давай, тебя Корсар ждет.

— Что, уже? — удивился я.

— А почему нет? Ты сегодня в патруле, если забыл. И так два часа слили на клоунов. Все, давай.

Саша уверенным шагом направился вдаль по коридору. Я молча вдавил кнопку вызова лифта. Дверь открылась сразу. Вот за что я люблю наш

офис, так это за приятные и полезные мелочи. Кабина автоматически меняет свое положение и ждет на том этаже, на котором наибольшая концентрация высоких Иных.

Если, конечно, в здании нет Высшего.

Глядя на невыспавшееся отражение в зеркале, я дернул себя за волосы и испустил тяжелый вздох. Вроде ничего и не случилось, а засело чувство, словно стремительно теряю форму. Или возраст сказывается. Пока кабина лифта плавно двигалась вниз, к подземному паркингу, я чуть ли не физически ощущал растущее расстояние, отделявшее меня от европейских гостей. Когда же они отстанут? Инквизиторы и есть сущие сумеречные твари. Созданы, чтобы отравлять жизнь простым Иным.

Сашка единственный за меня стоял все эти три года. Один из пражских протоколов по моему делу пришлось даже корректировать на ходу из-за его пересменки. Так у нас называется короткий рабочий период, когда Иной раз в человеческое поколение принимает решение исчезнуть для простых людей и меняет фамилию со всеми личными документами, чтобы восстать из пепла истории как новая личность. Так уж сложилось, что Иной, остающийся молодым неоправданно

долго, привлекает внимание всех своих знакомых, не имеющих отношения к магии. На пересменке разом обрывают все связи с прошлой жизнью, перенося в новую лишь посвященных Иных. Если на такое решается сотрудник Дозора, то он автоматически получает три недели отпуска на формальности, а его отделу устраивается роскошный банкет за счет фирмы. Особенно приятна нервная реакция Светлых — мы не обязаны уведомлять их о пересменках, и они никогда не могут знать, кто сейчас числится в нашем штабе и в какой роли. Вот так Сашка Шустов стал Агеевым, а Саймон Джонсон долго вникал в перечень изменений, которые теперь предстояло внести в материалы дела. Словом, веселая тогда выпала осень.

Двери лифта открылись, я запоздало придал себе нормальный вид.

Моя команда уже ждала меня во всеоружии. Корсар кивнул мне, держа руку на оттопыренном кармане куртки. Скажи мне пару лет назад, что оперативник Дозора вместо заряженных амулетов таскает с собой пистолет, — я бы расхохотался. Теперь уже нет. Время другое.

Шпунт и Джепп стояли так, словно держали взглядом пространство на триста шестьдесят

градусов. Или готовились фотографироваться на обложку диска рок-группы. Плечом к плечу, в разные стороны. Я так и не разобрался, зачем они это делали. Все равно мы находились в месте, защищенном лучше, чем любое другое в Москве — не считая, возможно, штаба наших просветленных партнеров.

И все же я ощутил гордость за своих парней. Возможно, когда-нибудь испытаю ее и за себя — когда пойму, почему они согласны ходить со мной в дозор.

Этих троих, тогда еще потенциальных Иных, наш штаб обнаружил там же, где и многих остальных в последнее время, — среди российских войск в Сирии. Есть один момент, связанный с вербовкой Иных, о котором на занятиях «ночников» говорят вполголоса, а на наших — в полтора. Так вот, на войне Светлых нет. Неинициированный Иной, находящийся в состоянии военного стресса, с почти стопроцентной вероятностью превращается в Темного, за кого бы он ни воевал. Кому любопытный парадокс, а кому жестокая правда жизни. Причем началась подобная статистика недавно, с начала нулевых. Делить на правых и неправых теперь смысла нет — воюющие солдаты с любой стороны, внезапно превращаясь в

магов, становятся Темными, и с этим ничего не поделаешь.

Естественно, такой расклад рушил весь паритет сторон. Мягко говоря, Светлые не порадовались тому, что солидная доля охотничьих угодий на планете потемнела. Так что вербовку на фронтах нам усложнили максимально, и просто чудом стало то, что Саша пробил три места в московский штаб. И не меньшее чудо, что все трое найденных оказались единой группой друзей, знакомых задолго как до встречи с нами, так и до собственной военной карьеры.

Корсар формально являлся военным пилотом, однако в основном занимался обустройством Хмеймима, мелькая на редких снимках разве что в качестве грузчика. При виде этих кадров у меня закралось стойкое подозрение, что парень просто позировал неопознанным беспилотникам. Подобной мыслью я не поделился бы даже с нашим штатным психологом, если бы он у нас был. Корсар так и не попал в летный состав, и у меня осталось подозрение, что его готовили для чего-то, чего даже Агееву знать нельзя. Зато теперь про Корсара в Сирии можно честно сказать: его там нет.

Шпунт зарекомендовал себя как опытный шо-

фер, работая в основном водителем укрепленного медицинского фургона в Идлибе. Волею случая оказался рядом с упавшим вертолетом и примкнул к поисково-спасательной группе в момент эвакуации экипажа в Хмеймим, где и вышел на старого знакомого Корсара за пять минут до инициации последнего. Вот и пошел вторым номером, узнав о существовании Сумрака уже в процессе. Концепцию мира Иных Шпунт принял быстро, идею Великого Договора — не очень, а от Дозора и вовсе планировал отказаться, поэтому по прибытии в Москву проработал месяц таксистом, пока ему не наскучило. Оказывается, отслеживание линии вероятностей в московском трафике уничтожает всю романтику профессии. Приравнивание работы московского таксиста к романтике дало мне лучшее представление о мировоззрении Шпунта, чем его лаконичное досье.

Джепп участвовал в разминировании Пальмиры, сообщив мне это таким тоном, что стало ясно: стоит мне продолжить шевеление в эту сторону, и он заминирует мои зубы. Мне удалось раскопать много интересного, и все же я остановился на эпизоде, где этот невозмутимый мужик с пышными усами в момент, когда у него закончились противопехотные дроны, взял в руки автомат и

погнал кучку игиловцев через подозрительный коридор. Собственно, по выплеску Силы в этот момент его и обнаружили. Очень заметный был выплеск. Настолько фактурный, что слепок ауры Джеппа, по счастью, снятый в этот момент, попал в учебники. Говорят, что тот коридор с тех пор чист.

Вербовка этих троих стала не единственным, что организовал Саша. Путем затяжной комбинации мотивов и приемов, доходящих чуть ли не до блефа и шантажа, он внедрил в годовую повестку Дневного Дозора программу всесторонней подготовки полевых агентов, где к изучению заклинаний добавлялись тренировки рукопашного боя и владение различными видами оружия. Перечень включал в себя также управление длиннющим списком транспорта, среди которого не было разве что грядущих воплощений больной фантазии Илона Маска, концепцию которых нам однажды выложил прорицатель пятого уровня, перекуривший спайса. Зато вертолеты и гусеничная техника имелись в нескольких вариациях.

Меня прогоняли через жесткий тренинг, и все, что я могу сказать о результатах: маневровый тепловоз понравился мне больше, чем помповый дробовик. Я никогда не спрашивал, почему

именно меня с троицей относительно низкоуровневых новичков решили превращать в боевой отряд. И так было понятно, что после победы над Высшим Инквизитором и получения первого уровня я стал новой звездой — достаточно яркой, чтобы Аня из столовой регулярно напоминала мне о счастье отказа от сахара.

Все трое и впрямь оказались невысокого уровня Силы — четвертого. По сути, разница в магическом потенциале стала единственным, в управлении чем я превосходил этих парней. Если не считать, конечно, маневровый тепловоз.

Корсар, Шпунт и Джепп свои представления о субординации без проблем перенесли в Дозор. С милостивого позволения Сашки они стали моей командой. Общий язык мы нашли на удивление быстро — возможно, сказалась моя манера больше слушать профессионалов, чем говорить с ними. У них я мог бы поучиться гораздо большему, чем они у меня. Например, таким мелочам, как умению не держать руки в карманах, если не знаешь, куда их деть.

— Патруль? — спросил Корсар.

— Патруль, — подтвердил я. — Едем в Шереметьево.

— Из-за утреннего взрыва? — поинтересовался

Джепп.

— Именно, — сказал я, глядя на стройный ряд свежевымытых машин и выбирая нужную. — Там сейчас Светлые целители тусуются. Девять жертв, раненых все еще не сосчитали. Надо бы проверить, чтобы отработали строго в рамках.

— Не налечили слишком много, что ли?

— Наоборот, чтобы как можно больше. Ну и нам права заработали… Слушай, Шпунт, выбери машину сам, а?

Подмигнув, Шпунт направился к коричневому «Опелю», по пути бросив жадный взгляд на стоявший в уединении синий джип.

— Даже не мечтай, — сказал я. — Агеевская «Бентли» для нас закрыта.

— Да нет, шеф, тут лежит фактор самосовершенствования, — сказал Шпунт, открывая двери «Опеля» и садясь за руль. — Я управлял «Арматой», БелАЗом и батискафом «Консул», но за рулем «Бентайги» не был. А вдруг придется? Надо же как-то заполнить пробел в образовании.

— Восполнишь, если пробьешься через защиту, — сказал я, садясь рядом с ним.

— А не проще ли попросить ключи? — предположил Джепп.

— Подавай заявку, — предложил я выход. —

Подпишу у Завулона, положу на стол Агееву. Как тебе?

Шпунт развел руками.

— Ладно, обойдусь, — сказал он, заводя «Опель». — Ну что, погнали?

— Давай, — кивнул я, настраиваясь на несколько часов рутины.

Но не успели мы выехать за территорию парковки, как в машине само включилось радио, и зазвучал встревоженный Сашкин голос:

— Воробьев и остальные, отбой! Срочно двигайтесь к «Федерации-Запад»! Нападение на команду Джонсона!

Глава 2

Не дожидаясь приказа, Шпунт рванул ручник, вывернул руль влево, и «Опель» помчался к выезду.

— Не спеши так, — сказал я. — Ща все выясним.

Придавив трубку телефона ближе к уху, я спросил:

— Есть детали?

— Никаких, — ответил Саша. — Получаем сигнал тревоги. Сами вот проверяем в реальном времени… Секунду. Если и впрямь наши гости послали, то там хреново все. Выброс Силы повышенный, все наши детекторы взбесились, словно там у них идет атака «ночников».

— А что, бывали случаи?

«Опель» остановился, и я чуть не выронил телефон.

— Не смешно, — буркнул Саша. — Короче, вы там скоро?

— Уже, — ответил я, выскакивая из машины и стараясь не отстать от Корсара.

Бывают моменты, когда я сам не могу навскидку разобрать, что происходит. Или на нашей

группе висит невидимая даже для меня магическая завеса, или же четверо бегущих мужиков внутри «Федерации» были чересчур заурядным явлением, чтобы на нас кто-то обращал внимание. Снуя между озадаченными людьми, я решил, что надо было начальству не скупиться и купить соседнюю башню тоже. А лучше Сити целиком. Все будет меньше вопросов.

Но все равно толпа есть толпа, и, пока наша четверка добралась до лифта, мы упустили драгоценное время.

— Куда едем? — спросил Корсар.

— Мы со Шпунтом вверх, — сказал я. — Останьтесь с Джеппом тут. Если все будет спокойно — двигайтесь к нам.

Когда двери лифта закрылись, я запоздало вспомнил, что ехать вверх нам придется долго, с пересадкой в другую кабину, располагающуюся в общей шахте с нашей. Однако Шпунт сумел удивить: как ни в чем не бывало вытащил из заднего кармана джинсов пластиковую карточку и прислонил ее к считывателю. Загорелся голубой огонек, и скорость кабины возросла.

— Что это? — спросил я.

— Вип-доступ на верхние этажи, — ответил Шпунт. — Прямой коридор.

— Откуда?

Шпунт заулыбался.

— Я в «Скай» записался, — сказал он, глядя на мое непонимающее лицо. — Качалка такая, там, наверху. Карточка с правом на скоростной лифт входит в абонемент. Вторая кабина прижимается к верху и ждет. Хочешь, вместе ходить будем?

— Умно, — похвалил я. — На Иных же качалка не действует.

— Устарели твои данные, командир, — сказал Шпунт с укором. — Для нас уже и форма отдельная производится. Захочешь — марку скажу.

— Может, позже, — буркнул я.

Труба в руке завибрировала.

— Да, Саша?

— Короче, наши «пиджаки» добежали до своих апартаментов в «Скае», — Сашкины обертона с трудом прорывались через несколько слоев глушилок — лифт проносился на уровне нашего офиса в соседней башне. — Этаж пятьдесят второй. Сможете зайти по карте гостя, я вам допуск повешу на ксивы.

— Защита нашей конторы от магии на отель распространяется?

— Нет, конечно. Это же просто отель, там все чисто.

«Ну да, — подумал я. — Инквизиторы для экономии времени поселились по соседству с нами, но так, чтобы влияние Дневного Дозора до них не доставало. Не спать же им непосредственно в здании Темных».

Вот только что могло пробиться через собственную оборону Инквизиторов? И кто вообще мог захотеть напасть на них, да еще и здесь?

Кабина еле ощутимо замедлила ход. Я стал ближе к дверям, собираясь выходить первым.

Створки дверей распахнулись в разные стороны, и я сразу увидел оборотня.

Нет, не в волчьей форме, но кто же способен здесь ошибиться? Типичная внешность вечно голодного до приключений, быстро дышащего парня или, как вариант, молодящегося ветерана пивных потасовок. Дешевая одежда, которую не жалко разорвать при внезапном перекидывании. Подергивающиеся пальцы с наскоро набитыми сезонными штамповками.

Ну и характерная аура оборотня, само собой.

Нас он явно не ожидал увидеть. Наверняка не столько охранял вход, сколько подстерегал возможную добычу вроде горничной или разносчика пиццы. Ненадежные солдаты из этих оборотней. Даже на работе норовят подхалту-

рить.

— Дневной Дозор, — сказал я ради приличия. — Предъявите вашу регистрацию.

Оборотень отскочил назад, на ходу стаскивая куртку и играя мышцами для устрашения. Вот идиот. Кто же перед боем тратит время на подобные мелочи?

— Уходите! — рявкнул он.

— Я ждал такого ответа, — сказал я, неторопливо отступая вправо, насколько позволяло пространство кабины.

Стоявший сзади меня Шпунт уже ухмылялся, вскидывая вперед руку с револьвером.

Грохот выстрела отразился от коридоров и утонул в мягких коврах на полу. Получив заряд серебряной картечи, оборотень с воплем опрокинулся на спину. Перекинуться он не успел. Но движения уже превратились в животные — волк в людском обличье егозил всеми конечностями по ковру, пытаясь перевернуться на брюхо.

Хотя страдал он от внезапного ошеломления, а серебро его не особо побеспокоило. Это мне не понравилось. Шагнув вперед, я сложил пальцы в «тройное лезвие». Голова оборотня резко повернулась на левое ухо, когда три молниеносных магических импульса располосовали ее правую

часть. Ковер начал жадно впитывать красные брызги.

— Это как? — не понял Шпунт, недоуменно глядя на револьвер.

— У него была активная защита от серебра, — ответил я, наклоняясь над трупом и обыскивая карманы не успевшей разорваться куртки. — Он тут не один, их может быть группа. Возможно, с ними маг, питавший амулет, и теперь он знает, что мы здесь. Агеев!

— Я тебя слышу, — сказала трубка Сашкиным голосом. — Какой еще маг? Какая группа? Говори, что видишь?

— На случай, если мы не выберемся? — вымолвил я, подбегая к дверям апартаментов. — Один оборотень устранен. Развоплощать не стали — пусть потом эксперты осмотрят.

— Принято.

Шпунт повернулся ко мне.

— У него и впрямь амулет, — показал он на запястье оборотня. — Браслет выживальщика, только паракорд зачарован. Если тут другие с такими же бегают, то стволы бесполезны.

— Ясно, — решил я. — Значит, мага с ними нет. Кто-то снабдил их защитой. Ну-ка, прикрой.

И я постучал в дверь. Тишина.

Что ж, всегда есть другие способы.

Поискав взглядом тени в коридоре, я не нашел ни одной. Мысленно представил пространство под ковром и потянул на себя. Вместе с тенью на меня нахлынул и запах пыльного ворса.

Сквозь Сумрак дверь выглядела полупрозрачной. Так случается, если ставить прослушку. Или же Инквизиторы отгородились на редкость слабыми заклинаниями. Я не стал рисковать — ушел на второй слой и прошел сквозь пустой проем.

Внутри никого не было. Сразу вернувшись в обычный мир, я открыл дверь изнутри и впустил Шпунта.

— Здесь пусто, Саш, — сказал я в телефон. — Гости пропали. Что они вообще говорили тебе?

— Сказали, что на них напали магические террористы.

— А чего не русские хакеры? Может, они что-то с языком напутали?

— Об атаке кричал Сен-Клер, по-французски. Переводом занимались уже мы.

— Понятно. Погоди, я осмотрю номер.

Смотреть было особо не на что. Номер выглядел роскошным, хотя мне казался маленьким. Впрочем, кто я такой, чтобы судить? Сам полжизни провел в комнатушках поменьше.

На креслах стояли раскрытые чемоданы с дорогими шмотками. На плечиках у шкафа аккуратно висели костюмы. У широкой кровати стояла неуместная гладильная доска с растянутыми на ней брюками, которые совсем недавно отпаривали. Инквизиторы что, сами себя обслуживали? Я уже приготовился обнаружить в номере советский потертый кипятильник, но не нашел. Зато на столике разместились две бутылки «Бордо» и какие-то закуски.

— Вроде все нормально, — неуверенно сказал Шпунт. — Все как у людей.

— А двуспальный номер с одной кроватью они на троих сняли? — спросил я.

Шпунт озадаченно огляделся.

— Да, один на троих, — подтвердил Саша по телефону. — Не только у нас имеются командировочные ограничения. Европейцы умеют экономить. Очень своеобразно, но умеют.

— Ну и жесть, — сказал Шпунт.

— Действительно, — согласился я, и внезапная мысль пришла мне в голову.

— Слушай, Саш, — обратился я к куратору. — А точно ли на них кто-то нападал? Может, сняли проститутку, показали магические трюки, у нее оказался друг-оборотень, не понимавший

юмора…

— Да ладно, — покачал головой Шпунт. — Тут все проще. Может, они просто там в «Авиаторе» зависают и угорают с нас.

— Я вам сейчас поугораю, — процедил Саша. — Радуйтесь, что разговоры ваши не записываются!

— Не кипятись, Саш. Могут быть варианты еще хуже.

— Какие, например?

— Очередная провокация. Фон Шелленберг ведь пытался намутить с документами по Крыму. Что, если…

— Молчать! — заорала трубка. — Ты, мать твою, вообще вкуриваешь, где находишься?! Вокруг вас могут быть магические предметы, фиксирующие разговор!

— Быть не может, — заметил я. — Эти, скорее, собственных глушилок понаставят.

В трубке что-то пискнуло. Поначалу я решил, что мой куратор лопнул от злости и отключился.

Оказалось проще — Корсар на второй линии.

— Слушаю, — сказал я.

— Мы просмотрели все магические следы ниже вас, — похоже, Корсар перекрикивал сторонние шумы. — Свежих сигналов не обнаружено. Мож-

но вызвать спецов, пусть провентилируют.

— Мы здесь оборотня устранили, — сказал Шпунт.

— Оборотня? Как могли оборотни туда попасть?

— Сверху, — внес я идею.

Шпунт принялся оглядывать потолок, словно на люстре мог кто-то прятаться.

— Забудь, там никого нет, — сказал я.

— Там «Сиксти», — возразил Шпунт.

— Ресторан?

— Ага. У них же стеклопанель удобная. Попасть можно снаружи.

— А как тогда… — начал я, представив десант волков с воздуха, и умолк. По одной проблеме за раз.

— Пошли отсюда, — махнул я рукой, давая Шпунту сигнал идти сзади.

Но едва я высунул голову за дверь, как характерный свист заставил меня отпрянуть.

Шпунт перестарался — схватил меня за воротник, дернул на себя, убирая с опасной траектории, и мы чуть не завалились на спины. В дверном проеме, сминая ковер, пронеслась массивная звериная туша. Следом полыхнуло фиолетовым — в спину туше летело неизвестное мне заклинание.

Выхватив у Шпунта револьвер, я высунул руку в проем, пальнул дважды в сторону зверя. Попасть так куда-то было трудно, зато хоть дал понять магам справа, что я на их стороне.

Так или иначе, но оборотень попал под одну из атак, о чем мне поведал громкий скулеж. Я выскочил из номера, мигом ощутив отвратную смесь ацетона и паленой волчьей шерсти. Вроде и знакомые запахи, а вместе никогда их не ловил.

Справа от меня застыл Рене Сен-Клер с выставленной вперед пятерней. Он стоял в гостиничном халате со смешными синими дельфинами. На щеке застыла полоска пены для бритья. Оборотни застали его в расслабленном состоянии тела и духа, но он сумел вывести конфликт подальше от запертых в номере секретов.

— Саймон ранен, — только и сказал он.

— Проверь зверя, — хлопнул я Шпунта по спине, и парень припустил к шевелящемуся волку.

Я быстро подошел к Сен-Клеру, с умиротворением поднял руки. Он поглядел на меня с опасением, переходящим в страх. Наверное, с его точки зрения, было кого бояться. Сергей Воробьев, злобный убийца Высшего Инквизитора.

Однако мне было совсем не до скромности. Внезапно стало ясно, что все мои двухлетние

парирования атак Инквизиции могут разбиться о любое мое неосторожное слово или действие, которое настроит этого напуганного француза против меня. Возможно, мне даже неправильно думать нельзя.

— Помощь уже в пути, — сказал я ему. — Одного из врагов мы обезвредили. Где мистер Джонсон?

— Я здесь, — хрипло вымолвил неожиданно показавшийся Инквизитор. Бледный, прижимавший левую ладонь к лицу. Промеж пальцев струилась кровь — редкое зрелище для сильного Иного. Для амбициозных и прогрессивных — и вовсе недопустимое. Ничто так не выдает нашу принадлежность к людям, как кровь.

Саймона шатало — он прислонился к стене, чтобы не свалиться. В отличие от Рене он все еще был в костюме. Дорогой пиджак пестрел множеством мелких порезов. Никогда не видел таких следов у волчьих когтей, тут явно что-то другое.

— Вы в порядке? — спросил я.

— Рене, — проговорил Джонсон, не замечая меня. — Они забрали ее.

Поначалу я не понял его слова — Саймон говорил по-французски.

— Что забрали? — спросил я.

Саймон пару мгновений смотрел на меня, слов-

но вспоминая русскую речь, и затем произнес:

— Камчатку. Всю, целиком.

Он что, бредит?

Пора вмешиваться активнее, пока оборотни там не взяли вдобавок Сибирь. Я решительно прошел мимо Джонсона — оказывается, он спускался по технической лестнице. Так вот что здесь ацетоном воняло. Перепрыгивая через испачканные краской ведра, чувствуя пистолет в ладони и готовя пару атакующих заклинаний, я добрался до узкого служебного коридора.

На верхних ступенях меня ждало зрелище — неподвижно лежащий третий Инквизитор из компании, Томас. Он уткнулся взглядом в точку, явно стараясь не делать лишних движений. Как и Саймон, он тоже не успел переодеться, однако снятый пиджак был обмотан вокруг правого предплечья, чуть сочившегося кровью. Возможно, он так защищался от укусов. Простой и действенный способ. У Томаса дергалось веко, на лице расположилось несколько почти идеально параллельных царапин. В здоровой руке он сжимал комок каких-то ниток, и я опознал фрагменты уже знакомого браслета. Похоже, Томасу удалось сорвать их с противника, но мертвого оборотня я нигде не видел.

— Где они? — выпалил я.

Томас посмотрел на меня, не узнавая. Видимо, их с Саймоном все же настиг некий магический морок. Затем он слегка качнул головой в сторону пустого коридора, заканчивающегося разбитым окном.

Я лишь вздохнул, убирая револьвер Шпунта. Словно чувствуя мое настроение, трубка зашипела снова.

— Что там? — спросил Саша. — Надеюсь, я не отвлек тебя от страшного боя?

— Да тут без нас разобрались, — сказал я. — Вызови костоправов на этаж. И портной бы не помешал.

— Портной?

— Нет времени объяснять, — сказал я и машинально посмотрел в другой угол коридора. — Просто сделай…

И тут трубка едва не выскользнула из моих пальцев. Моргнув, я решил, что поймал наваждение вместе с Инквизиторами.

В углу, где вдоль покрытой разводами стены валялись мешки со всяким ломом, копошился гигантский кот.

Если бы меня в то мгновение попросили, положив руку на распечатку Великого Договора,

заверенную лично Завулоном, признаться, чем именно кот был занят, — я бы промолчал.

Потому что в данный момент я наблюдал, как кот беспокойно пытался разобрать переносную осветительную мачту. Он крутил все ручки, пытаясь вдавить пухлые лапы в кнопки, дергал за шнур, активно приподнимал мачту и стучал ее ножками о холодный бетон. Словом, вносил все большую дичь в происходящее.

— Клумси? — спросил я обалдело. — Это что, ты?

Кот повернулся ко мне, и я заметил, что поперек пасти он держит зубами блестящий продолговатый цилиндр. Вертикальные зрачки сверлили меня без особого воодушевления. Издав звук, который можно было бы принять за сдержанное мяуканье, кот демонстративно стащил с лапы оборванный браслет, нити с которого все еще сжимал Томас. Двигался он уверенно, даже нагло, словно демонстрируя, что это именно он участвовал в схватке.

Затем в воздухе мелькнул пушистый хвост, кошко-оборотень промчался к открытому окну и сиганул в проем.

Подбегая ближе, я выглянул наружу.

Хвостатый вор мчался вниз по вертикальной

стене, пока его лапы не оторвались от стекла башни, отправляя пушистое тело в свободный полет. Пара мгновений — и кот пропал в Сумраке.

Глава 3

Монотонные удары молотка эхом отражались от стен коридора, гремели, мешали думать. Трое рабочих в оранжевых касках невозмутимо пристраивали на дыру в окне кусок толстой пленки. Еще один громоздил рядом тележку с досками. Все выглядело настолько по-колхозному, что казалось, имидж здания вылетал со свистом в образовавшуюся дыру.

— Собственник этажа требует решать подобные вопросы поэтапно, — объяснил мне Саша. — Ты бы видел страховочные пункты в договоре на аренду. Дырки в окнах там тоже прописаны. Нормальное стекло завтра приделают. А пока что сойдет и пленка, на случай если снаружи нас снимает гугломобиль.

Сашка казался невозмутимым. Я знал, что стоит мне вымолвить хоть одно лишнее слово — и он собственноручно разгрохает весь оставшийся этаж.

— Тебя и этим напрягли? — спросил я.

— Чем?

— Ремонтными работами. Я знаю того мужика справа, он у нас оптоволокно проводил.

— Да, пришлось вызывать наших, — подтвердил Саша. — Те двое на стремянке не в теме. Простые рабочие. Но ты не переживай за мое напряжение. Поверь, теперь оно на весь наш отдел навалилось. И на тебя в том числе.

— Не то чтобы я спорил, но… — Я прислонился к стене. — Ко мне какие претензии?

— Ты виноват уж тем, что хочется нам кушать, — произнес Саша. — Формально нас не должны касаться проблемы соседей. На нашу беду, мы оказались рядом. Мы — Темные. Оборотни — Темные. А жертвами стали Инквизиторы. Насколько подробно я должен объяснять, почему мы конкретно попали?

— Подробно и не нужно, лучше объясни другое. Наш отдел действительно привлекли просто потому, что мы оказались рядом?

— Что ты имеешь в виду?

— Это не связано с делом фон Шелленберга?

— Понятия не имею, — сказал Саша. — Уверен, что нет. Или не напрямую. Не могу утверждать, что кто-то подозревает лично тебя.

Мне захотелось неслышно выдохнуть, но Сашу такими трюками не провести.

— И я тебе даже больше скажу… — Он почесал подбородок. — Дело твоего европейца вообще

имеет малое отношение к визиту наших гостей в Москву.

— В смысле малое?

— Ну, вот так. Ты же не думал, что они специально прилетели в Россию с официальным визитом, чтобы потрепаться за дохлого коллегу?

Видимо, я настолько изменился в лице, что Саша даже сделал шаг ко мне.

— Знаешь что? — вымолвил я, чувствуя поднимающуюся неуместную горечь. — Если честно, то именно так я и думал. Потому что если меня зовут на официальное расследование Инквизиции с позволения Дневного Дозора и со всеми протоколами, то я не ищу в этом ширму для прикрытия других дел. Не думаю, что три года из меня готовили клоуна для реалити-шоу. Так что да, я относился к этому серьезно. А теперь ты говоришь…

— Стой, стой, — сказал Саша. — Я не совсем это имел в виду.

— А что тогда?

— То, что сегодняшнее разбирательство шло вторым пунктом в их повестке дня. Нападение они связывают с первым.

— Что было первым пунктом? Зачем они прилетали?

Саша долго не отвечал, что меня почти напугало. Я привык, что мой куратор либо знает, какую информацию мне доверить, либо нет. Сейчас он явно колебался.

— Я прочитал твой отчет о том, что ты видел и слышал два часа назад, — сказал он. — Шпунт отправился осматривать волколака.

— Все же это волколак?

— Да. Не самый сильный, но необузданный. Проходил по нашим базам. Значит, Шпунт не слышал, как вы с Джонсоном перекинулись парой слов?

Я начал усиленно припоминать, что наболтал в отчете.

— Он нес какой-то бред, — сказал я. — Что «они» взяли Камчатку. И обращался он вроде к Сен-Клеру, не ко мне. Меня рядом с ним словно не существовало. Хотя он почти сразу перешел на русскую речь.

— Да, — рассеянно кивнул Саша. — Все сходится. Саймон попал под какое-то дезориентирующее заклинание, от чего окружающий мир воспринимал с большим трудом. Тебя он и в самом деле не видел, что выходит из его доклада. И он в самом деле шел к Рене, потому что Томаса уже вырубили. Но что-то в тебе поставило его мозги на

место, и он механически перешел на русский. Думаю, достаточным оказалось то, что к нему обратились на русском.

— Получился кривой перевод того, что он хотел сказать Сен-Клеру?

— Не кривой. Вполне буквальный.

— Что-то я не понимаю. Оборотни заполонили фарватер Охотского моря?

— Не совсем. — Саша вытащил из кармана телефон и вдавил кнопку сбоку, пока аппарат не выключился.

Я с сомнением посмотрел на строителей.

— «Сферу невнимания» повесить? — спросил я. — Мой мобильник штаб пока конфисковал, если что.

— Уже висит. — Саша повел рукой в воздухе, и я ощутил стойкий запах черники. Агеев встраивает его во все свои заклинания.

— Короче, дело вот в чем, — сказал он. — Инквизиторы прилетели в Москву, чтобы забрать из нашего штаба предмет особой важности. Уникальный образец новейшего зелья под названием «камчатка».

— Впервые слышу, — признался я.

— Немудрено. О нем на планете знают человек шесть. И двое из них сейчас в этом коридоре.

— Остальные трое — наши страдальцы, думаю. Тогда кто шестой?

— Надежно засекреченный создатель эликсира, — ответил Саша. — Глубоко законспирированный колдун.

— Понятно, — сказал я, ничего не понимая. — И что этот эликсир собой представляет?

— Это магический энергетик.

— И все? Вроде не сильно сурово звучит.

— Много ты знаешь магических энергетиков?

Я хорошо подумал и ответил:

— Ни одного.

— Вот потому впредь думай, прежде чем что-то ляпнуть, — отчитал меня Саша. — Согласно описанию, эликсир на время снимает ограничения на применение любой магии в рамках своего уровня. Колдуй сколько хочешь без устали.

— Представляю, какой потом отходняк.

— Не представляешь. Потому что его нет.

— Что значит нет?

— То и значит. «Камчатка» — это не какая-нибудь «дурь», которая просто перераспределяет твои внутренние резервы магии за счет ее последующего упадка. «Камчатка» не черпает Силу из твоих собственных запасов. Напротив, с ней ты можешь черпать из Сумрака бесконечно. Как

будто маги всего мира усердно вливают в тебя Силу, только сколько брать и куда тратить — решаешь ты один.

Вот тут я просто не поверил услышанному.

— То есть эта штука дает прямой доступ к магии, минуя все барьеры? — спросил я.

— Так точно.

— Это же невозможно.

— Хотел бы я, чтобы для мира Иных это и дальше оставалось невозможным, — сказал Саша. — Потому что именно на ограничениях, наложенных Сумраком, весь наш мир и стоит. А теперь есть технология, позволяющая его обойти. Обмануть Сумрак.

— Кто это создал? — спросил я. — Откуда эта штука в нашем штабе?

— У меня доступа к таким ответам нет. И полагаю, у тебя его тоже никогда не будет.

Я ожесточенно потер щеку, словно меня мучила зубная боль. Эликсир, снимающий все сумеречные барьеры. Без последствий. Да сам факт существования таких технологий порушит весь наш шаткий фундамент, даже безо всяких реально доступных эликсиров!

— И что теперь делать? — спросил я.

— Найти «камчатку», — просто ответил Саша.

— Как?

— Это надо у тебя узнавать как. От имени Дневного Дозора я поручаю тебе это дело.

— Почему мне?

Саша поманил меня пальцем. Когда я придвинулся, он сказал:

— Потому что ты в курсе существования этого эликсира.

— Значит, моя группа знать этого не должна?

— Ни знать, ни участвовать в твоем расследовании. Работать будешь сам, без группы.

— Совсем один?

— Зато с расширенными правами на вмешательства. Многого не обещаю, уровня до пятого, не выше.

— Ты издеваешься?

— К сожалению, нет. И потом, в твоем подозрении, что Инквизиторы попытаются впаять тебе соучастие в краже эликсира, есть здравое зерно.

— Это еще почему?!

Мой куратор посмотрел на меня с сожалением, словно я был его большой ошибкой.

— Ты совсем не соображаешь? — вымолвил он. — Да потому что этот твой Клумси был с тобой в Севастополе и присутствовал при смерти фон Шелленберга. Он по факту твой соучастник в

том деле. А теперь ты находился с ним в одной комнате, когда он спер флакон с «камчаткой». Уже достаточно, чтобы пришить тебе новое обвинение, причем по весьма тяжелой статье.

— Погоди! — Я поднял ладонь, стараясь скрыть ее дрожание. — Не ручаюсь, что с оборотнями был именно Клумси. В отчете я сказал, что…

— Верно, но оборотень в обличье кота известен только один.

Твою же сумеречную мать!

— Найди этого усатого, — сказал Саша. — Вытряси из него все, что сможешь. Верни флакон. И обязательно найди стрелочников. Интересы оборотней на таком процессе Москва учитывать не будет.

— Где же я стану его искать? — обреченно спросил я. — Саша, не знаю, что ты думаешь, но я не имею никакого отношения к нападению. Ни про какой эликсир я не слышал. С Клумси связей не поддерживаю с тех пор, как из Севастополя выбрался. Черт побери, я даже не знаю, где он шастал и чем дышал.

— Понимаю, — сказал Саша. — Теперь пойми и ты меня. Если ты попадешь под новый инквизиторский замес, я буду очень расстроен. Если попадешь как невиновный — то буду еще и

сильно раздосадован. Но с тобой тонуть не стану. Дневной Дозор просто будет вынужден сдать тебя. Мы и так серьезно вписались за твою шкуру. И не списывай все на мою Темную сущность. Самосохранение — оно у нас от людей.

Прошло полминуты, прежде чем я понял, что разговор закончен.

— Ну, тогда я приступаю, — произнес я, не имея ровным счетом никаких идей.

— Приступай, — сказал Саша. — Корсара и остальных я отправляю на взрыв в Шереметьево. Если они справятся без тебя — это, несомненно, поднимет твой боевой дух.

И он просто ушел вниз по ступенькам, осторожно обходя следы крови Томаса.

Я впился пальцами в волосы, страстно желая остаться одному. Строители, не видя меня через защитный барьер, перешли на матерное обсуждение работы с обильными вкраплениями политоты.

Есть что-то издевательское в «сфере невнимания». Когда она на тебе, ты вовсе не испытываешь блаженного уединения и не упиваешься властью, что можешь якобы подсмотреть все людские пороки. Они потому и пороки, что в них нет ничего приятного, пока их не начнут демонстрировать

нарочно, подвергнув сначала огламуриванию. Зато есть ощущение, что все вокруг тебя не замечают, и это выглядит как издевательство и унижение. Люди начинают делать то, что и должны, когда считают, что рядом нет посторонних, — ведут себя естественно, вплоть до обсуждения вещей, которые ты знать не хочешь, и нескрываемых действий физиологического характера. Эти хотя бы просто болтали, пусть и мешали думать. Велеть строителям заткнуться я никак не мог и решил просто осмотреть место происшествия. Наш спецотдел уже прочесал все до последней плитки, но мне надо было с чего-то начать.

Итак.

Клумси, этот добродушный оборотень, которому Сумрак поручил превращаться в милого кота, связался с компанией мутных волколаков, чтобы попасть в самую настоящую группу захвата. Мишенью выступили ни много ни мало трое Инквизиторов с особыми полномочиями. Цель нападения — похищение особо ценного предмета, который вполне можно залегендировать как артефакт месяца. Место нападения — набитый людьми небоскреб в буквальном соседстве со штабом московского Дозора.

Самый нелепый и неподходящий объект во всей столице, чтобы устроить налет.

Самый нерентабельный груз.

Самые опасные противники, которые не забудут и не простят.

Быть не может такого, чтобы кто-то всерьез на это подписался!

Тем не менее нашлись желающие. Причем среди террористов — старина Клумси, который, судя по царапинам на лице Саймона, активно участвовал в боях с Инквизиторами, а с учетом того, что именно он унес «камчатку», получается, что он этими волколаками еще и руководил.

— Чушь какая-то, — вымолвил я, испытывая головную боль.

Самым неприятным в этой истории было то, что мне дали самую слабую из возможных зацепок. Нечего и заикаться о праве допрашивать Инквизиторов. Между тем вопросов у меня уже накопилось порядочно. Например, кто мог хотя бы задаться целью похищать этот чертов эликсир, если, по их же словам, никто в мире о нем не знал. Кем был его создатель, что он про все это думает? Действовали ли оборотни сами по себе, или же за ними стоят более могущественные маги?

На этот вопрос я мог ответить и сам. Конечно

же, стоят. Как иначе? Разве что Клумси для чего-то понадобилась относительно неограниченная власть над Силой, и он решил вылакать «камчатку» сам.

Сам по себе факт знакомства с Клумси никак не мог мне помочь. Если нет каналов связи — считай, нет и знакомства. Напрямую позвонить я ему не мог, даже если бы и знал его номер. Если он носит мобильник вообще. Со спонтанной сменой одежды при каждом перекидывании иметь личные вещи затруднительно. Не исключено, что Клумси даже не мог принять человеческий облик, пока тащил в зубах флакон, так как имелся риск его потерять. Зато попасть с ним на нижние слои Сумрака он мог без проблем, что делало невозможным преследование с моей стороны — если, конечно, у меня хватило бы дури выпрыгнуть за ним из окна.

Все же от подобных мыслей мне стало немного легче. Конструктивные размышления, несмотря на логические тупики, прояснили мое сознание.

Я оторвался от стены, прикинул расстояние от ступенек до окна. Как там было? Клумси увидел меня и пробежал дистанцию за пару мгновений.

Предположим, что Саймон спустился по ступеням сразу после схватки с Клумси: те парал-

лельные царапины на его лице принадлежали кошачьим когтям, а не волчьим. Даже игнорируя поправку на шок Саймона, время реакции и расстояние, которое я пробежал по ступенькам наверх, — получалось, что кот находился наверху неоправданно долго, поскольку флакон уже был у него. Томас лежал без сознания. Рене был отвлечен схваткой с волколаком.

Ровным счетом никто не мешал Клумси покинуть этаж, а вместе с ним и здание.

Но он остался. Остался, чтобы крутить осветительную мачту.

Самой мачты на месте преступления тоже не было: спецы утащили ее в камеру вещдоков. При необходимости я смогу ее осмотреть… но нужно ли? Точно ли в мачте дело?

Сняв «сферу невнимания», я подошел к строителям.

— Мужики, — сказал я громко, и они посмотрели на меня безо всякого удивления. — А для чего тут был такой большой светильник? Лампы дневного света не работают?

— Работают, — ответил тощий мужик, дымя табаком. — Какой светильник? Валера, ты тут видел светильник?

— Здесь мачта была световая, — напомнил я.

Строители переглянулись.

— Не было никакой мачты, — заверил мужик. — Хотя стой. Ты про такие, с красным шнуром?

Я призадумался и кивнул.

— Век бы не видеть этой китайской параши, — от сердца сказал Валера. — Нет, здесь их не бывает. Им повышенная влажность вредна. Мы их в шкафу запираем.

— Вы уверены?

— У нас с этим строго. Сломаешь одну — платить будешь. Их по тендеру как закупили, так на откаты столько ушло, что цена им теперь как моя получка за три месяца.

— Спасибо, — сказал я, поворачиваясь к ступеням.

Вот те и раз.

Получается, светильника на момент нападения здесь не было. Клумси его нарочно приволок из шкафа, чтобы поставить и без цели крутить.

Не то место, не те объекты, не та цель. Крайне рисковая операция на грани полного фола. Чтобы в кульминации сражения возиться с китайской осветительной мачтой.

— Ах ты ж, зараза лохматая, — вырвалось у меня. — Не нужна была тебе никакая мачта. Ты просто время тянул. Ждал, пока я приду с ниж-

него этажа.

Внутри моей головы словно ползал синий мох — до того явственно я ощущал бешеное движение мысли. Клумси знал о моем приходе и хотел видеть меня свидетелем того, что он сделал. Хорошо. Вот ты дождался, я пришел. Что ты сделал дальше, приятель?

Повернулся и сбежал.

Но перед этим…

— Но перед этим ты стянул с лапы остатки защитного браслета, — пробормотал я, развернулся и побежал к выходу.

Глава 4

Петр Ильич, наш патологоанатом, стащил с волколака покрывало, тщательно встряхнул ткань, сложил рядом на тумбочке. Снял очки и поместил в карман халата. Никогда не понимал, зачем Иным халаты на работе. Не могут же они хватать инфекции от тех, кого им обычно приходится осматривать. Да и посетители нашей анатомички никакими заразами не страдают.

— Оборотень, по местной классификации — пятого уровня, — начал Ильич. — Регистрационная печать отсутствует. В теле одна серебряная пуля, пущенная из револьвера. За баллистику не ручаюсь, но похоже на «ратник».

— «Ратник», «ратник», — подтвердил я. — Это наше штатное оружие. Переделанное травматическое, но для серебра и такого вполне достаточно.

— Я знаю, — покосился на меня Ильич. — Уже одиннадцатый раз, как имею счастье выковыривать ваши средства подавления из оборотней.

— На мою долю запишите только шесть, — утешил его я. — За остальные ответственна моя команда.

— Как вам будет угодно. Так вот, оборотень, несмотря на пулю, скончался не из-за нее. Смерть наступила из-за обширного внутреннего кровотечения, вызванного зарядом «полуночной сакуры».

— Чего-чего зарядом?

— «Полуночной сакуры», — повторил Ильич. — Заклинание из арсенала Инквизиторов.

— Первый раз слышу.

— Я тоже. Да и вижу впервые.

— Тогда как вы узнали название?

— Александр мне сообщил.

Я кинул взгляд на мертвую тушу. Ожоги выглядели как от вполне стандартного файербола. Возможно, Инквизиторы использовали не прямую магию, а собственные атакующие амулеты, просто не сочли нужным нам о них сообщить. «Полуночная сакура», надо же. Интересно, Рене сам спешно придумал название, или у них в самом деле есть подобное? Как же тогда оно по-французски звучит?

— При нем что-нибудь было? — спросил я.

Ильич кивнул на столик с пластиковой корзинкой, наполненной кучей рваного тряпья. Знакомая картина. Оборотни при перекидывании оставляют кучу лохмотьев — все, что

остается от одежды. Потому и предпочитают таскать вещи разовые, которых не жалко. Из-за них в последнее время в Москве появились даже лавки подходящего дешевого тряпья.

Наш отдел когда-то пытался продавить обязательную маркировку одежды, наиболее часто используемой оборотнями Москвы. Для этого был даже разработан проект целевого брэндирования, включавший в себя фэшн-раскрутку. Напечатали буклетиков, чтобы раздавать их всем оборотням при получении ими лицензий на питание. Дескать, вот вам, оборотни, адресок нового салона с широким ассортиментом одежды и кучей бонусов за приведенного друга. Одежда наша хороша и придется по вкусу даже самому привередливому клиенту. Нигде ничто не натирает, не жмет, при перекидывании моментально расходится по швам, обеспечивая суставам непревзойденную свободу.

Одна проблема — поскольку лицензированием оборотней занимается Ночной Дозор, то и программу следовало проводить в их приемной. На это Светлые не пошли. Так что теперь мы имеем дело с неподвижной тушей и корзинкой с лоскутами, по которым невозможно что-либо определить.

Давя внезапную брезгливость, я взял пару новых хирургических перчаток, натянул на руки и принялся копаться в вещах. Ильич молча наблюдал за мной, пока я не вытащил то, что искал, — обрывки паракорда. То ли при смерти владельца, то ли по истечении времени, но магию в себе он уже не сохранил. Жаль. Можно было бы поймать след. Хотя магические ли следы мне нужны?

Я покрутил паракорд в руках, посмотрел на свет. Филигранная работа. Подобный срез я еще не видел. Сплетен не просто вручную, но и с неким изяществом и даже любовью к процессу. Нет, это не аксессуар из магазина спорттоваров с наложенными заклинаниями. Его изначально сплели из уже зачарованной нити.

— Вы когда-нибудь видели подобное? — спросил я.

— В амулетах не разбираюсь, — ответил Ильич. — Вот про характер ранений спрашивайте сколько угодно.

— Я подозреваю, что как раз с характером ранений что-то не так, и именно из-за этого амулета. Петр Ильич, я прошу вас вообразить, какими должны были быть повреждения от сочетания «полуночной сакуры» и моего выстрела, и срав-

нить с имеющимися. Это поможет понять, как сработал амулет.

Ильич задумался на минуту.

— Трудно сказать, — вымолвил он. — У оборотня имелись и старые раны. Некоторые из них дали о себе знать снова. Может быть, «полуночная сакура» так и работает. Чтобы точно сказать, мне надо знать определенно.

— То есть от атаки Инквизиторов амулет не защитил?

— Получается, так.

Я снова покрутил остатки браслета, взялся за концы, потянул в стороны. Как и положено подобной вещи, нитки послушно поддались, стремительно расплетая узор.

— А если сравнить этот труп с теми десятью, что вы видели ранее? — спросил я без особой надежды. — Что тогда? Есть ли зацепки?

— Я не могу помнить столько деталей. Если хотите, подниму архивы…

— Не нужно. Просто скажите, что вам придет в голову. Чем данный конкретный экземпляр отличается?

— Да ничем, — ответил Ильич. — Обычный дикий волколак. Крупнее, тяжелее, медленнее. Когти тупее. Зубы тоже. Не сказал бы, что перед

нами лежит элитный солдат. Вам без меня виднее, чем он отличился.

— Возможно, вы правы, — вымолвил я, стараясь не потерять мысль. Вытащив небольшой фонарик, я внимательно осмотрел когти волколака. Покрыты опилками, деревянными и пластиковыми, испачканы в бурой крови. И затуплены.

— При нападении вскрылись старые раны, — бормотал я. — Когти внезапно затупели — уже после того, как пропороли обычные дерево и пластик. Говорите, зубы тоже?

— И зубы.

— Ага. И паракорд разорвался. Получается, амулет его не просто не защитил. Напротив, он его добил.

— Добил? — удивился патологоанатом.

— Именно. — Я выпрямился. — Кто бы ни дал оборотням амулеты, он этим не столько усилил их, сколько снизил их боевые качества.

— Зачем?

— Понятия не имею. Спасибо, Петр Ильич.

С обрывком браслета я пошел к лифту, вытаскивая телефон, любезно возвращенный мне штабом.

— Саша, — сказал я. — Как думаешь, можно подключить к расследованию Астрид?

— В каком качестве? — устало спросил куратор. — И зачем?

— В качестве моего временного аналитика. Ничего секретного я ей не скажу. Нужно быстро прошерстить кое-какие базы по Москве, а обратиться к ребятам не могу.

— Астрид, значит. Дай подумать. Она была допущена к Инквизиторам… можно, наверное.

— Благодарю. — Я выключил связь, прежде чем Саша снова о чем-нибудь не спросил.

Одного я не сказал своему куратору — что миловидная машинистка была в какой-то степени нужна мне еще и как поклонница мастеровой бижутерии.

Интересно, понимает ли Астрид в плетеных украшениях?

* * *

При повороте входной двери зазвенел подвешенный к ее верху колокольчик. Нанизанный на блестящий гвоздь череп заискрил красными глазницами. Наконец мой приход засвидетельствовал доносящийся с потолка волчий вой.

Я знаю пару человек, которые превратили бы все это в добротную сигнальную систему, не только возвещающую о приходе покупателя, но

и вываливающую про него всю подноготную: уровень Силы, цвет ауры и даже намерения. Знаю также, что никто из них не поставит подобную охранку в простую лавку амулетов, работавшую по урезанной лицензии. Так что особых сюрпризов не ожидал и даже вовсе снял руку с револьвера под плащом.

В воздухе чувствовалась слабая магия, исходящая от множества предметов самых разных культур, развешенных по сотням крючков в стенах. Разумеется, не все они были заряжены — в лучшем случае каждый десятый, иначе поплохело бы даже человеческому инспектору по миграции. В остальном это был обычный полуподвальный магазин, где резкие пороги у входа занимают добрую треть всего помещения.

Раздвинулись занавески из бамбуковых палочек, пересыпанных синими бусами. Передо мной возникло дивное существо, которое без надетых рогов суккуба вполне можно было бы принять… да, за суккуба без рогов. Прикрывая дверь, я шагнул поближе и понял, что передо мной все же стоит миниатюрная, хорошо сохранившаяся Темная, выглядящая лет под сорок — очень мягкие сорок, даже манящие, ставшие редкостью в век злоупотребления косметикой. О ее естественном

возрасте, конечно, я мог только догадываться. Но гадать почему-то не хотелось. Мне редко удается видеть Иных, настолько гармонично смотрящихся в драконьих кимоно с четырьмя поясами, нескольких ожерельях из разных эпох, серьгах в форме оранжевых пауков и множестве гусиных перьев, торчащих из прически на индейский манер. На фоне этого великолепия рога суккуба даже немного терялись.

— Добро пожаловать в лавку «Барабака», — сказала она мило. — Я Скво.

— Сергей Воробьев, Дневной Дозор. С таким названием вам нужна собака.

— Зато я всегда знаю первую фразу клиента. — Хозяйка стала за прилавок, блистая довольной улыбкой. — Выбирайте наши обереги, буду рада ответить на вопросы.

— Вопросы у меня имеются, — сказал я. — Что до оберегов, то один мой шерстяной знакомый уже выбрал их за меня. Это случайно не ваша работа?

Я положил перед ней обрывки амулета.

— Моя, — тут же ответила Скво, взяла амулет и начала рассматривать. — Бедненький, что же с тобой стало?

— С ним еще и поговорить можно?

— Все в мире отвечает, если правильно спросить.

— В таком случае я попробую спросить как можно правильнее. Кому ты продала этот браслет?

Скво посмотрела на меня со всей любезностью.

— Пить травяные настои я не стану, можешь не предлагать, — предупредил я.

— И в мыслях не было, — ответила Скво. — А почему бы тебе не спросить своего знакомого, где он взял мой браслет?

— Потому что поговорить с ним не так просто. Возможно, ты знаешь его. Зовут Клумси, оборотень. Превращается в огромного кота.

Скво прыснула со смеху и прикрыла губы.

— Никогда не слышала, — ответила она.

Мне показалось, что она говорит правду.

— А кому тогда ты продала браслет?

— Таких браслетов у меня было несколько. Не могу сказать точно, кому ушел этот.

— Не верю, — отрезал я. — Мастер всегда узнает свою штучную работу.

— И я узнаю, если увижу ее целой. Ты принес мне лишь кусок. Видишь, тут змейка разошлась. И темляк оторван. Теперь это просто хлам. Можно выбросить.

— Не особо ты ценишь свой труд.

— Я вижу, что браслет выполнил свое предназначение. Разрядился, спасая хозяина. О чем я должна сожалеть?

Вздохнув, я уперся ладонями в холодное дерево прилавка.

— Слушай, Скво, я не стану ничем тебе угрожать. Даже не пришью тебе сопротивление расследованию Дозора. Просто пойми одну вещь. Есть вероятность, что, независимо от моего желания, к тебе придет Инквизиция и задаст те же вопросы. И тогда тебе придется искать новые пути, как заставить мир ответить. Лучше тебе достучаться до мира прямо сейчас.

Мне показалось, что при словах про Инквизицию перья на голове Скво чуть интенсивнее шевельнулись. Она взяла амулет, поднесла к щеке, прикрыла глаза.

Я ждал.

— Браслеты — это лишь заготовки, — сказала она. — В каждом из них своя. Ее можно распознать. И тогда я вспомню, кому продала амулет. Если послушать, то я услышу.

— Амулет уже проверяли на след, — пояснил я. — Так что…

— Тш-ш… если спросить, мир ответит. Но я должна слушать.

Чтобы не мешать ей, я отвернулся и стал смотреть в узкое вертикальное окно на двери. На город быстро наваливались сумерки.

— Все, поняла, — вымолвила Скво.

— Неужели? — удивился я. — Мир заговорил с тобой сквозь энергетику паракорда? Ты почувствовала магический след торсионных полей?

— Да нет. Просто амулет вспомнила.

— И помнишь, кто его покупал?

— Есть одна девочка, заказывала у меня сразу пять штук. На сочетание защиты и атаки. Мне пришлось лицензировать вмешательства шестой степени, так что стоило это дорого.

— Так кто его брал? Что за девочка, как зовут?

— Сид с острова Сид. Так она себя называет.

Должно быть, я растерялся слишком явно. Скво при виде меня едва не выронила браслет.

— Точно травяного чаю не надо? — заботливо спросила она. — Что-то тебе нехорошо.

— Надо, но не буду, — вымолвил я. — Сид… так это Сид заказала амулеты? Зачем?

— Вижу, вы с ней знакомы.

— Да, — кивнул я. — Были когда-то. Но амулеты… и часто она покупает тут такие штуки?

— Заходит иногда за атрибутикой для себя и ребят из группы, — сказала Скво. — На той неделе

купила у меня три ловца, мишуру для комбика и чучело совы на стойку.

— Стоп, — сказал я. — Какого комбика? Какой группы? Ты о чем вообще?

— Музыкальной группы, — объяснила мне Скво. — Сид поет с ребятами. А ты о чем подумал?

Я забрал с прилавка браслет. Сунуть в карман мне его удалось лишь с третьего раза.

— Неверно понял слово «группа», — выговорил я. — У Клумси тоже была… группа…

— Темный, ты здоров?

— Как никогда лучше. И где мне искать Сид сейчас?

— У нее выступление сегодня, — ответила Скво. — Флаер дать?

— Давай.

На прилавок лег цветной лист хорошей бумаги с изображением мутного силуэта со спины и названием, написанным до того чудовищным шрифтом, что я не смог его разобрать. Зато адрес выглядел вполне обычно.

— Клуб «Мундус» в Некрасовке? — спросил я. — Никогда не слышал. Что там?

— Концертная площадка, — ответила Скво.

— Слышу подвох в твоем голосе. И для кого эта

площадка?

— Для тех, кого не услышал мир.

Тихо прокашлявшись, я сдержанно кивнул и пошел к выходу. Красноглазый череп, казалось, смеялся мне в спину.

Глава 5

Место, называемое клубом «Мундус», спряталось, как полагается, у всех на виду — на первом этаже недостроенного дома на улице Вертолетчиков. Иные, особенно Темные, могут устроить себе базу где попало — от пустыря до президентской дачи. Но назначить тусовочным пунктом нижний этаж высотки, которой до завершения не хватает примерно верхней половины, — это сильно даже по меркам низших Иных. В равной степени смело и отчаянно.

Бросив служебный «Форд» за пару кварталов, я проделал оставшийся путь пешком. Наши машины фонят защитной магией, выдавая Дневной Дозор лучше самых ярких воплей. Хотя вламываться в клуб, или что бы им там ни называлось, я все равно не собирался. Как раз по дороге продумаю, в каком качестве я предстану перед посетителями — как лицо официальное или же застигнутый превратностями судьбы усталый путник, случайно нашедший пригласительный флаер в магазине по продаже всякой чертовщины.

И все же, когда перед моим взором вырос жел-

того вида недострой, больше смахивавший на выживший в ядерном взрыве гигантский утюг, я не то что не собрал мысли в кучу, а напротив — растерял остатки духа. Все же нельзя смешивать работу и личную жизнь, даже когда элементы этой жизни остались в далеком прошлом, а работа еще только предстоит. На некоторые встречи сил хватает с натягом даже у Темных.

Сид с острова Сид. Снова.

Вход в «Мундус», конечно же, представлял собой наглухо запертую дверь. Сверившись со схемой на флаере, я приготовил удостоверение дозорного и даже расстегнул две пуговицы на воротнике рубашки. Я вовсе не собирался ее снимать, чтобы показать печать, но внешняя демонстрация готовности это сделать уже сама по себе служит хорошим тоном. По крайней мере в остальных притонах Москвы все именно так.

В дверь пришлось стучать четырежды. Мелькнула створка смотровой щели, которую я поначалу даже не заметил.

— Кто такой? — спросил голос без эмоций.

Я молча показал флаер.

Дверь открылась, и в проеме возник дядька до того пузатый, что протиснуться он мог разве что боком. Как и следовало ожидать, дядька был бо-

родат, даже чрезмерно, а также немного плешив и имел несколько заспанный вид. Из карманов штанов торчало по раскрытой пачке чипсов. По мне — достаточно характерные детали, чтобы при случае описать его Агееву, но и они меркли перед тем фактом, что дядька не был Иным. Меня встретил самый обычный человек.

— Концерт через двадцать минут, — предупредил он.

Словно в подтверждение его слов пол завибрировал раскатистым басовым гулом, которому вторили удары малого барабана.

— Я подожду, — сказал я и добавил: — Выпить тут можно?

Секунду помедлив, дядька открыл дверь шире. Между его необъятным пузом и стеной я пролез с большим трудом.

— В музыкантов не стрелять, — предупредил он.

— Постараюсь, — пообещал я, оправляя плащ.

Как он узнал про «ратник» в кобуре за поясом? Пузом почувствовал, или охранные амулеты везде понатыканы? Или просто дежурная фраза любому посетителю?

Впрочем, если местной забегаловке защиту ставила Скво — мне надо бежать отсюда без оглядки,

как из потенциальной зоны военных действий.

Зайдя внутрь, я с порога осмотрелся и испытал острое желание расстегнуть на кобуре пуговицу. Да уж. Приняв «Мундус» за притон, я ничуть не преуменьшил.

В воздухе стояла смесь табачного дыма, концертного дыма и просто дыма — из тех, что продаются в лавках вроде «Барабаки» в виде одноразовых декоративных амулетов. Сквозь завесу лениво пробивались разноцветные лучи прожекторов. Прямо передо мной лежало тело, грызущее сырую баранью ногу. Неподалеку двигались два силуэта, сцепившиеся в мордобое. За действием следили с полдюжины посетителей, чья аура выдавала разные виды магических и вполне людских болезней. Всего же, судя по очень приблизительному беглому подсчету, здесь шаталось существ пятьдесят.

Кто-то при виде моего плаща попробовал меня просканировать и сразу бросил это дело. Тоже знакомо. Распознать во мне Иного первого уровня может разве что тот, кто сам не ниже третьего, да и то если постарается, а встретить таких в подобном месте очень даже непросто. Всякий, чья аура заведомо выше твоей, — опасный противник, которого лучше не провоцировать. С другой

стороны, везде хватает психов. Я не был уверен, не принадлежу ли к их числу, раз пришел сюда.

Просторный, но кажущийся узким из-за гигантских предметов интерьера зал навевал приступы клаустрофобии. Судя по гнилым стульям, брошенному на бетон оборванному ковролину и каким-то совсем доисторическим обоям на фанерных шкафах — место это когда-то оборудовали бомжи. Затем их, видимо, выгнали всякие нелегальные вампиры, инкубы и прочие лешие. А может, и не выгнали. Может, сожрали. Или вовсе оставили там же, где они и доживали свой век. За возможность обратиться в Иного, пусть и низшего, многие продали бы остатки непропитой души. Хотя именно перспектива вечного отказа от алкоголя как раз многих и останавливала от этого шага.

Хорошо, что я не низший.

Подойдя к барной стойке, я уселся на вертящийся стул между двумя молчаливыми бродягами.

Бармен — ничем не примечательный Иной седьмого уровня — посмотрел на меня безо всякого интереса. Я собирался напрямую спросить, где искать Сид, но вместо этого произнес:

— Пива.

Он вытащил жестяную банку «Балтики»,

вскрыл ее, поставил передо мной. Я бросил на стол какую-то купюру, повернулся, стал смотреть на сцену, где басист в балахоне регулировал длину светящегося гитарного ремня.

Неужели мне, прежде чем спросить про Сид, непременно надо выпить?

— Первый раз у нас? — обратился бармен.

Кивнув для глубокомысленности, я принялся ловить драгоценный холод запотевшей банки.

— На Сид раньше больше народу ходило, — продолжал бармен. — Сейчас почти нет никого. Вы слышали, как она поет?

— Нет, — признался я. — И группу раньше не видел.

— Обязательно послушайте.

— Послушаю. А можно эту вашу Сид увидеть? Хочу выразить одобрение.

Похоже, бармену эта идея не понравилась, но возражать он не стал.

— Гримерка там, — показал он рукой.

Интересно, как быстро он прочувствовал сотрудника Дневного Дозора? Или тоже попробовал просканировать так, что я не заметил?

Или же все намного прозаичнее, и меня здесь просто знают в лицо. Сам же сказал — все как в других забегаловках Москвы.

Быстро допив банку, я поставил ее на стойку, слез со стула и пошел вдоль дребезжащих колонок к гримерке, стараясь ни на кого не наступить. Толкнул спрятанную в тенях дверь, измазанную грунтовкой и обклеенную обрывками газет.

Я оказался в коридоре с рядом зеркал, заблокированном с противоположной стороны грудой старых кирпичей, отчего место выглядело как заброшенный на сорок лет проход к закулисью кабаре.

Подобно живому, идеально реконструированному воплощению моих воспоминаний, Сид стояла перед зеркалом — высокая, худая, пытавшаяся застегнуть широкий ремень поверх длинного, до пят, зеленого платья, покрывавшего все тело и даже увенчанного неким подобием капюшона.

— Здравствуй, Сид, — сказал я.

Поворот головы — и на меня уставилось знакомое лицо. Чуть насмешливое, чуть удивленное.

— Привет, Серег, — сказала Сид, возвращаясь к ремню.

— Я не помешал?

— У меня сейчас выход. Но ты садись, рассказывай. На концерт приехал?

Я обошел ее, чувствуя аромат шалфея и тимья-

на, и спросил:

— Розмарин закончился?

— Розмарин Диана забрала.

— А кто это?

— Ты не знаешь, да? После концерта тебя со всеми познакомлю. Ребята чудесные.

— Понятно, твоя группа. Сид, когда мы виделись в последний раз?

— Я не считала.

— Но подсчитать сможешь, если захочешь.

— Если захочу. Не думаю, что это случится, столько не живут.

— Ты права.

Пряжка ее ремня наконец стала на место. Тонкие пальцы Сид прошлись по талии, разглаживая платье.

— Зачем ты пришел? — поинтересовалась она.

Я положил перед ней браслет и спросил:

— Твой?

Сид поправила капюшон, взглянула на себя в зеркало внимательнее. Взяла браслет, осмотрела.

— Мой, — сказала она. — Ты ходил к Скво?

— Ходил. Занятная у тебя поставщица. Воображает себя вождем краснокожих?

— Где ты видел краснокожих в Бутово? — удивилась Сид. — Скво — это производное от

«скворечник». Полной истории ее имени ты не дождешься.

— Надо было спросить у нее самой. В обмен на историю твоего имени.

— Я бы тебя развоплотила.

Сид снова осмотрела браслет и спросила:

— На ком нашел?

— Странно, что ты не спросила «где».

— Тебе еще что-то странно?

— Многое. Например, зачем бывшей преступнице, возглавлявшей банду, а теперь поющей в каком-то клоповнике, внезапно понадобились тактические амулеты. Не потому ли, что она осталась той, кем пообещала перестать быть?

— Я выполняю обещания, — спокойно сказала Сид. — А браслетов этих я действительно заказала несколько. И да, они мне нужны именно для музыкальных выступлений.

Мне нужно было забрать браслет обратно, но я не стал этого делать. Меня не покидало ощущение, что я вернул хозяйке ее потерянную вещь, так что я просто сказал:

— За все наше короткое общение было несколько раз, когда я мог довериться твоему слову. Каждый раз я доверял, и жалеть мне не приходилось. Сид, могу ли я доверять тебе сейчас?

— За такие вопросы могу перестать доверять тебе я, — ответила она, глядя в глаза. — У меня в группе двое магов, вампир и Диана.

— А Диана кто?

— Ты уже спрашивал.

На миг запутавшись в мыслях, я открыл рот, но Сид продолжила:

— Так вот, мы все — Иные. У меня уровень хоть не вырос, но и не снизился. Знаешь, как мы свое выступление проводим? Выплескиваем Силу. Сначала понемногу, но на пике вкладываем ее в каждую ноту, каждый слог, каждый жест. Мы высвобождаем себя. И, чтобы до зрителей все дошло как надо, нам требуется равная помощь как в сдерживании себя, так и в выплеске. Раньше приходилось следить за тем и другим сразу, но концерты шли коряво. А с амулетами Скво мы просто стали собой.

— Теперь понятно, — сказал я. — Похоже, они тебе были нужны. И все же ты их кому-то отдала.

— Отдала.

— Могу я узнать кому?

— Одному знакомому оборотню.

— Уже теплее.

— Он оборачивается в кота. Зовут Клумси.

Я не стал сдерживать облегчение на лице, на-

деясь, что не покажусь неискренним. Потому что на меня в самом деле накатило умиротворение.

— С тобой всегда было легко и просто общаться, Сид, — сказал я.

Сид с полуулыбкой сделала неопределенный жест, который можно было принять за укоряющий.

— Зачем усложнять бытие? — изрекла она.

— И в самом деле незачем. Где я могу найти Клумси?

— Там, где он часто бывает.

— И ты знаешь где? Ты мне скажешь?

— Да и да.

— Отлично!

— Не торопись так, — остановила меня Сид, перехватывая шпильками волосы под капюшоном. — На этот раз я хочу кое-чего взамен.

— Да неужели?

— Ты послушаешь наше выступление.

— Но…

— Я настаиваю.

Пол содрогнулся от нескольких ударов басбочки.

— Сид, у меня мало времени.

— А у меня его нет вообще, мне уже надо выходить.

Сунув браслет за пояс, она повернулась ко мне всем телом.

— Ты послушаешь всего одну песню, — сказала она. — Такова моя цена. И после я скажу тебе, где искать Клумси.

Делать было нечего. Я молча вышел из гримерки, утешая себя, что у меня слишком мало времени, чтобы разговорить Сид любым другим способом. Но это был самообман. Я слишком хорошо ее знал.

Ладно. Одна песня ничего не решит.

Когда я вернулся в зал, в нем стало ощутимо теснее. Или я в гримерке провел больше времени, чем думал, или же завсегдатаи «Мундуса» собираются в точности под выход Сид. Воздух окончательно смешался с дымом, и рассмотреть что-либо можно было только на сцене. Мне захотелось еще пива, но я не стал уже продираться к бару.

Барабанная установка возвышалась на небольшом помосте. За ней, едва видимая, топорщилась вампирская аура. В полумраке мелькали белые клыки, когда на них случайно падал луч прожектора. Двое гитаристов в балахонах тоже имели ауру Иных — один шестого уровня, второй седьмого. Их лица скрывались под ниспадающими

капюшонами. А где эта Диана?

Внезапно зашипевшая дымовая машина пустила мне прямо в лицо заряд выпаренного глицерина. Я закашлялся, зато вместе с ароматами сцены пришел розмарин. Значит, Диана где-то рядом. Приглядевшись, я рассмотрел у правого динамика невысокую девушку с дредами до пояса и скрипкой в руках. Любопытство взяло верх, и я тоже посмотрел на нее через Сумрак.

Слабая, но все же аура разрушительницы… что?!

Уклонившись от очередной порции дыма, я в изумлении посмотрел со второго слоя. Поймать тень от набирающих скорость прожекторов оказалось нетрудно. Конечно, передо мной стояла никакая не разрушительница. Схожая аура есть, но неактивная, соответствующие способности находятся в зачаточном состоянии и заблокированы Сумраком намертво еще при рождении. Все равно редкость. По всей видимости, Диана — это дальняя родственница Паолы.

На какой остров Сумраком занесло Сид, что она познакомилась с Иной, которая, попадись ей Мел Судьбы, смогла бы уничтожить Изначальные Силы?!

Впрочем, получи этот Мел я — прожил бы

жизнь бурым мишкой на полянке с пчелами.

При первых аккордах толпа взревела полусотней разных голосов. Несмотря на отсутствие видимой охраны, все держали почтительное расстояние от сцены. В воздухе возникла микрофонная стойка, на которой помимо ловца снов в форме совы я рассмотрел светящихся улиток, ползающих по стойке вверх-вниз. Дальше из дыма показался зеленый наряд Сид, которая сразу начала петь.

Никогда не слышал ее поющей, и при первых строках даже вздрогнул.

Сверкающий луч искал в Сумраке жертву,

готовясь опять разжигать вечный бой.

Не будет на сцене финала концерту – идет снова Свет

на сражение с Тьмой.

Но к ним просочилась, как жизни теченье, Тень –

без билета, бумаг и вещей.

Свет видел ее как свое отраженье, Тьма – как соперницу

в царстве ночей.

И замерла Тьма, отступая подальше, оставив ничто

поглощать ее след.

И сразу за ней, без подруги оставшись, стыдливо укрылся

мерцающий Свет.

И крикнули вместе: «Ты что же такое?! Не видели здесь

мы тебя никогда!»

Ответила Тень: «Я дитя роковое, оставленный вами

птенец без гнезда».

Слова ввинчивались в мое сознание, совсем не к месту пробуждая что-то, о чем я долго хотел забыть. Чтобы отвлечься, я отвернулся и встретил возбужденное лицо совсем молодого инкуба. Его подруга вцепилась ногтями в его плечо, раздирая кожу до крови. Еще один махал рубашкой над головой, демонстрируя просроченную регистрацию на голой груди. На миг во мне проснулся дозорный, но тут же забрался обратно под ребра, стыдливо прикрыв за собой дверь, когда новые

строки словно ударили меня в спину:

Вы в битве бесцельной меня породили, в страдании, гневе,
контрастной тюрьме.

Друг друга от дочери вы оттеснили, укрывшись от истины
в собственном сне.

Но мне здесь не место – от Света я таю,
а Тьма растворяет меня без следа.

И если я так вашей битве мешаю, то буду искать мир,
где живы цвета.

Подальше от вас, где свирепствует зависть, где каждый,
кто против, – всего лишь мишень.

Я – Сумрака гордость, я – Сумрака ярость, дочь Света
и Тьмы, беспокойная Светлая

Тень.

Мне захотелось уйти, но не давали толпа, со-

весть и выпитое пиво. Удружила ты мне, Сид. По самое не могу.

Под скрипичное соло Сид отступила в сторону, уступая место Диане. Дреды на голове скрипачки шевелились, подобно ищущим жертву змеям. Вытащив из-за пояса остатки многострадального браслета, Сид начала вытягивать из него нити, пуская их вперед. Почуяв свободу, паракорд размножился на сотни трассирующих следов, ввинтился в пространство, бешеным серпантином атакуя толпу. Одна из нитей пала на меня, и я неудачно попытался увернуться.

Меня пронзила чистая Сила, словно расщепляя на молекулы. В одно мгновение я ощутил прикосновение сотни аур Иных, стоящих вокруг меня, разом чувствуя их счастье и боль, страдание и радость, смирение и гнев, холод и жар. Почувствовал я и самого себя, и от того, что я в себе увидел, мне стало плохо. Меня швырнуло до третьего слоя в пучину Сумрака, чтобы немедленно вышвырнуть обратно. Задыхаясь, я хватанул ртом задымленный воздух. Не думая ни о чем, сорвал с себя плащ и накинул себе на плечи, чувствуя разгоряченной шеей целительный холод.

Музыка чуть стихла, и начался следующий куплет:

И вот она в мире людей оказалась, с их полной палитрой суждений и дел.

Симфонией музыки Тень наслаждалась, обилием красок, дыханьем новелл.

В красоты условностей веру вернула, из мира контрастов сбежала не зря,

И руки свои к людям Тень протянула, за море оттенков их благодаря.

Но замерла Тень, посмотрев на их души – увидела ту же тупую дуэль,

Где Тьма неуверенно, Свет неуклюже дерутся за право возглавить постель.

Не могут принять люди двойственность мира, признать обе стороны равными в том,

Что поиск победы – обман и сатира, без Света и Тьмы в себе мы не живем.

Сид опустилась на колени, опираясь рукой на грязную сцену и в другой держа микрофон. Она смотрела перед собой, крутя головой, словно отчаянно пыталась собрать взглядом всех вместе. И остатками сил я пытался ее взгляда избежать.

Заплакала Тень, словно в самом начале, устала тянуться к циничной толпе.

Два полюса силы ее разрывали; сдалась
Тень на волю бесцветной судьбе:

Познав мир людей, извращенной морали, поняв, что уже никого не спасти,

Решила покинуть обитель печали и тихо, неслышно сквозь Сумрак уйти.

Подальше от криков толпы и натянутых масок, фальшивых, заманчивых сцен

Уходит бесстрастно, лишенная красок, уходит сквозь Сумрак бесплотная Светлая Тень.

Инструментальную коду к песне я провел как в тумане. Стоявший ближе всего ко мне гитарист равнодушно посмотрел на меня. Оказывается, на нем были очки для зрения, и в них отразился оранжевый луч прожектора, который на мгновение меня ослепил. Когда я поморгал, чтобы прийти в себя, Сид уже не было.

Толпа сзади немного успокоилась. Я с силой вытер ладонями вспотевшее лицо. Надо вернуться в гримерку, но сначала все же выпить снова, даже если придется раздаривать права на вмешательства за место в очереди в бар.

Повернувшись к стойке, я застыл на месте,

желая, чтобы Сумрак забрал меня уже насовсем.

На моем месте, где я совсем недавно пил пиво, сидела девушка, чей профиль в последние три года я не мог забыть ни на день. Без ставшего привычным мотоциклетного костюма, но ни джинсы, ни коричневая куртка не могли скрыть до боли знакомых очертаний.

Карминовые волосы. Зеленые глаза.

Заплаканное лицо.

В окружении молодых вампиров и оборотней, с огромным стаканом пива, ничего не видя и не слыша вокруг — сидела моя Ведающая.

Глава 6

Свисающие сверху кондиционеры принялись нагонять с улицы свежий воздух. Я жадно вдохнул его, вспомнив, что все еще стою в окутанном вокруг шеи плаще. Снял его, встряхнул, сунул руки в рукава, проверяя, не выпал ли пистолет. Его могли двадцать раз стащить, и я бы ничего не заметил. Вроде на месте. А еще местные бродяги могли сделать один или несколько выстрелов и так же незаметно вернуть обратно.

Совсем расклеился, бдительность потерял. Непорядок.

Толпа понемногу успокаивалась, разбредаясь по углам. Я глянул на сцену. Сид ее уже покинула окончательно, оставив одинокую сову раскачиваться на пружинистой ножке микрофонной стойки. Музыканты убирали инструменты и сворачивали шнуры.

Неужели Сид приготовила всего одну песню? Надо найти ее в гримерке, и тогда, может, это будет еще один вопрос из тысячи, которые я хотел ей задать.

Впрочем, надо дать ей время остыть. Такое выступление наверняка вымотало ее не меньше,

чем меня самого. И без того я был сильно взбудоражен.

У стойки бара уже не было никакой Веды. По крайней мере со своего места я не мог ее рассмотреть — между мной и стеллажами с напитками собралась толпа. Не знаю, что собирались пить низшие, многим из которых от запаха алкоголя плохо, но замену они явно имели. Я уже рассмотрел, как за стойкой прибавилось барменов. Роль некоторых из них исполняли девчонки, которых я видел в первых рядах на выступлении, — слабые Иные, ищущие свое призвание где угодно.

Действительно ли там сидела Ведающая, или мне показалось? Если второе, то почему она была не копией своего образа, вросшего в подкорки моего сознания, а вполне естественно выросшей на пару лет и немного похудевшей?

Хватит гадать. Надо решать вопросы.

Я двигался вдоль стены к бару, где толпа не так мешала. Дядька у входа уже бросил роль сторожа и жевал чипсы сразу с двух рук. Учитывая, что он не был Иным, он неминуемо должен был ослабеть от энергетического экстаза десятков созданий вокруг себя и теперь компенсировал энергию всем, чем мог. Был бы уместнее сахар, но ему виднее.

Иные вокруг выглядели умиротворенными. Что именно привлекало их в группе Сид — песня или энергетика? Если сегодня музыканты играли без браслетов, то как же тогда проходили их остальные выступления?

Аккуратно двигаясь вдоль стены, чтобы не наступить на сидящих, я натолкнулся на едва различимую фигуру.

Занятно, как игра света и тени способна извратить картинку. Иной, которого я поначалу принял за мачо с прической Элвиса, оказался коренастым и широколицым мужиком в черной фуражке. Он наклонился поближе, и я смог рассмотреть его тяжелый взгляд.

Конечно, оборотень. Достаточно сильный, уверенный в себе и в своей стае, представители которой тут, конечно, тоже присутствовали.

— Торопишься куда-то? — спросил он.

Неужели я забыл заплатить за пиво? Вроде не забыл. Или передо мной стоял кто-то из охраны Сид.

— Отойди, пожалуйста, — попросил я.

— Я мешаю тебе пройти?

— Мешаешь. Ты слишком высокий. Обернись волком, и тогда я через тебя перепрыгну. Только потом не скули.

Оборотень продолжал стоять. Его аура оставалась вполне ровной. Что бы он ни задумал, намерений своих он не менял.

— Меня зовут Тощий Гилмор, — сказал он. — Я тебя здесь раньше не видел.

Он начинал меня конкретно раздражать. Я не спрашивал его имени. И не собирался смеяться над его нелепостью, хотя он мог на это и рассчитывать. Поэтому я просто оттолкнул его и двинулся дальше.

— Ты хочешь проблем? — послышалось мне в спину.

Проще всего было бы повернуться и предъявить ему ксиву. Однако одно это не делало меня, что называется, при исполнении. С момента своего визита в клуб я не говорил никому, что пришел сюда по работе. Никому, кто желал бы со мной повоевать, нельзя было вменить попытку спровоцировать дозорного. Здесь я просто Иной, пусть и сильный.

С другой стороны, его настрой на мордобой я понимал и даже во многом разделял. Слишком много навалилось сразу. Эмоции во мне требовали выхода.

— Кто ты? — спросил оборотень.

Пусть в его словах я не чувствовал хамства, зато

нашел в интонации.

— Пошел к черту, — сказал я, чуть повернув голову.

Вот просчитать последствия мне все же следовало.

В следующий миг я почувствовал, как меня за шиворот поднимает ковш экскаватора, чтобы швырнуть в сторону. Я летел головой вперед к выходной двери, сметая забулдыг. Если в кегельбане и есть свой шарм, то не в том случае, когда ты шар.

Сам виноват. Ожидал подлого магического трюка, а нарвался на старый дедовский прием.

Хорошо, что дверь распахивалась наружу. Полагаю, ничто еще не открывало ее так быстро, как мое летящее тело.

И все же я непостижимым образом исхитрился при падении даже не помять плаща, хотя соответствующего мастер-класса не проходил. Тощий Гилмор выскочил за мной, готовясь без лишних слов добавить еще, но теперь я был начеку. Подпустил поближе, увернулся от летящего в лицо кулака. Схватил оборотня за ворот клетчатой рубахи и саданул лбом в лицо.

Есть некая правда в утверждении, будто у оборотней от волчьей натуры остается незна-

чительная дальнозоркость, почти незаметная, пока не придет надобность разглядеть действительно близкий объект. Вот и Гилмор не успел защититься — схватился руками за переносицу, зажмурился. Однако мой последующий апперкот своей цели не достиг — здоровяк перехватил мою руку, вывернул вправо.

Не делая попыток высвободиться, я одарил противника зарядом «серого молебна».

Будь Тощий Гилмор вампиром — после такого поместился бы в собственную фуражку. Но и представителям волчьей масти от этого заклинания не очень хорошо. «Молебен» сработал как гуманный аналог, опалив лицо оборотня чем-то вроде химического ожога, который тут же начал залечиваться.

Вывесив на себя «хрустальный щит», я сумел отразить серию встречных ударов. Прости, Гилмор, драться честно я с тобой не буду. На пустом пляже — всегда пожалуйста. А если ты красуешься перед стаей — извини.

Сорвав с шеи оборотня амулет в форме спортивной штанги, я врезал ему в челюсть. Лишенный перманентной защиты Гилмор взвыл и отшатнулся. Мне даже стало его немного жаль. На что он рассчитывал, напяливая эту безделушку?

Хочешь удивить противника — хотя бы не вывешивай напоказ стандартные защитные обереги, которые раздают в приемной нашего штаба. Всякая нежить при случае забирает их пачками, и никто еще не догадался, что эти спонсорские штуки не защищают от дозорных.

Следующее мое заклинание — простая вспышка с переменной яркостью, обычная серия световой атаки с эффектом стробоскопа. И — выхват «ратника» с прицельным выстрелом в ногу по касательной. Ни к чему нашпиговывать оборотня серебром, пусть просто почувствует, как по коже проносится потенциальная смерть.

Тощий Гилмор упал на одно колено, оперся рукой о бордюр. Ему хватило ума не перекинуться в волка. Этим он даст сигнал стае атаковать и заодно признает свое полное поражение. Мне же это развяжет руки, чтобы аннигилировать весь клубешник так, что уродливая высотка навсегда прекратит портить пейзаж.

Надо было заканчивать, и как можно этичнее.

Перехватив револьвер, я подошел к Тощему Гилмору, саданул рукояткой в горло. Схватил оборотня за руку, повалил наземь, уперся коленом в висок. Не обижайся, старина. Не я первый начал.

— Все, дозорный, хватит, — услышал я спокой-

ный голос.

Даже более чем спокойный — умиротворенный, словно его обладатель, в отличие от Тощего Гилмора, помимо уверенности в себе хорошо знал, как разрешать такие конфликты. Я отпустил оборотня. Он тут же поднялся и отошел ко входу, даже не посмотрев на меня. Только сейчас я заметил, что на нашу драку смотрела пара десятков обитателей «Мундуса». Почти все они глазели на меня с одобрением, как если бы я прошел ритуал принятия во внутренний круг. Вероятно, теперь мне даже закурить дадут, если я попрошу, а пузатый сторож отсыплет пару хрустящих чипсинок.

Среди толпы не было Ведающей. Знала ли она, что я здесь? Или все еще пьет и плачет?

— Навеселились? — повторил тот, кто разнимал конфликт.

Это был достаточно фактурный Иной. Оборотень, разумеется, но называть его низшим язык бы не повернулся — хотя формально он был именно таковым. Моего роста, он казался ниже из-за мускулистых рук, мощной груди и компактной по мужским меркам талии. На руках — перчатки без пальцев. Не байкерские, скорее, строительные. Лицо оборотня бороздили

шрамы и морщины. Стареющие оборотни обычно проводят больше времени в звериной форме. Этот же предпочел жизнь в виде человека. Но ни волчье существование, ни человеческое еще не определяют в полной мере, чья у тебя натура.

— Якут, — представился он и протянул руку в перчатке.

Я пожал ее, чувствуя заскорузлые фаланги его пальцев. Что-то необычное было в прикосновении к ним, но не пытаться же рассмотреть все детали при тусклом свете наружного клубного освещения.

— Сергей Воробьев, — представился я. — Сокрушитель дверей при помощи головы.

Сзади Якута виднелись припаркованные мотоциклы. Полчаса назад их тут не было. Видимо, тоже приехали на выступление Сид. Невольно я поискал среди мотоциклов знакомую модель. «Ямахи» тоже не было. Да и что делать Ведающей со стаей?

— Ты кого-то ищешь, Темный, — сказал Якут без тени вопроса.

Похоже, я выдал свои намерения.

— Просто хотел выпить пива, — произнес я.

— И подраться с Гилей.

— С Гилей? Даже не думал с утра.

— Ты мог уйти от боя.

— Мог арестовать его и запереть надолго. Ты этого хотел, Якут? Или чтобы твоего Гилю покрошили на котлеты?

— Конечно, ты можешь это сделать, — не стал спорить Якут. — Но ты бы не стал.

Он продолжал что-то делать со мной своими глазами — даже не сверлить, не буравить, а изучать, при том что явно видел впервые. Забавно получается. Предводитель клана оборотней, один из немногих в Москве, кто ни разу не слышал про Темного первого уровня Сергея Воробьева. Однако он составил насчет меня впечатление, до боли идентичное тому, что до него составляли все остальные. Неужели я стал настолько предсказуем?

— Твой Гиля напал на меня и получил свое, — объяснил я. — С этим есть проблемы?

Якут обернулся, окинул взглядом своего товарища, угрюмо молчащего в тени.

— Нет, раз он может управлять мотоциклом, — решил Якут.

— За серебро не переживай. Заживет как на собаке.

— От атак Темного — может быстро и не зажить.

— Ничего. Поскачет волком.

Якут молчал. Запоздало я понял, до чего по-хамски прозвучала моя фраза.

— Не думай, что я хочу кого-то обидеть, — сказал я. — Если мои слова показались тебе резкими, то лишь потому, что вы оборотни.

— Да, мы оборотни, — подтвердил Якут. — Не все в стае выбрали для себя эту участь.

— А ты?

— Я — выбрал.

С этими словами, Якут стащил перчатки и показал мне свои руки. Местами кожа была содрана или обожжена. Левый мизинец отсутствовал до середины, три других пальца — неправильно срослись.

— Я поскачу волком, если надо, — сказал Якут. — А когда кончится дорога, проложу новую. Но…

Он опустил руки.

— Много крови потребуется на путь, — добавил он. — Бензин достать куда проще. Вот и мотоциклы лучше.

— Ясно, — сказал я. — Удачи, Якут.

Все же я задержался посмотреть, как он будет надевать перчатки на искалеченные руки. С такими ранениями я бы не сумел это сделать. Якут

сумел — на одну руку. Со второй перчаткой он возился, но так и не смог протолкнуть искореженные пальцы в отверстия. Похоже, ему в этом обычно кто-то помогал, кого сейчас рядом не было. На мгновение мне захотелось предложить свою помощь, как вдруг Якут выронил перчатку на землю. По его лицу пробежало выражение досады и, как я был уверен, трудно скрываемой тоски.

Он так и остался стоять, глядя на лежащую перчатку.

Повинуясь порыву, я наклонился, подобрал ее и подал оборотню. На потрепанном спандексе перчатки флуоресцировал логотип стаи — мохнатая лапа тянется к человеческой руке в знак помощи. Больше меня поразило, что лого не нарисовали и не приклеили, а вышили вручную белыми и желтыми нитками.

Якут взял перчатку, посмотрел на меня с выражением непонятной надежды, словно я мог восстановить его веру в Иных — или во что-то другое, до чего я не дошел еще сам. Бросив сомнения, я решительно повернул его ладонь кверху и нацепил перчатку на искореженные пальцы. Молниеносная гримаса боли пробежала по лицу оборотня, когда я застегнул липучки на его

запястье.

Оставив его со своими мыслями, я вернулся в клуб. Толпа расступилась, пропуская без разговоров.

«Когда кончится дорога, проложу новую…»

Почему же я при виде конца дороги не прокладываю путь дальше, а изрекаю свои ироничные соображения по этому поводу и затем сажусь писать рапорт о заходе в тупик, долгих разворотах и компенсациях издержек? Наверное, надо просто признать, что я не волк.

Внутри клуба грохотала танцевальная музыка. Группы на сцене уже не было, как и инструментов. Тут точно должен быть ход для персонала — иначе не объяснить, куда все исчезают.

Я подошел к бару, надеясь, что прилив сил после стычки не иссякнет за восемь шагов. Справился с ними — и увидел пустой стул. Ведающая пропала.

Желающих поработать на стойке прибавилось, и мне без лишних разговоров подали еще пива.

— Здесь была Светлая высокого уровня, — сказал я. — Рыжая такая…

— Была, — ответила почти лысая девчонка с татуированной челюстью.

Значит, мне не привиделось.

— Не видели, куда она пропала?

— Я прошу прощения, Темный. Мы не имеем права говорить. Она из Дозора.

— Я тоже из Дозора.

— Про тебя мы тоже никому не скажем, если спросят.

— Понимаю. — Я сгреб пиво и направился к гримерке.

Внутри никого не было. Чтобы убедиться, я даже включил свет. Ни малейшего следа Сид, даже расческу со шпильками забрала. Похоже, она не планировала возвращаться.

Да что же все уходят от меня?

Выкинув пустую банку в переполненную урну, я вышел из клуба. Якут со своей стаей уже скрылись вместе с мотоциклами. Несмотря на расслабленных низших вокруг себя, мне внезапно стало очень одиноко. Я представил, как начну носиться по клубу в поисках Сид, и за мной будет наблюдать любитель чипсов.

Нет. Сид меня еще не обманывала. Она найдет, как со мной связаться.

Поискав свою машину, я вспомнил, что оставил ее в пяти минутах. Что ж, будет время пройтись и немного остыть. Так что я застегнул плащ и направился навстречу сияющей огнями, холод-

ной Москве.

Мои полномочия на сегодня кончились. На улицы заступал Ночной Дозор. Если встречу патруль Светлых — могут прикопаться к любой мелочи. Много времени не отнимут, но настроение испортят.

Значит, Ведающая снова в Дозоре. Интересно, питерский или читинский? Будь она просто Иной не на службе — мне бы выдали про нее все на блюдечке, как про обычную волшебницу, и плевать, что у нас общий уровень Силы. Однако в глазах девчонки за стойкой мы с Ведой были социально равны. Вывод прост: Веда снова дозорная, как и я. Что-то ищет на улицах Москвы.

Я понял, что добрался до машины, только когда натолкнулся на бампер. У водительской двери стояла Сид, рассматривая ногти.

— Привет, — сказал я.

— Привет. Я шла к метро и замерзла. Ты меня подвезешь?

— А твои ребята как?

— Наш бусик сломался, ребята остались чинить.

— Садись.

Я уселся в машину и завел двигатель. Сид незаметно пристроилась на сиденье справа.

В другой жизни я бы удивился многим вещам. Что Сид пришла исполнить всего одну песню. Что возвращалась в одиночестве. Что не предупредила о том, куда и когда пойдет. Чтобы этому удивляться, надо действительно быть с другого острова. С какого-нибудь, на котором ты не знаешь Сид.

Я выехал на дорогу, и Сид подставила ладони струе теплого воздуха из печки.

— Сначала я подумал, что это песня про меня, — сказал я. — Что это я Тень, но какая-то неправильная. Светлая слишком. Знаешь, такая завуалированная лесть.

Сид чуть повернула голову.

— Но это песня про нее, — продолжил я. — Про Ведающую. Это же она Светлая, только Тень.

Сид перевернула ладони другой стороной и сказала:

— Веда ходит на все наши выступления, когда бывает в Москве. Сначала она ждала эту песню. Потом мы решили, что сразу будем ее исполнять, чтобы экономить ей время. Оказалось, что все остальные гости тоже получают от одной песни все, ради чего приходят. Кому нужна Сила, а кому — воспоминания.

— Когда вы с ней познакомились?

— Почти год.

Мне не пришлось долго раздумывать над тем, задавать ли следующий вопрос. Это Сид.

— И вы обсуждали меня?

— Да. Конечно.

— Что ты ей рассказала?

— Что я и мои друзья в глазах Ночного Дозора Владивостока стали самой разыскиваемой бандой. Настолько, что подключили Темных на нашу поимку. Что я стала твоим первым серьезным делом, хотя ты ни в каком Дозоре не работал. Что ты вошел к нам безо всякого прикрытия, потому что не знал, на чьей стороне правда. Что с нами ты познал запретные стороны жизни, морали и закона. Что ты в них разочаровался. Что ты убедил нас разбежаться и не собираться снова. Что мы с тобой один раз переспали, расстались наутро и больше не виделись.

Застонав, я в ярости ударил по рулю, и «Форд» испустил испуганный гудок.

— А ты сказала ей, что это было очень давно?

— Конечно, — ответила Сид. — Не нервничай так. Веда все поняла.

— Она не могла правильно понять! Черт тебя побери, Сид, это было до ее рождения! Мы с тобой были по-настоящему молоды, и все было…

иначе.

— Когда у Иного все иначе, то становится точно как у людей, — вымолвила Сид. — Ты ревнуешь женщину, которую сам же оттолкнул. Мне кажется, что ты все еще ищешь новый опыт, когда надо собрать волю в кулак и адекватно использовать уже накопленный.

— Если я так ранил Веду, то зачем ты бередишь ее раны своей песней?

— Ты не прав. Я их залечиваю.

— Еще и амулет испортила. Это от него в зал льется Сила? Все из-за дурацких ниток?

— Нет, — сказала Сид. — Те, кто слушают, равно отдают Силу другим и ее же получают. Когда отдаешь, то всегда получаешь это назад, но больше.

— Так не бывает. Если одни отдают, то другие получают, и наоборот. Правило Сумрака.

— Не все в этом мире — Сумрак. Жаль, что ты про это забыл.

— Неужели? Я когда-то это знал?

— Когда убедил меня покончить с прошлым.

Я остановил «Форд» как можно ближе к спуску в Жулебино. Сид что-то мне протянула. Стараясь не касаться ее пальцев, я взял блестящий, шуршащий предмет.

Пакетик кофе.

— Клумси сказал дать это тому, кто за ним придет, — пояснила Сид. — Надеюсь, ты знаешь, что это символизирует, потому что я не знаю.

Сид открыла дверь, впуская холодный воздух.

— Скажешь мне держаться подальше? — спросил я.

— Нет. — Сид заглянула в салон, и я увидел ее уставшее лицо. — Напротив, буду рада видеть тебя снова. Только знаю, что этого не произойдет.

И она ушла. Я хотел проводить ее взглядом, но не находил в себе сил.

Она права. Больше я к ней не загляну.

Никогда.

Глава 7

Я сидел в теплом и уютном кафе, домашняя атмосфера которого приглашала прислониться головой к стеклу и заснуть. Это было совсем нетрудно — приказать остальным не замечать меня, только и всего. Однако для этого надо было иметь не меньший уют внутри самого себя, а там у меня бушевал задымленный смрад «Мундуса».

Следующий шаг в расследовании был очевиден. Он означал, что мне придется провести ночь за рулем, поэтому я решил сперва подкрепиться.

Закончив с пельменями и чаем с лимоном (и почему меня все время тянет питаться в кафешках тем же, что я и без того готовлю себе дома?), я откинулся на мягкую спинку кресла. Вытащил пакетик с кофе, покрутил во все стороны, даже поднес к лампе в поисках отпечатков кошачьих лап.

Клумси, конечно, не мог придумать лучшей отсылки к Лине Кравец.

Кот уже и так достаточно натворил, чтобы привязать текущий инцидент к делу фон Шелленберга. Осталось кинуть ниточку к очередной участнице, которая вообще ни при чем и никаких

решений не принимала.

Маленькая Лина. Сейчас ей уже должно быть девятнадцать лет, но все равно я не мог представить ее старше хотя бы на день или выше на миллиметр. Вот с косичками, воздушным шариком в одной руке и эскимо на палочке в другой — запросто.

Немного придя в себя, я прикупил шоколадку, воду без газа и пошел к машине.

* * *

Ночная Москва выпустила меня без происшествий. Служебный «Форд» был зачарован на избегание любых аварий с вероятностью процентов под восемьдесят, чего мне вполне хватает. Настроения на то, чтобы прослеживать опасности самому, не было и в помине.

До Брянска я добрался часов за пять, что оказалось даже немного быстро. По дороге я настолько отрешился от мыслей, что уже не помнил, не пришлось ли мне проделать часть пути в Сумраке незаметно для себя. Стоял глухой туман, луна скрывалась за тучами. Как сказал бы Шерлок Холмс: отличная ночь для гнусного преступления.

С набором персонала в брянском Дозоре всегда

было не очень. При серьезной ситуации они вызывали подкрепление из Москвы, как, собственно, и поступали почти все Дозоры в радиусе километров восемьсот от столицы. Тем не менее Лина вряд ли была в патруле, и не только из-за врожденной невозможности читать ауру, отчего путала Светлых и Темных. Для оперативных работ она все еще не подходила ни по возрасту, ни по уровню, ни по навыкам. Проще всего было бы предварительно позвонить в ее офис и договориться о встрече по всем правилам, но мне становилось почти плохо при одной мысли об очередном официозе. Саймон и его друзья надолго отбили мне желание заниматься дипломатией.

Офис Ночного Дозора в Брянске располагался на Чичеринке, в скромном двухэтажном здании, оставшемся с советских времен, как и многие другие штабы Светлых по стране. Я вышел из машины, чувствуя побаливающую спину и надеясь, что это последствия долгого сидения за рулем, а не драки с Тощим Гилмором. Хотя в мои годы о себе может напомнить и возраст, мало ли.

Дверь была распахнута настежь. Изнутри доносились запахи школьной столовой. Тихо работал телевизор, показывая свежую серию популяр-

ного шоу то ли с нетфликса, то ли с эйч-би-о. Когда я зашел внутрь, голос за кадром начал на повышенных тонах зачитывать манифест про очередное спонсорское казино, стилизуя его под дикий рэп самого примитивного пошиба.

Да, это тебе не притон с оборотнями. Надо как-нибудь напроситься к Светлым на квартирник. С яблочным сидром, белорусским квасом и картофельными драниками.

Приемной как таковой здесь не было за ненадобностью. Никто сюда не заглядывал, кроме своих. Однако охранник в местном штате все же числился. Сейчас он в одиночестве втыкал в телевизор.

На его вопросительный взгляд я сказал:

— Доброго Сумрака. Сергей Воробьев, дозорный, Москва. Мне нужно переговорить с одной из ваших сотрудниц.

Я ожидал всего — внезапной суматохи, резких оборонительных движений и еще много чего из арсенала низкоуровневых Светлых. Вместо этого парень с участием спросил:

— Кого ищете?

— Лину Кравец.

— Минутку.

Он спрыгнул со стула и помчался вдаль по

коридору. Пожав плечами, я уставился на экран телевизора. Рекламный блок закончился. Оказывается, охранник смотрел последний сезон «Игры Престолов». Везунчик. Мне вот концовку заспойлерил один прорицатель, еще в прошлом году, когда сериал не был доснят. Как будто мало других способов отомстить дозорному за проведенный по всем правилам арест.

— Привет!

Мне на шею бросилось милое Светлое существо, почти засыпав мое лицо пышными волосами. Ну кто еще в этом мире способен выдавить из меня смущенную улыбку?

— Здравствуй, Лина, — сказал я, протягивая ей шоколадку. — Как твои дела?

— Отлично! — Лина дунула на непослушную прядь, стеснительно заулыбалась и принялась быстро собирать волосы в хвост. — Скучно тут сидеть. Ничего не происходит. Ты в гости или по делу?

— То и другое. Рад тебя видеть. Пойдем прогуляемся?

— Давай! Тимка, я отойду ненадолго, скажешь тете Оле там, хорошо?

Охранник кивнул, не отрывая глаз от экрана.

На улице я вытащил кофейный пакетик и

сказал:

— Понимаю, что ты не любишь это дело, но тут мне вот что подогнали…

— Фу, бяка. — Лина отвернулась. — Убери!

— Уже убрал. Слушай, мне дал это Клумси.

— Клумси? Так вы виделись?

— Виделись и потерялись. Он дал мне понять, что ты можешь знать, где он. Поможешь?

— Конечно. — Лина потерла нос и улыбнулась снова. — Ты на машине? Нам тут недалеко надо, но пешком все равно долго.

— Куда мы едем?

— Все покажу. — Лина распаковала шоколадку. — Никто мне тут подарки не дарит еще с марта. Правда, всем зарплату задерживают…

В машине я вопросительно посмотрел на нее, и Лина сказала:

— Нам на Мамоновское кладбище.

— Навигатор дать?

— Зачем? Поехали, я все так покажу.

Путь занял считаные минуты, и всю дорогу я провел в блаженной терапии, коей служило щебетание Лины о всяком разном. Я успел услышать родословную всех ее коллег, ценовые изменения в городе и вздохи об отпуске на курорте, до которого «еще два месяца».

— А парень твой как? — спросил я.

— Женька на работе. Ушел из Дозора, переехал с Еката ко мне. Устроился в исполком.

— Сотрудник Ночного Дозора города Екатеринбурга Евгений Морозко, — произнес я. — Теперь для всех просто Женька.

— Говорит, меня ни на кого не променяет.

— Понимаю. Кристину видели?

— Ей нашли новую семью, — сказала Лина. — Иногда присылает мне смайлики.

— Снова кому-то подкинули?

— Нет. Представляешь, нашли дальних родственников, настоящих. Живет теперь в Ижевске.

— Это же замечательно, — сказал я искренне. — Похоже, у всех вас судьба после Севастополя сложилась хорошо.

— А у вас с Ведой нет?

Я промолчал.

— Вы что, не вместе?

— Мы не общались с тех пор, — ответил я, пытаясь разобраться, что же именно чувствую. — Не задалось.

— Сережка, я никогда не поверю, что Темный может так ответить.

— Может, я неправильный Темный.

— Я-то с ней тоже не общалась, — фыркнула Лина. — Думала, ты за ней присматриваешь и у вас все хорошо. Блин. Знала бы, что она одна осталась, так хоть бы созванивались.

Дорога значительно сузилась. Мы ехали вдоль деревянных избушек в дремучий лес с характерной, заметной издали аурой кладбища.

Не зная того, Лина подметила верно. Как для Светлой — чертовски верно. Каждый, кто близко подпускает меня к себе, довольно скоро теряет все свои другие контакты и больше ни с кем, кроме меня, толком не общается. Остаются рабочие и родственные связи. Но вот остальных друзей все теряют, если в их числе есть я.

— Стоп, — сказала Лина. — Мы приехали.

Я остановился, глядя в боковое окно на темный, пропадающий в ночи пустырь.

— Что тут? — спросил я.

— Тайное убежище.

Лина вышла из машины, подсвечивая вспышкой мобильника тьму перед собой.

— Чье? — Я выбрался следом. — Ночного Дозора? Или местных вурдалаков?

— Мое собственное. Я в детстве здесь лягушек ловила.

Вообразив, как буду все это описывать в отчете

Агееву для подписей Инквизиторам, я решил промолчать.

Лина трижды мигнула вспышкой и описала круг рукой с зажатым мобильником. Не прошло и минуты, как я ощутил чье-то присутствие впереди.

Из темноты показались усы, следом проявилась пушистая морда, чуть пригнутая к земле. Большой серый кот появился перед нами, с выражением вины и осторожности, с готовностью сигануть на ближайшее дерево — если найдется то, что окажется способно выдержать такого тюленя.

— Здравствуй, Клумси, — сказал я. — Нам не помешает поговорить.

— Подожду в машине, — решила Лина. — И привет, Клумси.

Кот мяукнул. На фоне угрюмого леса он выглядел очень одиноко.

Я подошел к нему ближе, медленно коснулся гладкой шерсти, потрепал кота за башкой. Он чуть съежился, но не убежал.

— Ладно, приятель, я тебя не арестовывать приехал, — сказал я. — В самом деле поговорить надо.

Кот оторвал от земли передние лапы, слов-

но вскакивал после отжимания. За несколько мгновений он сузился, одновременно приобретая человеческий облик. Передо мной возник молодой парень с лицом студента, случайно взорвавшего химлабораторию вместе со всеми журналами и любимым креслом декана.

Зато одет он был очень похоже на меня — куртка с длинными полами, по дизайну напоминавшая мой плащ, качественные темные брюки и начищенные туфли. Даже серебряная пряжка на ремне была точь-в-точь.

— Повезло тебе с костюмом, — заметил я. — Даже не знал, что у тебя в прошлом такие были.

— Я больше не меняю костюмы рандомно после перекидывания, — сказал Клумси. — После того, как прошел через все шмотки, которые носил, уже могу сам выбирать себе вид.

— Даже не знаю, с кого ты содрал свой текущий имидж. Но одобряю, у него явно есть стиль.

Клумси покраснел так, что заметь его сейчас Сумрак — немедленно наделил бы полномочиями полной луны.

— Что ж ты натворил, кот? — вымолвил я. — У меня к тебе столько вопросов, да и не только у меня. Но думаю, что тебе и так есть что мне сказать.

Клумси кивнул — быстро, совсем по-кошачьи. Теперь мне надо будет перенимать у него детали имиджа, а то совсем медленный стал.

— Должен заметить, ты очень грамотно расставил следы, — сказал я. — Умело выстроил цепочку улик, чтобы по ним на тебя вышел только я. Зато в остальном ты такой улей разворотил, что можно и не пытаться запихать мед заново. Просто скажи, где эликсир, который ты украл. Все мои дальнейшие действия будут зависеть от твоего ответа.

— У меня его нет, — сказал Клумси.

— Понятно, — произнес я, чувствуя, как рушатся мои последние надежды на простое решение вопроса. — Тогда тебе придется многое объяснить. И лучше сделать это прямо сейчас. Передо мной.

Клумси долго смотрел в сторону. Не похоже, чтобы из него рвались страстные откровения. Он ждал, что нам с ним надо просто встретиться, а там я снова возьму в руки инициативу, даже не имея представления о том, что происходит. Если и так, то это был очень дурной план. Или же он забыл, что в прошлый раз так многие погибли.

— Знаешь, — сказал он, — в эти три года я много где побывал. Как-то напился на квартирнике, вы-

шел полежать на крыше и задумался над одной штукой. В Севастополь нас отправили десятерых, а вернулись пятеро. У Лины с Морозко все хорошо. Ты повысил уровень и стал авторитетом в своем Дозоре. С Ведой я не говорил, но слышал, что в Чите теперь стало мало происшествий. А себе я места найти не сумел. Мотался по всей стране туда-сюда, тыкался в каждую щель, к любому костру. И меня отовсюду гнали. Знаешь, как оно бывает — типа смешной такой кот, чудо Сумрака. На первый раз все хотят погладить кота. Ведь так смешно засунуть ему в пасть пачку корма и смотреть, как он таращится. Детям Иных поспать на таком — и вовсе сказка. Потом это надоедает, и кот получает ногой под зад.

— Из этого следует далекоидущий вывод?

— Не так далеко. Я не должен был выжить в Севастополе.

— Клумси, — сказал я. — Ты на той крыше перепил просроченной сметаны. Это обычная депрессия. Для всех нас, кто сумел выбраться, это стало лучшим исходом. Ты же не ожидал, что тебя немедленно возьмут в Дозор?

— Ожидал, — произнес Клумси с напором. — Тот длиннющий день был моим самым счастливым в жизни. Знаешь почему? Потому что я целый

день провел в Дозоре! В самом настоящем севастопольском Дозоре, собрать который помогали Завулон, Гесер и Надя Городецкая! Все, что отличало меня от других оборотней, там пригодилось! Я расследовал и анализировал, преследовал и спасал, собирал ценные данные и сражался, рвал и кусал, был рядом и помогал, чем мог, я даже мотоцикл Веды вытащил с четвертого слоя Сумрака! Ты не представляешь, сколько раз мне это потом снилось! Я все еще чувствую по рту вкус кожаной рукоятки «Ямахи» и оленьих рогов, вижу синеву в реке, и мне хочется царапать ее когтями. Вся жизнь до того дня была одним сплошным тупым мяуканьем у окна, сквозь которое я мечтал увидеть хоть кого-то, кто откроет форточку и позволит мне поохотиться рядом. А никто не позвал.

Вот теперь я начал его понимать.

— Думал, после Севастополя найду место в Дозорах, — продолжал Клумси. — Но хрен там плакал. Раньше тоже не брали. Смешно, но пробовал даже в Ночной устроиться. Ты пойми, мне не нужны фанфары. Мне нужна была самореализация. Вместо этого — скандалы, интриги, расследования. Соответственно от Светлых, Темных и Инквизиции. Шесть месяцев выноса

мозга, одна командировка в Прагу — в тюремном фургоне, между прочим. Как вернулся, меня не хотели знать даже те, кто раньше дружил. Подумывал плюнуть на магический мир и вернуться к работе детским аниматором, но уже не мог. Вера в добро пошатнулась. Да и трудно позабыть о своей темной стороне, когда стабильно раз в две недели пропирает мышей половить. Я их, конечно, не ем, но так, грызу потихоньку. Иначе становлюсь вялый, как кастрированный вислоухий шотландец. А я, между прочим, по своей сумеречной природе — хищник. Ты понимаешь?

— Да, — сказал я. — Думаю, тебе это знакомо больше. Недоеденных мышей стараюсь не бросать.

— Шути сколько хочешь, — с горечью сказал Клумси. — Знаю, что в Севастополе я вышел на пик. После него началась полная задница. Сказал бы я иначе, да боюсь, Лина услышит.

Я обернулся к «Форду». Лина жевала шоколадку и пыталась незаметно вытереть испачканные пальцы о пассажирское сиденье.

— Так ты укрылся у нее? — спросил я. — Где-то здесь?

— Ну не в норе же мне жить. У Лины тут старая родительская хата пустует. Я иногда здесь

обитаю. За домом ухаживаю. Пару раз с ней и Женькой тут шашлыки устраивали.

— И тем не менее ты мечтаешь о крови и бое, — заметил я. — На шашлыки мог бы и позвать. И меня, и Веду. Ведь мы бы с ней вполне могли и вдвоем приехать. Потому что ты, кот, был нам дорог.

Клумси рассеянно кивнул, глядя куда-то вдаль.

— Ты мог бы обратиться ко мне насчет работы в московском Дневном, — сказал я. — У меня достаточно влияния.

— Начать карьеру с такого тупого блата? — покачал головой Клумси. — Серый, я так не могу. Даже если бы и пришел, то стал бы еще большим посмешищем. Навсегда бы остался на побегушках, как информатор, даже в патруль бы не попал. Ты сам на это согласился бы?

Я подумал и ответил:

— Ты прав. Не согласился бы.

В «Форде» сзади завибрировали басы — Лина включила музыку.

— Так, с тобой все ясно, — сказал я. — У тебя не задалось ни с Дозорами, ни с жизнью простого человека, ни с ловлей мышей. И к чему ты пришел?

— К своей родной сути. Я оборотень. Мне нуж-

на стая.

— Стая?

— Именно. К этой мысли я шел до неприличия долго. Искал и бился башкой о стены, лез в каждую компанию, пока на меня не вышел один волколак в Москве.

— Что за волколак? — быстро спросил я.

— Понятия не имею. Мы общались в звериных формах. В человеческом обличье я его не видел.

— Но ты сможешь его опознать в звероформе?

— Нет. Не смогу. Погоди, дай объяснить.

— Внимательно слушаю.

— Я никогда не видел прежде такой ауры, но знаю ее. Это был простой низший оборотень, но незадолго до нашего разговора он точно растерзал несколько людей. Никому не дают лицензию на массовое убийство. И все же у него была аура Абсолютного Карателя. Я это чувствовал, понимание таких вещей приходит к нам при первом входе в Сумрак. Он говорил со мной скорее ментально, чем знаками или рычанием. Мне было страшно, особенно оттого, что я его понимал.

— Продолжай, Клумси.

Парень на миг закрыл лицо трясущимися руками.

— Этот разговор напоминал соприкосновение

душ, и моей душе было больно. Он сказал, что я особенный и что он хочет принять меня в стаю.

— Он сказал, что возглавляет эту стаю? — спросил я.

— Сказал, что имеет право говорить от ее имени. Что мне надо напасть на Инквизиторов и украсть эликсир. И мне укажут время и место. Что мне помогут другие оборотни, которые будут слушаться меня. Все было как в тумане, но я понимал смысл каждого слова.

— Что еще ты понял? Клумси, думай хорошо.

— Трое оборотней, которые пришли вроде как на помощь, — простые бродяги с улиц. Они никогда не были ни в какой стае, сразу видно. И я согласился. Подумал: пусть нас ему не жалко, мы смертники, но если выполним задание, то нас примут как своих. Однако решил подстраховаться. Сходил к Сид, сказал, что мне нужно пять любых защитных амулетов.

— Так… — Картина в моей голове начала складываться. — И вы напали на Инквизиторов.

— Да. Я хотел доказать, что могу попасть в стаю.

— Даже не зная, о какой стае речь?

— О той, где меня примут.

Клумси вздохнул.

— В общем, ты остальное знаешь, — добавил он. — Я увидел тебя в башне. Понял, что ты рано или поздно выйдешь на меня. И решил: а чего тянуть? Оставил тебе остаток амулета. Срочно сгонял к Сид и дал ей пакетик кофе — ничего больше не придумал. А сам двинул в Брянск… да, все как-то наскоро было, но я не хотел и тебя подставлять. Вдруг ты не один за мной придешь.

— Где флакон, Клумси?

— Я выбросил его в условленном месте, в ПандаПарке в Филях. Позже даже проверил — уже нету. Оборотень его забрал. Смешно, но я там позже сидел и ждал, что он вернется и пригласит в стаю. Он не появился. Кинули меня, как обычно.

— Сможешь его узнать, если увидишь?

— В облике человека я его не видел, только в волчьем, — с сомнением ответил парень. — У него была повреждена правая передняя лапа. Не могу сказать, где и как. Сильно опалена.

— Ты сказал, что не сможешь его опознать по ауре. Почему?

— Разве что он снова совершит массовое убийство. Аура Абсолютного Карателя держится несколько часов, полностью искажая прежний сумеречный образ. И чтобы ее получить, оборотню надо принести девять человеческих жертв.

Мне страшно об этом думать, но я считаю, что он совершил убийство, просто чтобы скрыть ауру для нашего разговора. Я не хочу видеться с ним опять, потому что для этого он опять кого-нибудь убьет. И если…

— Девять, — произнес я, чувствуя холод по спине.

— Что?

— Девять жертв. Как в утреннем теракте в аэропорту.

У Клумси отвисла челюсть.

Шагнув назад, я побежал к машине.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — кричал мне Клумси вслед. — Прости меня! Я хочу помочь!

— Просто оставайся здесь, — предупредил я. — Будет нужно — свяжусь через Лину.

Прыгнув в машину, я вырубил музыку и помчался в город.

— Поговорили? — спросила Лина. — Ты меня только у конторы высади, ладно?

Я не ответил. В моих жилах кипел адреналин. Мне нужно было срочно в Москву, в Шереметьево, к моей команде, которая, быть может, прямо сейчас передает Ночному Дозору драгоценные улики по оборотню-маньяку, который заказал похищение «камчатки».

— Отсюда я дойду, — сердито сказала Лина. — Останови.

— Что? — встрепенулся я. — Извини, отвлекся. Сейчас доедем.

Чуть сбавив скорость, я свернул к нужной улице. Через пару минут остановился у офиса, посмотрел на Лину с благодарностью.

— Спасибо, — сказал я. — Присмотри за Клумси, ладно? Наш кот в последнее время конкретно загулял.

Лина с укором покачала головой.

— Что? — спросил я.

— Я все понять не могла, почему вы с Ведой не вместе, — сказала Лина. — А потом сообразила. Ты Темный, первого уровня. Она Светлая, тоже первого уровня. Если у вас появится ребенок и он будет Иным, то он может стать новым медиумом Баланса. И тогда вся та фигня, через которую мы в Севастополе прошли, вернется. И все начнется по новой. Так?

Я лишь моргнул в ответ.

— И что это один шанс на миллион — тебе без разницы, — думала вслух Лина. — Ты весь такой крутой и пафосный, тебе нужна стопроцентная гарантия счастья. Наверное, еще и линии вероятности мониторил, что там у вас с Ведой будет.

А потом просто ее послал. Так? Я ведь права?

Мне пришлось спрятать руки в складках плаща, чтобы скрыть смятение.

— Ты так красиво говоришь, что права по определению.

— Поняла. — Лина уставилась в потолок салона. — У меня прабабка при родах душу отдала Всевышнему. Тоже вероятность один на миллион. Но если мне Женька скажет, что я должна в будущем отказаться от ребенка, потому что есть какой-то там риск какой-то там фигни, с которой к тому же можно справиться, — я ему так по чердаку заеду, что «фризы» из глаз пускать будет. И сам стирать себе носки с первого же триместра.

Оставив меня обдумывать эту мысль, Лина вышла из машины.

— За котом присмотрю! — крикнула она. — Песок в лотке менять буду. Ты только веди себя так, чтобы ему сильно гадить не пришлось, о'кей?

Лина скрылась в прихожей офиса, оставив меня в полном замешательстве. Словно подгоняя меня к дороге в Москву, на ветровое стекло упали первые капли дождя.

Глава 8

Силуэты терминалов Шереметьево выросли передо мной, когда солнце уже поднялось, оставив позади дождливую ночь. Я вернулся в столицу, будто и не выезжал. Усталость внутри меня то разрасталась, то пряталась в глубь разума, выбрасывая на передний план образы всех, кого я встретил за последние сутки, чтобы расстаться с ними вновь. Казалось, что каждый из них оторвал понемногу от моей ауры, и я надеялся, что остатка мне хватит, чтобы продержаться еще день.

О взрыве в аэропорту я почти ничего не знал, кроме того, что сказал вчера Джеппу на стоянке штаба. Стандартное происшествие по меркам людей, хотя и не каждодневное для Москвы. Непонятный взрыв на стоянке аэропорта, без следов магического вмешательства. Девять засвидетельствованных жертв, много пострадавших. Согласно официальной версии — террористический акт, за который пока никто не взял ответственность. Ночной Дозор тем не менее поднял тревогу. Возможно, Светлые имели основания заподозрить нечто такое, что привязывало

взрыв к миру Иных.

Детальных координат зоны происшествия я не знал и потому остаток пути проделал, следя за изменениями в Сумраке. Место взрыва оказалось легко обнаружить по сигналам Светлых, которых тут было явно больше, чем наших. Свернув к стоянке, я вскоре обнаружил и «Опель» Шпунта у паркинга на выходе из терминала Е.

Дальнейшую дорогу я прошел пешком, минуя три кареты «Скорой помощи», у которых суетились Светлые целители. При виде меня они чуть не обомлели. Нормальная реакция для тех, кто потратил имеющийся запас Силы на долгую работу, чтобы вдобавок внезапно встретить Темного. Один из целителей все же при виде меня вытащил потрепанный мобильник и начал кому-то названивать. Молодец, пусть действует по протоколу. Я пока со своими поздороваюсь.

Шпунт крутился снаружи от площади, перегороженной полицейской лентой и красно-белыми заграждениями. При виде меня он с облегчением всплеснул руками.

— Здорово, — сказал я. — Что тут у нас?

— Формальности, — ответил Шпунт. — Раненых увезли, «светляки» допрашивают очевидцев. Уже сутки тут дежурят. Зеленым чаем нас угости-

ли. Хорошие ребята, сказать нечего.

— Что тут взорвалось конкретно?

— Самодел на основе трубчатой бомбы. Я осмотрел осколки. Дешевая кустарщина. Царство небесное погибшим. Их могло быть намного больше.

— Думаешь, взрывник планировал устранить больше?

— Не знаю, — произнес Шпунт. — Думаю, ему было все равно. Иначе он бы поместил бомбу ближе к перекрестку. А так всего две машины задело. Погибли те, кто был внутри, и пара человек рядом. Ему просто было надо, чтобы взрыв случился именно тут.

— Человеческим властям не мешали убирать место взрыва?

— Нет. Они тоже хорошо поработали. Честно говоря, не знаю, что мы тут делаем.

— Зеркалим Светлых, — ответил я. — Вот почему они сами здесь — другой вопрос. Но раз они чего-то ждут, то надо ждать и нам.

Я принялся осматривать место. Судя по обгоревшим остовам двух машин, их задело взрывом наиболее жестко. Получившийся металлолом еще не вывезли, однако машины уже выглядели так, словно все произошло пару недель назад.

Лишь сумеречный фантом на первом слое оставался свежим. Асфальт парковки давно высох от пожарной пены. Одинокая машина полиции с выключенной мигалкой стояла рядом безмолвным стражем.

Я представил, как оборотень в человеческом облике размещает бомбу между двух автомобилей. Никакого таймера или звонка по телефону. Он активирует ее вручную, находясь рядом. В последний момент перекидывается в волка, чтобы получить меньше повреждений самому. Возможно, уходит в Сумрак, на первый или второй слой. Вполне надежная защита, но часть взрывной энергии все же достает его — и вместе с аурой Абсолютного Карателя он получает серьезные повреждения правой конечности. Это и замечает Клумси при их разговоре позже.

Все предельно цинично, жестко и надежно. Но к чему возиться с бомбой, если оборотню намного проще использовать то, чем наделил его Сумрак, — клыки, зубы, вес, размер и нрав?

— Магический след обнаружили? — спросил я.

— Очень слабый, — ответил Шпунт. — Если взрыв устроил Иной, то не особенно сильный. Может, шухарт-новичок. А может, шухарт с «новичком». Прости, не удержался.

— Или низший. Например, оборотень.

— Как вариант, — согласился Шпунт. — А может, тут вовсе Иные ни при чем. Таксисты клиента не поделили. Или террорист из ближней страны. А какой-нибудь просто Иной рядом проходил, перенервничал и выплеснул чуток Силы.

— Ты про которую из ближних стран говоришь, Шпунт?

— Да любую. Мне после Сирии весь мир — соседи.

Кто-то кашлянул рядом с нами. В поле зрения возник Джепп — в коричневом двубортном тренче с поднятым воротником и с кружкой-термосом, от которой поднимался пар. Он кивнул мне, вытер нос платком.

— Никак простудился, Джепп? — спросил я.

— Циклон идет, должно быть, — сказал Джепп. — Аспирина случайно нет ни у кого?

— Сколько раз говорить, не бери с меня пример, — напомнил я. — Тебе рано еще отказываться от целительной магии. Заболеть простудой — стыдно должно быть. Агеев в личное дело занести может.

— А плевать мне, пусть заносит. — Джепп отхлебнул из кружки. — Мне народные средства ближе. Слушайте, хороший чай у Светлых, ре-

комендую.

— Ты хоть на магию проверял?

— Что там за магия может быть, кроме целительной?

— Тоже верно.

Подойдя ближе к разделительной ленте, я наткнулся на спешно догонявшего меня Светлого.

— Подождите, Темный, — сказал он. — Вам нужно… о, Сергей, это ты?

— Да, — сказал я, вглядываясь в лицо незнакомца.

И сам удивился, как сразу его не признал. Хотя я видел его один раз в жизни, но забыть тот вечер мне не удастся никогда.

Санкт-Петербург, несколько лет назад. Ведающая сдает экзамен на перевод в питерский Дозор. Она выслеживает вампира, который оказывается слишком сильным — настолько, что справиться с ним нам удается лишь вдвоем. В процессе ранен куратор Веды. Вот он сидит на скамейке, вокруг Марсово поле и ни о чем не подозревающие туристы, а он сжимает рану от укуса вампира, которую затягивают наши с Ведой лечащие заклинания… Как же его звали?

— Вадим, — вспомнил я. — Неужели ты? Здесь?

— Ага, — заулыбался Вадим. — Вот, с визитом в

Москву по делу.

— Неужто тебя из Читы вызвали?

— А, ты про взрыв? Нет, мы просто неподалеку были. Прилетели в Москву вот. Сидели в кафе аэропорта, ждали такси. А тут такое… Продержали раненых в живых до приезда Ночного Дозора, там уже передали под их опеку. Позже поняли, что неоправданно вмешались в человеческий конфликт, применили без согласия целительную магию. Так что надо было уже отчитаться перед Дневным Дозором. Погоди, так ты ведь и сам оттуда?

— А кто еще с тобой прилетел? — спросил я, чувствуя растущую тревогу. — Кто это «мы»?

— Ну… — Вадим смутился. — Кроме меня, только Анжела. Ну и наш шеф, только он сразу в офис поехал, а мы ждали багаж.

— Анжела, — повторил я. — Так на момент взрыва здесь была Ведающая?

— Ну да, — захлопал глазами Вадим. — Говорю же, мы из Читы прилетели, на дело одно. Это вроде как секрет, но и ты вроде как свой. Вчера утром были здесь, прошли терминал, стали в кафе ждать. Нам же надо, чтобы все по букве закона было. И тут — бабах на парковке. Веда сразу спасать кинулась, я скорее Силой с ней

делился, чем сам что-то делал. Стыдно сказать, но я до чертиков испугался. Да и Веду такой никогда не видел, не знал, что она при виде чужой боли сразу выручать бросается. То есть знал, конечно, верил в это, но чтобы самому наблюдать — такого не было.

— Взрыв случился, когда вы сюда прилетели, — медленно произнес я.

Вадим тут же посуровел, глядя на меня как на предателя детской дружбы.

— Вообще-то нет, — опроверг он известные лишь ему самому подозрения. — Мы сошли с трапа минут за сорок до взрыва. И ждали указов из штаба за двести метров от парковки. Мы тут совершенно ни при чем. И не было никаких признаков того, что пытались атаковать нас. Как и причин делать это. Это просто совпадение.

— Возможно, — вымолвил я. — Возможно…

Втянув утренний воздух, Вадим вытянул правую ладонь. Я решил, что он собрался принести честное пионерское, но все оказалось интереснее.

— Мне тут даны Ночным Дозором Москвы некоторые полномочия, — сказал он. — От его имени я даю тебе пропуск на территорию аэропорта, минуя любые магические барьеры Светлых, реги-

страционные терминалы, запреты на посещение через Сумрак и все, что может воспрепятствовать свободному проходу через кордоны Шереметьево.

Вадим опустил руку, глядя почти с превосходством.

— Вот, теперь ты можешь бродить по местности сколько влезет, — добавил он. — Проверяй мои слова, смотри камеры наблюдения, делай что угодно. Если разоблачишь нас с Ведой — высылай опергруппу.

— Да я и не думал, — только и успел вымолвить я, как Светлый с достоинством отвернулся и скрылся за машинами.

— Ну и хрен с тобой, — проговорил я, глядя на окружающий мир через Сумрак. И правда, появились изменения. Ранее «Шеремет» искрился множеством слоев защитной изгороди, словно здесь хранился золотовалютный запас России. Теперь половина защиты пропала — та, за которую отвечали Светлые. А замки Темных для меня и так открыты. Исследуй тайны аэропорта — не хочу.

Хорошо, что подобная дурь перестала меня интересовать на втором году жизни в образе Иного. Вадим просто продемонстрировал мне полную

открытость. Хотя не об этом ли я втайне мечтал? Ведь если от меня секретов нет у него, значит, не должно быть и у Ведающей.

Совпадение, значит. Пусть так.

Я смотрел на сгоревшие машины, чувствуя непонятное волнение. Сам того не зная, Вадим сказал мне что-то важное. Или я ему. Нужные слова, но не в том контексте.

Аэропорт. Самолеты прилетают один за другим. Гости столицы покидают трап, ждут автобусы, скучают в очередях. Не нужно полагать, будто у магов все иначе. Если ты Иной, то мороки еще больше — регистрационные пункты Дозоров, дополнительные ритуалы, печати, штампы, магические кордоны. Долгое просиживание в кафе в ожидании дальнейших приказов без возможности выйти.

И свирепый оборотень, уничтоживший девять человек и больше.

Делал ли он это просто потому, что хотел скрыть ауру перед Клумси? Полнейшая чушь. Невозможно. Что бы там ни думал Клумси, он не настолько опасен, чтобы ради разговора с ним выбрать такой дикий способ маскировки. Смерти людей случились как побочный эффект. Аура Абсолютного Карателя окутала оборотня просто

как следствие. Оборотень пришел сюда, чтобы убить конкретную цель.

Магическими методами все можно рассчитать до метра и секунды. Но магическую бомбу засекут везде, даже спустя долгое время после ее применения. Сумрак долго не стирает следов, скрупулезно храня вмешательства любого, кто посмеет их применить. Вот зачем ему нужен был кустарный трубчатый заряд, в идеале не хранящий ничью ауру, кроме своего создателя. А как устранить цель простой «земной» бомбой, находясь в аэропорту? Конечно, снаружи, на парковке, где дозорные сигнализации не работают, а простые полицейские металлоискатели еще не установлены.

Так что, зная цель, можно выйти и на виновника.

Но кто же цель? Это все еще может быть Ведающая, которую таким жестоким образом выманили на парковку. Тогда почему не последовало следующего удара? Нет, здесь замешан кто-то еще. В любом случае понятно, что цель — Иной или Иная. Или Иные, прибывающие в нужное время, где их ждет нужная машина. Но как знать точно? Прилетающих Иных не подстеречь надежно, потому что — трап, автобусы, очереди,

неясный расклад по времени…

Я развернулся, уставившись на здание терминала. Вдалеке в небе садился самолет.

А может, и не стандартный трап на медленном погрузчике? Может, соединительный рукав, вип-сопровождение и зеленый коридор через все магические кордоны?

А кто вообще способен прибыть в Москву, имея возможность обеспечить себе поминутное расписание, став тем самым великолепной мишенью?

Хлопнув по металлическому ограждению, я быстро вернулся к Шпунту и Джеппу.

— Где Корсар? — выпалил я.

— В комнате охраны, — ответил Шпунт. — Просматривает камеры наблюдения, снимавшие парковку. А что?

— Он не там смотрит. Джепп!

— Я, — тут же отозвался Джепп и чихнул.

— Будь здоров. Мне нужно описание вещдоков с места взрыва. Особенно предметов одежды. Все, что осталось. Шпунт, к тебе тоже дело есть. Позвони Агееву и запроси информацию насчет одного самолета, прибывшего вчера в Шереметьево перед взрывом.

— А зачем Агееву-то? — недоуменно спросил Шпунт. — Он тут при чем? Надо же в местные

службы аэропорта обратиться.

— Касательно нужного мне самолета может знать только он, потому что этот борт засекречен по самые закрылки.

— Почему ты сам ему не позвонишь?

— Он думает, что я занимаюсь другим делом.

Снова глядя на место взрыва, я добавил:

— Хотя уже пора дать ему знать, что на самом деле мы занимаемся одним и тем же.

* * *

Запись на экране пошла по второму разу.

Сидящий перед монитором Корсар озабоченно откинулся на спинку кресла. Шпунт оперся руками о стол, стараясь не задеть клавиатуру или стопки журналов. Джепп забыл про остывший чай и стоял, не мигая. Я же дождался нужного таймкода и показал на нужный участок экрана концом шариковой ручки, которую взял у погруженного в магический сон охранника.

— Вот, — повторил я. — Видите?

На мониторе, сверкая огнями на концах крыльев, разворачивался бизнес-джет без логотипа. Вчерашний рассвет подсвечивал его необычную серо-бордовую раскраску, подчеркивавшую и роскошь, и символику организации.

— «Эмбраер лайнэйдж», — произнес Шпунт. — У кого-то явно денег импы не клюют.

— И ты даже знаешь у кого, — сказал я. — У Инквизиции. Встречайте: пражский корпоративный самолет наших гостей.

«Лайнэйдж» остановился у телетрапа. Через панорамный объектив камеры наблюдения он смотрелся как выпуклая чайка, склонившаяся перед атакой.

— Поверить не могу, что никто не обратил на него внимания, — вырвалось у Шпунта.

— Почему же, обратили, — сказал я. — Инквизиторы, прибывающие на расследования происшествий высокой важности, невидимы для всех, кроме принимающей стороны, о которой уведомляют официально. Верхушка московских Дозоров проинформирована об их прибытии. А стандартный контроль в терминале — как людской, так и магический — они не проходят, так как не обязаны снисходить до этого. Ни люди, ни Иные их просто не замечают. Это очень расточительный уровень защиты. Однако скрывать самолет еще тяжелее, поэтому никто не пытается этого делать. Да и опасно для других рейсов. Так что «лайнэйдж» улетел обратно, высадив нужных персон. Кстати, вот и они.

Я переключил на камеру, снимавшую телетрап. Сквозь тусклое стекло хорошо узнавались Саймон Джонсон, Рене Сен-Клер и господин Томас. Не доходя до конца коридора, они постепенно становились все прозрачнее и растворялись в воздухе.

— Это уже с магических камер Ночного Дозора, — пояснил я. — Сложные штуки и затратные. Вдобавок их тоже секретят. Мы смотрим настоящий эксклюзив.

— А где они на момент взрыва были? — спросил Джепп.

— На парковке, — ответил я. — Покинув терминал, Саймон и товарищи чудесным образом отказались от невидимости, решили не вызывать служебный транспорт и просто взяли такси.

— Инквизиторы видели взрыв? И ничего не сказали?

— А зачем? — иронично усмехнулся я, не чувствуя, впрочем, никакой радости. — Не было же следов магической атаки. Про попытку швырнуть в них файербол они бы уже строчили доносы в Прагу. А что им взрыв двух машин от трубчатой бомбы? Для них это простые разборки людей. Наверное, списали на попытку каких-то безумцев отнять у них кошельки.

— Они там совсем уроды?! — вытаращился

Шпунт.

— Чего ты от них ожидал? Что они заявят Агееву про уколы тараканов? Для них же люди так и выглядят. Это Инквизиция. Они могут относиться с уважением к Иным, но не к людям.

— М-да… — произнес Джепп, прихлебывая остывший чай.

Молчаливый Корсар красноречиво показывал взглядом, что думает.

— Вот такие дела, ребята, — произнес я. — Вчерашняя атака на Инквизиторов в Сити была не первой, а второй. Первая произошла здесь, в аэропорту, несколькими часами ранее.

— Тогда как взрывник узнал про Инквизиторов? — спросил Шпунт.

— Очень хороший вопрос, — произнес я, воображая, как может выглядеть аура Абсолютного Карателя. — И я понятия не имею, как он узнал. Джепп, ты раздобыл фотографии предметов одежды с места взрыва?

— Да. Показать?

— Перешли мне на телефон, пожалуйста. И пойдем отсюда, здесь мы больше ничего не увидим.

Парой минут спустя я уже стоял у бампера «Форда», в одиночестве просматривая снимки. Моя команда получила разрешение покинуть

аэропорт. Если они напишут бóльшую часть отчета за меня — поставлю всем по бутылке виски.

Кадры, присланные Джеппом, не проясняли ничего — если не знать, что искать. Я не знал, лишь предполагал. До этого момента идея, что взрыв устроил именно оборотень, заказавший кражу «камчатки», оставалась гипотезой, не подтвержденной ничем, кроме равного числа погибших. Получить четкие обоснования я мог лишь проверкой незначительного факта, которого вовсе могло и не существовать. И в этом мне помогали ускользающие зацепки.

Каратель на встрече с Клумси уже имел поврежденную руку. Если предположить, что ее задело взрывом, который он вдобавок устраивал в форме человека, то он должен был оставить части одежды. А вместе с ней и кое-что другое. Что-то такое, что не могло не быть у того, кто может похвастаться вхождением в стаю.

Остановившись на одной из фотографий, я чуть не подпрыгнул. Есть!

В центре фото на потемневшем асфальте лежала обожженная байкерская рукавица с металлической пластиной в центре. Пластина погнулась, один край отломан, но я без труда разглядел логотип.

Волчья лапа тянет человеческую руку. Уже не вышивка белыми и желтыми нитками, а гравировка. Но суть та же.

Клан Якута.

Сжимая телефон в руке, я улыбнулся краем рта, чувствуя, как усталость улетучивается, не спрашивая разрешения на взлет. До чего же все-таки тесен этот мир.

— Сергей! Сергей Воробьев!

Не понимая, кто может отвлекать меня в момент триумфа, я поискал взглядом нарушителя спокойствия. Удерживая открытой дверцу синей «Октавии», на меня озабоченно смотрел Вадим.

Я кивнул ему с выражением максимального благодушия, которое мог в себе вызвать.

— Я долго вас искал, — сказал Вадим. — Рад, что вы еще не уехали. Слушайте, вы бы не могли сесть в машину? С вами хотят поговорить.

— Нет, не мог бы, — развел я руками. — И садиться в транспорт, защищенный магией Ночного Дозора, не имею ни малейшего желания. Однако за приглашение — спасибо.

Дверь с противоположного конца от Вадима резко открылась. «Октавия» приподнялась на пружинах, когда из салона выкарабкался полный человек с лицом советского авиаконструктора.

Он безучастно смотрел на меня, как на непослушного первоклассника, вынудившего директора подняться из инвалидного кресла.

Мне внезапно перехотелось шутить. Передо мной стоял Дмитрий Борисов, запоровший экзамен Ведающей при ее переходе в Дозор Санкт-Петербурга и тем самым, быть может, спасший ей жизнь.

— Может, вы передумаете? — произнес он отрывистым голосом, навевающим образ уставшего напильника.

— А что случилось? — спросил я.

Вадим быстро взглянул на своего начальника и сказал:

— У нас небольшая проблема. Ведающая пропала.

— Что значит пропала?

— Значит, что она может быть в опасности, — вымолвил Борисов. — Сегодня ночью отправилась на задание и не вышла на связь.

— Что за задание? — спросил я с оторопью. — Когда успела?

Вздох Борисова был таким тяжелым, что я без колебаний оторвался от бампера «Форда», готовый выполнить все, что от меня потребуется.

— Мы расскажем вам все, что нужно, — про-

говорил Борисов. — Слышали когда-нибудь про стаю оборотней Якута?

Глава 9

Вадим тронул «Октавию» с места. Одинокий «Форд» остался сзади, печально глазея фарами мне вслед.

Борисов занимал много места на заднем сиденье. Поскольку я сидел рядом с ним, то тоже не мог похвастаться особыми удобствами. Зато нас разделял чемодан, запертый на два замка.

— Давайте сразу кое-что проясним, — сказал Борисов. — Все сидящие в этой машине проинформированы насчет магического энергетика под названием «камчатка».

— Вот оно что, — заметил я. — Разве вам знать такое положено?

— Я первый, кто должен был знать. Вам сказали, что Джонсон и два других Инквизитора прилетели, чтобы забрать эликсир из вашего штаба?

— Да.

— Вас ввели в заблуждение, — сообщил Борисов. — Инквизиторы прилетели за «камчаткой», верно. Но забрать ее они должны были у Ночного Дозора. «Камчатка» все время находилась у Светлых.

Я прикинул, какие именно прошлые выводы

должен теперь скорректировать. Ничего конкретного не приходило в голову.

— Если это ваши личные секреты, то почему оказался задействован Дневной Дозор? — спросил я. — Из-за того, что на помощь Джонсону отправились мы?

— Не только. Саймон в какой-то степени — персона своеобразная, предпочитает вести дела в собственной манере. Все корпоративные секреты между ним и любым из двух Дозоров также должны быть известны другому Дозору, незадействованному. Поэтому Дневной Дозор знает, когда Ночной передает Инквизиции любую ценную вещь. В свою очередь мы знаем про то, сколько вам морочили голову делом фон Шелленберга.

— Неравномерная сделка выходит, особенно для вас, — заметил я. — Спятивший Инквизитор, развоплощенный несколько лет назад, против актуальной операции особой важности, грозящей далекими последствиями. Вам самим не жалко так размениваться?

— Все зависит от отношения к обмену, — сказал Борисов, отпирая замки лежавшего между нами чемодана. — Вот лично вас, как я уверен, командировка в Севастополь касалась больше, чем какой-то там флакон. Я ведь прав?

Он открыл крышку чемодана, позволяя мне увидеть содержимое, от которого у меня перехватило дыхание.

Не по размеру большой кошачий ошейник. Беспроводные наушники. Раздавленная консервная банка без содержимого. Умные часы, давно вышедшие из моды. И другое.

Амулеты севастопольского Дозора.

— Знакомые вещи? — спросил Борисов.

— Знакомые, — ответил я. — Где достали?

— Джонсон привез вчера. Так, при случае. Расследование закончено, улики возвращены туда, где они были созданы. В Ночной Дозор Москвы.

— Да, — подтвердил я. — Это же было проще, чем вызывать Надю Городецкую на допрос. Верно?

— Верно, — согласился Борисов без эмоций. — Кстати, этот предмет они тоже приписали к делу.

Он отстегнул молнию кармана на крышке чемодана, чтобы я мог увидеть хищно выглядящий кастет, используемый элитными боевыми магами Инквизиции. Рукоятка из махагона, две симметричные ударные накладки, совпадающие отверстиями для пальцев, с лезвиями, обращенными в разные стороны. Одно из титана, второе

из никеля.

Я испытал острое желание взять его в руки и с трудом сдержался.

— Шакрам холода, — сказал я. — Великолепное оружие.

— Он вам пригодился в Севастополе, верно?

— Светлый Борисов, вы хотите навести меня на какую-то мысль?

Борисов захлопнул чемодан и ответил:

— Если хотите знать, то я таскаю с собой эти предметы, потому что мне банально не выпало случая выгрузить их в штабе Ночного Дозора. Передача ценных реликвий неизбежно сопровождается обилием бумажной волокиты.

— Но «камчатку» вы отдали без раздумий?

— Приоритет такой технологии превышает все другие процедуры.

— Понятно. — Я посмотрел в окошко, за которым проносились оранжевые заборы Клязьмы. Странным маршрутом передвигаются Светлые. Или же Вадим просто сверяется с плотностью дорожных пробок на навигаторе. — Так что там с Ведающей?

Вадим быстро взглянул на меня через зеркало заднего вида.

— Анжела прилетела с нами в Москву по со-

вершенно другому вопросу, — начал говорить Борисов. — Она должна была сопроводить стаю оборотней, которыми руководит некто Якут, в сезонный тур кормежки. Вы знаете, что это такое?

Постаравшись придать лицу неопределенное выражение, я тихо прокашлялся.

Дело принимало нелепый информационный оборот. Дмитрий Борисов рассказывал про стаю Якута так, словно мы с ним начинали качественно новую тему для беседы, а все предыдущие, связанные с моим прошлым и «камчаткой», являлись лишь ритуалом по обмену сплетнями, которым приятели часто возобновляют давно утраченное знакомство. Неужели Светлые действительно еще не провели параллели между похищением эликсира оборотнями и пропажей своей волшебницы, также отправленной к оборотням? Неужели Борисов ничего не знает?

С другой стороны, откуда ему знать? Я и сам вышел на след Якута за считаные мгновения до того, как Вадим меня нашел, — притом что обладал куда большим набором сведений. Так что сейчас мы вели несколько линий одной и той же тематики. Это можно было бы счесть везением, если бы в салоне не висела опасность нечаянно соскочить с одной линии на другую и выболтать

лишнего.

— Да, я знаю, что такое тур кормежки, — подтвердил я. — Оборотень может не питаться людьми целый год, если ему компенсировать голодание последующим отвалом до брюха. Выдачей лицензии сроком до месяца.

— Именно на этих условиях с нами сотрудничает Якут, — кивнул Борисов. — Он и его стая — группа мотоциклистов. Когда они представлены как люди, то часто говорят о себе как о байкерском клане. Но по всем параметрам это типичная стая — сплоченная, с чертами закрытого кастового общества. Иными словами, группировка. Отличается от других низших кланов отсутствием железной иерархии и повышенной лояльностью к Дозорам. У волков Якута ни разу не было проблем ни с лицензиями, ни с выполнением условий по ним.

— Похоже, вам с ним удобно работать.

— Даже очень удобно. Большее время стая разобщена и раз в год, обычно в середине весны, собирается на совместные пиры. Здесь Якут придумал совместить кормежку с классическим мотопробегом. Совсем как обычные людские мотоциклетные клубы: сесть всей стаей на железных коней и отправиться в недельное пу-

тешествие по России, останавливаясь в местах… скажем, угодий.

— Если вам сложно выговорить слова «жрать», «раздирать» и «зачищать деревни от селян, потому что нам разрешили Светлые маги», то я могу произнести их за вас, — предложил я. — Не мне вам объяснять, кто такие оборотни и чем они живут.

Тяжелый взгляд Борисова послужил мне ответом. Такой согласился бы стереть в порошок любое проявление нечестивости одним движением бровей — если бы мог.

— Не мне объяснять вам, почему мы выдаем им лицензии, — вымолвил Борисов. — Так вот, с этого сезона Ночной Дозор выставил Якуту условие: с ними в мотопробег отправляется наблюдатель от Светлых, проконтролировать расходование.

Вот оно. Последняя деталь стала на место.

Теперь мне уже не было смысла спрашивать, зачем Ведающую вытащили из Читы в Москву. Ночному Дозору явно не пришлось долго размышлять над кандидатурой, максимально подходящей на роль наблюдателя за байкерским кланом волколаков. Боевая волшебница первого уровня, Светлая, опытная наездница железного коня. Я столько думал, зачем Ведающая приехала

сюда, связывал это с ее магическими навыками или, в порыве самомнения, с собственной персоной. А все оказалось настолько элементарно. И ведь специально возле клуба искал среди мотоциклов стаи знакомую «Ямаху», но не подумал о самом простом!

— И вы ее потеряли? — спросил я.

— Да. Якут получил лицензию на всю стаю вчера днем. Вечером они со всеми печатями покинули территорию Ночного Дозора.

— Известно, когда именно?

— Если они не нарушили собственное расписание, то в восемь часов вечера.

Я прикинул в уме, где сам был в это время. Да, все верно. Получив лицензию, волколаки отправились в клуб. Сразу после «Мундуса» стая покинула Москву, отправившись в свой мотопробег. И Ведающая уехала с ними.

Пусть я совсем не знал Якута, но не верил ни на миг, что стая оборотней привалит при полном параде в какой-то там клуб, просто чтобы посмотреть выступление Сид. Зато что это сделает Веда — верил. Получается, Якут с другими волками решили просто ее морально поддержать?

Получается, что так.

Мне стало не по себе. Прямо сейчас Ведающая

должна быть в пути с группой полузверей, от которой ее может защитить лишь Сумрак. И все же у нее с ними налажены какие-то контакты. Неделя в пути на мотоциклах, пусть даже неполная. Совсем другой мир, другая жизнь, где совместятся эйфория и боль, жизнь и смерть.

— А куда они вообще едут? — спросил я. — В какую сторону?

— Якут выбрал северное направление. Трасса Москва — Архангельск, пока лицензия не закончится. После этого Якут распустит стаю до нового сезона. Однако, как я сказал, Анжела пропала. Она должна была все время держать связь со мной, Вадимом или Ночным Дозором Москвы.

— И что конкретно вы хотите от меня?

— Ответа на простой вопрос, если можно. Связывалась ли Анжела с вами?

— Не могу отрицать, что ваш вопрос мне польстил, — сказал я. — Вот честно, так оно и есть. Я так часто слышу на работе пожелания послать Веду к дьяволу, а еще лучше сразиться с ней насмерть во время патрулирования зловонных трущоб, что мне по-человечески приятно встретиться с людьми, которые мне напомнят о другом аспекте наших с ней отношений. Скажите, а вы всегда подозреваете своих работников в слепом

обожании Темных, переходящем в щенячью покорность былым половым связям?

«Октавия» вильнула в сторону — Вадим не удержал руль.

— Вы меня неправильно поняли, — спокойно сказал Борисов. — Я имел в виду совсем другой… аспект ваших с Анжелой отношений.

— Как? Неужели есть и другие?

— Вы ее инициировали. Она может воззвать к вам. Всегда и везде. Это ультимативное правило Сумрака. Взывала ли к вам Анжела в последние сутки?

Дмитрий Борисов не мог подобрать лучших слов, чтобы выбить из меня всю дурь. Мне стало стыдно за свои слова, словно я попробовал перевести сакральное знание на язык скабрезностей. Хотя какого черта? Именно это я, дурак, и сделал.

— Нет, Веда не взывала ко мне, — заверил я. — В последние сутки точно нет. Я бы запомнил.

— Вы настаиваете на своем ответе?

— Что за вопрос? Конечно, настаиваю.

Дмитрий Борисов чуть придвинулся и хрипло спросил:

— Вы примете в подтверждение своих слов знак «карающего огня»?

Хорошо, что за рулем сидел не я. Тут бы мне

пришлось не просто вильнуть в сторону — от таких предъяв я бы пустил «Октавию» в дикий кульбит.

— Вы сошли с ума? — проговорил я, справившись с приступом изумления. — Никаких знаков я принимать не намерен. И на ваш вопрос ответил как есть. Веда со мной не связывалась. Ни клясться на крови, ни подписывать бумаги, ни тем более принимать на себя знак я не намерен. Не верите на слово — катитесь на нижние слои.

— Хорошо, я вам верю, — сказал Борисов. Не понравилось мне, с какой интонацией он это сделал — вялой, почти безжизненной. — Значит, это правда. Вы в самом деле давно уже не вместе.

Настала моя очередь наклоняться к нему.

— Какое ваше дело до нас? — спросил я, чеканя каждое слово.

— До вас? — скосился Светлый. — Никакого. До Возрожденной — большое. Просто для сведения: сумеречное воззвание — это привилегия, а не данность. Если инициатор отворачивается от инициируемого, то сигнал воззвания становится заглушен. Вы в последнее время, часом, не выбрасывали насильно мысли об Анжеле из головы? Понимаю, что не ответите мне, так ответьте себе. Вы от нее отвернулись по своей воле, наплевав на

ее чувства? Закрывали то, что у вас вместо души, от любви? Сопротивлялись любым глубинным порывам протянуть ей руку? Потому что если да — считайте, что вы ее убили.

— Вот так прям и убил? — вырвалось у меня.

— Скорее всего — да. Анжела — или как вы ее называете, Ведающая, — получила предельно понятные инструкции. Она обязана выходить на связь каждые двенадцать часов. У нее был собственный смартфон, корпоративная спутниковая трубка, два дублирующих амулета и обработанный магией аварийный «Глонасс» внутри мотоцикла. Ничто из этого сегодня утром не сработало. И у нее был шестой канал для связи — воззвание к Сергею Воробьеву. Она сама сказала лично мне прямым текстом, что в этом канале связи уверена как в Изначальных Силах. Что это — единственная константа, на которую она может положиться перед отбытием. Ведающая согласилась на путешествие со стаей, лишь зная, что вы ее подстрахуете, каким бы подонком ни захотели показаться. И эта ниточка оборвалась из-за вашего эгоизма.

Я смотрел в окно невыносимо долгую минуту, прежде чем сказать:

— Что вы теперь хотите от меня?

— Чтобы вы помнили, каково позволять молодой женщине любить себя, — ответил Борисов. — Но я вам не отец, чтобы учить жизни. Я хочу, чтобы вы, откинув все маски, заглянули к себе в то, что вместо души, и решили, хотите ли исправить содеянное. Поезжайте вслед за стаей Якута и найдите Ведающую. Нагоните их и разберитесь, узнайте, что там случилось. Мы не имеем права это делать — данная нами лицензия не позволяет следить за перемещениями стаи любыми другими способами. Вы же, надеюсь, не станете играть в безразличие.

— Слишком часто вы апеллируете к сущности, которую называете «то, что вместо души», — сказал я, следя в зеркало за быстро приближающимися фарами сзади. — Придумали бы уже термин. Вы же Светлые.

— Вы согласны или нет?!

Я посмотрел на Борисова. Его лицо наконец стало выдавать признаки напряжения. Оказывается, он и открыто переживать умеет.

— Ваше предложение понятно, — сказал я, вытаскивая телефон. — Саша, ты все слышал?

— Конечно, — раздался голос Агеева. — Вы бы там остановились. Поговорить надо.

— Вадик, ты слышал? — Я похлопал водителя

по плечу. — Останови. С вами тут люди поговорить хотят.

— Что происходит? — Борисов быстро обернулся. — За нами что, следили?

— Сюрприз, — проговорил я. — Если вы приглашаете Темного дозорного на разговор в служебную машину Светлых и при этом не знаете, что такие процессы всегда прослушиваются, — то вы явно делаете это впервые. Впрочем, я вам не сын, чтобы учить вас технологиям, даже не самым современным. Вадик, стоп мотор!

Побледневший Вадим остановился у обочины. Я потянул ручку двери, выбрался на свежий воздух. Борисов остался сидеть внутри.

Нас обогнал синий кроссовер, забрасывая «Октавию» дорожной грязью. «Бентайга» остановилась в маневре классического подрезальщика. Из-за руля вышел умиротворенный Сашка Агеев — импозантный, в лазурной куртке. Снимая темные очки, он слегка ухмыльнулся в мою сторону.

— Светлый Борисов! — крикнул он, подходя ближе. — Ваша попытка вербовки дозорного Воробьева официально зарегистрирована Дневным Дозором Москвы. Пока мы не станем выдвигать обвинений. Просто ставим в известность.

Напуганный Вадим щелкнул замками, запирая машину.

Борисов выглянул из окна, смотря на меня. Он не скрывал сильного удивления.

— Вы что, ничего не поняли? — выговорил он. — Или вам все равно?

Я заглянул в салон, теперь уже понимая, до чего мне там было тесно.

— Напротив, — сказал я. — Мне нравится ваше предложение. Я согласен поехать вслед за стаей Якута и разобраться, что там с вашим наблюдателем. Но вы оформите свою просьбу по всем правилам, через официальный запрос в Дневной Дозор. Оформите по всей программе, переступив через свое презрение к протоколам, Темным, оборотням, дипломатии, ко мне лично и моим понятиям о чувствах. Если откажетесь, то вам придется смириться с пропажей вашей корпоративной спутниковой трубки, потому что выяснить ее судьбу вы сможете, лишь спросив о ней Якута при вашей следующей встрече через год, когда придет пора выдать ему очередную лицензию на поедание людей.

— Не могу поверить… — начал Борисов, но я его прервал:

— Во что? В то, что я не кинулся сломя голову

бежать без оглядки в поисках любимой волшебницы? Вы понятия не имеете и не можете иметь, хочу ли я сам это сделать или нет. Но вы зря понадеялись, что я это непременно сделаю просто потому, что этого хотите вы.

— Погоди, Серег, ты куда собрался? — прищурился Саша. — Какая еще стая? У тебя же свое задание есть.

— Все правильно, — сказал я, не понижая голоса. — Это следующий этап. Я все объясню. Давай-ка укроемся от посторонних ушей.

— Идет, — согласился Саша, указывая мне на переднее место в «Бентли».

Я устроился в удобном, почти обволакивающем кресле «Бентайги», с наслаждением вдыхая запах новенького салона. Захлопнул дверь, позволив невидимой завесе скрыть нас от всего остального магического мира. Даже если у Борисова в багажнике лежит сотня чемоданов с прослушивающими амулетами — защиту кроссовера ему не пробить. Пусть смотрит через два стекла на нас и гадает, о чем мы там говорим.

— Выпьешь? — предложил Саша, вытаскивая бутылку «Мартелла».

— Коньяк за рулем? — посмотрел я с сомнением. — Нехорошо, Сань.

— Так не мне же, чудила! Ты пей! Заслужил. Стаканов не держим, но люди мы простые.

— И впрямь, не в первый раз, — согласился я, рассматривая пробку и вспоминая, когда в последний раз таскал с собой швейцарский нож со штопором. — Саш, я тебе позже все объясню, но твоя «камчатка» у Якута.

— Знаю, слышал, — произнес Агеев. — Лично не встречал, но мотоциклы они у нас оформляли. Кстати, лишних осталась парочка.

— Возможно, понадобятся.

— Вот как? — Саша приготовился выруливать на дорогу.

— Поворотник включи.

— Да я так, на глаз… Осторожно!

При его вопле я едва не выронил бутылку на дорогой коврик под ногами.

По трассе, двигаясь точно на нас, неслась огромная туша. По соотношению ее массы и скорости существовать такая не могла ровным счетом никак. А с учетом расстояния до нас — то, чего не могло быть, планировало столкнуться с «Бентли» примерно через две трети секунды.

Сашка рванул рычаг куда-то по диагонали — и «Бентайга» выпала на второй слой Сумрака.

Трасса превратилась в кривую тропинку с тре-

мя колеями, тут и там перекрытую беспорядочно раскиданными валунами. Мы с Сашкой оказались внутри железной конструкции, больше похожей на доисторический танк с кучей ржавых бойниц и орудий, щедро украшенный изнутри охапками соломы.

Хлопая глазами, мы переглянулись.

В следующий момент из ниоткуда материализовалась голова туши, следом за которой проявилось остальное тело, словно безумный художник рисовал застывшую в прыжке фигуру, начав с пасти. Звук рычания пришел будто с другой стороны, чтоб многократно отразиться эхом от внутренностей танка. Движения зверя не казались замедленными. И все же я успевал фиксировать каждую деталь — раскрывающиеся когти, шевелящийся мех на груди зверя и все теснее прижимающиеся к голове заостренные уши. Ярко-красный загривок, столь неестественный в Сумраке, и совсем уже непонятную россыпь фиолетовых пятен на морде. Искореженную правую переднюю лапу, трясущую лоскутами порванной плоти. Неизменной являлась лишь ненависть в коричневых, мертвых глазах.

Зверь вытолкнул танк наружу — со второго слоя в обычный мир. «Бентайга» оторвалась от

обочины, сделала в воздухе два полных поворота и с грохотом ударила в «Октавию» сзади. На меня сразу напали головокружение и тошнота, зрение помутилось. Подлые законы физики, сделавшие для зверя исключение, на нас сработали как обычно, превратив капот «Октавии» в металлолом. Магическая защита «Бентли» сработала как надо, защитив кузов от повреждений. Сработала — и пропала, выставив нас напоказ.

Я выкатился из машины, продолжая сжимать бутылку «Мартелла». Зверь обернулся ко мне, раскрывая пасть. Обойдемся без штопора. Легкое движение рукой — и пробка выскочила из бутылки подобно пуле, отскочив от глаза зверя, как от батута. Я выплеснул алкоголь ему в морду, чтобы увидеть, как зверь лишь фыркает в ответ.

Понятно, что ты не вампир. Очень похож на оборотня, только с бóльшим числом допущений. Вроде тех, что ты свободно ловишь цель на втором слое Сумрака, пробиваешь защиту дозорного транспорта высшей категории безопасности и вообще ведешь себя как редкая скотина.

Ну и не без детали, что ты убил кучу народу в аэропорту.

Аура Абсолютного Карателя уже пропала, но даже без нее я хорошо понимал Клумси, вынуж-

денного беседовать с таким в одиночку. Здесь не то что согласишься вступить в стаю — начнешь бабушек через дорогу переводить, даже если они сопротивляются.

Зверь испустил рык до того дикий, что я и представить не мог. В следующий момент ему в ухо прилетело «тройное лезвие» — Саша, обойдя «Бентли», выпустил серию атакующих заклинаний точно в голову Карателя, распространяя свой фирменный запах черники. Разжав пальцы и выпустив бесполезную бутылку, я продублировал атаку Агеева — уже в центр массы. Оборотень подскакивал на месте, задрав морду к небу, оглашая все окрест дичайшим воем, на который стандартная глотка волколака в принципе не способна.

Передо мной заблестела внутренняя поверхность мыльного пузыря. «Радужная сфера», защитное заклинание Светлых.

Мне не было нужды оборачиваться — я присел к земле, выхватывая «ратник» и глядя, как оборотня поражает пролетающий надо мной файербол. Каратель в ярости сделал рывок в мою сторону, ударяя лапой по поверхности «радужной сферы» и извергая звук рвущегося пенопласта. Я выстрелил ему серебряной пулей точно в мор-

ду, заставляя жмуриться, нажал на спуск еще несколько раз. Сложил пальцы левой руки в «пресс», оттолкнул зверя чистой Силой. Отошел назад, чтобы чуть лучше понимать, что творится за спиной.

Готовя новые заклинания, Дмитрий Борисов стоял рядом с искореженной «Октавией». Левая сторона его лица заметно увяла по сравнению с правой, оседая книзу, будто плавящаяся маска.

Мать моя Тьма! Да его же разбил самый настоящий инсульт!

Борисов старался держаться, хотя я чувствовал, до чего ему плохо. Силы, которые следовало немедленно направить на самолечение, он сейчас расходовал на атаку против оборотня. Слева от него дрожал Вадим, то и дело выдавливая из себя «фризы».

Взвыв в последний раз, оборотень пропал в Сумраке.

Я рванул вслед за ним, чтобы увидеть, как он прячется на втором слое. Вздохнул, проник следом.

Оборотень и тут решил исполнить невозможное. Встрепенулся всем телом, расплескивая черно-белую кровь. Ощерился в прощальной гримасе.

И пропал на третьем слое.

Никто из остальных участников боя не мог за ним последовать, кроме меня, и он это знал. Выманивал за собой, подальше от поддержки.

Принято.

Я заслонился стволом револьвера, ловя тень от того, чем он здесь был — тяжелого каменного мушкетона. Сумрак раздвинул занавес, отделявший меня от пучины третьего слоя, и мушкетон на моих глазах превратился в березовую рогатку с болтающейся невесомой серебристой нитью.

Каратель находился здесь, посреди чистого поля. Три колеи дороги превратились в семь, издевательски предлагая вообразить повозку, способную оставить подобный след. При виде меня оборотень попятился и завыл.

— Не такой уж ты и страшный, — сказал я, чувствуя, как звуки выталкиваются из моего рта и уходят куда-то вверх, подобно воздушным пузырям в воде. — Дневной Дозор. Выйти из Сумрака, форму скинуть!

— Я не могу, — прорычал Каратель вполне разборчиво. — Я не могу снова стать человеком!

Его слова были странной смесью звучания и вибраций окружающего мира.

— Хорошо, — согласился я. — Выходи как есть.

— Нет! — проревела пасть, заставляя землю колебаться. — Я тебя убью!

— Не угрожай Светлой Тени, — предупредил я. — Кстати, перчатку не терял?

Зверь ринулся на меня, но в этом месте он был заметно медленнее. Достаточно, чтобы встретить мой трюк, который я, как оказалось, не зря тренировал.

«Тройное лезвие» пускает, как ясно из названия, три лезвия, которые не вылетают одновременно. Первое идет как ведущее, два других следуют по очереди пассивно, как магическое эхо. Если повторить заклинание сразу на момент первого эха, то получится совпадение нескольких разных атак между собой. Сложная вещь, требующая повышенного и расчетливого расходования Силы. Невероятно сложный прием, за который я признателен собственным многочасовым тренировкам.

А также группе Pink Floyd, впервые применившей это в басовой партии.

Почти все лезвия попали в цель. Здесь кровь зверя уже имела слабые краски, хоть и недостаточные, чтобы в случае чего избавить кровожадность сцены от взрослого рейтинга. Каратель впал в запредельный уровень ярости, когда ста-

дия полной потери контроля над собой переходит в удивительное спокойствие и твердое осознание неотвратимости последнего боя. Плохо. Я рассчитывал, что до этой фазы не дойдет. Потому что встретить оборотня мне было уже нечем. Силы мои стремительно улетучивались.

Их не хватило даже на нормальный «щит». Взмах деформированной лапы — и я упал навзничь, чувствуя пружинящую твердь. Оттолкнулся от нее, снова стал на ноги, атаковал «Танатосом». Заклинание удачно попало зверю в покатый нарост, заменявший переносицу. На мгновение оборотень стал выглядеть как мертвый — чтобы постепенно начать приходить в себя снова.

Вот этого просто не может быть.

Хотя… Разве он не сказал, что не может вернуться к облику человека? «Танатосу» просто нечего убивать в его жизненной натуре. Часть ее и так уже мертва.

Бросив бесполезную рогатку, я сделал шаг назад. Затем еще один и еще, убеждая самого себя, что это тактическое отступление, чтобы зацепиться за нужный объект. Каратель шел на меня, неторопливо, тоже набираясь сил. Я попятился мимо пустого хромированного овала («Бентли»?), смятой жестяной коробки («Октавия»?), смирно

лежащей на земле коралловой ракушки…

Какой еще ракушки?!

Между мной и оборотнем лежала тусклая океанская раковина с закрытыми створками. Широкая, в полметра шириной, приплюснутая в середине. В такой могла бы храниться жемчужина всех времен и народов. Или, обложившись посидонией, доживать свой век водное создание, нейтральное ко всему, что творится снаружи. А еще там могло быть…

Я пустил в оборотня еще один «пресс», заставив его застыть на мгновение. Подскочил к ракушке, начал открывать изо всех сил. Створки не поддавались, пока я не заметил двух маленьких моллюсков, сжимавших половинки раковины воедино. Пнул их со всей дури, и створки тут же распахнулись, словно их распирала пружина.

Внутри было несколько жемчужин. Даже не считая, я мог сказать, что их было десять. И нужны мне были не они. Вытащив предмет из самого верха раковины, я повернулся к Карателю и поразил его летящей гигантской снежинкой, словно сошедшей со страницы детской книжки.

Глаза зверя остекленели, когда плоский морозный диск рассек его морду наискось. Я выстрелил еще, отрезая зверю его многострадальную лапу.

Подошел ближе, схватил свободной рукой за ухо.

— Пора нам вернуться, — сказал я, вытаскивая оборотня из Сумрака.

Его вой перешел в скулеж, когда мир вокруг вернул себе краски. Звериные зрачки сузились, уставившись на предмет, который я держал перед мордой зверя.

Шакрам холода.

Поворот всем телом, одно продольное движение — и я рассек лезвием шакрама горло Карателя, принимая на себя фонтан мерзкой крови. Зверь распластался на асфальте проспекта, пару раз дернул лапами — и затих.

Утирая кровь рукавом, я обернулся к остальным.

Сашка озадаченно смотрел на меня. Вадим уставился на раскрытый чемодан, рядом с которым валялись два отломленных замка. Дмитрий Борисов стоял на месте, и его лицо все еще оставалось асимметричным.

— Вот и все, — бесцветно произнес он. Впервые ему удалось выразиться так, что я не сумел понять, что он имеет в виду.

— Ты как, в порядке? — спросил Агеев, возвращая себе самообладание. — Что это за тварь такая? Оборотень, я же вижу! Но почему он такой

мощный оказался?

— Думаю, на это нам ответит Светлый Борисов, — сказал я, чувствуя, как звериная кровь щиплет глаза.

Агеев вопросительно глянул на Борисова. Тот выглядел все более жутко с каждым мгновением.

— Темные, — произнес Борисов. — Вы только что наблюдали «камчатку» в действии.

— Да ладно? — удивился Сашка.

— Да, — пробормотал я, глядя на мертвую тушу. — Всего один оборотень. И магический… как вы там сказали? Энергетик? Теперь это так называется, да?

Борисов ничего не ответил.

Вадим стоял на месте, держа руку вверх. Он вывешивал «сферу невнимания», скрывая место боя от людей. Лучше поздно, чем никогда, но без бригады чистильщиков от каждого из Дозоров нам теперь не обойтись.

— Коньяк испортили, — пожаловался Агеев, показывая на меня и зажимая нос. — Плащ испачкал. Боюсь, уже не отстирать.

Глянув на себя, я брезгливо начал стаскивать плащ.

— Ничего, — сказал я, швыряя некогда люби-

мый атрибут одежды рядом с револьвером. — Думаю, в ближайший месяц я буду представлять совсем другой имидж.

Глава 10

Старинные часы висели на том же месте, где я их видел два дня назад. Бронзовая кукушка все еще наполовину высовывалась из гнезда. С нового ракурса она смотрела прямо на меня, вероятно, желая что-то мне сказать. Или же я просто сидел на другом месте, которое в зале заседаний Дневного Дозора Москвы предоставляют не подсудимым, а ценным свидетелям.

Рядом со мной сидел довольный Сашка. Напротив нас, едва помещаясь на стуле, не шевелясь, замер Борисов. Про него нельзя было сказать, чтобы он стал подобен камню. Скорее, это была неподвижность всеми забытого мешка с колбасой. И дело было даже не в том, что ему нанесли несколько моральных ударов и заставили выслушивать внеплановое заседание пражской Инквизиции в штаб-квартире Темных.

Лицо Борисова так и осталось перекошенным после утреннего инсульта. Вероятно, оно останется таким на всю жизнь.

— Мы заслушали доклад Александра Агеева, — сказал Саймон Джонсон, чей вид не выдавал ни малейших следов недавних царапин. Похоже,

что Саша все же послушался моего совета и оперативно вызвал ему портного. — Хотелось бы вкратце услышать итог от непосредственного участника события — Сергея Воробьева.

Астрид улыбнулась мне поверх очков. Я вернул улыбку, продолжая сидеть на стуле. Сцепил руки в замок, чуть наклонился вперед, словно отыгрывал роль гостя интеллектуального шоу, готовящегося сказать развернутый верный ответ.

— Общая хронология событий такова, — начал я. — Неизвестный нам противник узнал про магический энергетик под названием «камчатка», значительно расширяющий возможности Иных. Эликсир действительно существует, мы с Александром Агеевым видели его в действии. Враг разработал план по похищению образца «камчатки», на основе которого предположительно можно наладить массовое производство эликсира. Момент похищения должен был состояться при передаче флакона с образцом от Ночного Дозора Инквизиторам. Был нанят исполнитель — неустановленный оборотень, которого, согласно необычайному образу его ауры, будем в дальнейшем называть Каратель.

Вчера утром, когда уважаемые гости, здесь присутствующие, прибыли в Москву, случилось

покушение. Зная время прибытия пражского самолета, Каратель подстерег вас, Инквизиторов, на стоянке аэропорта Шереметьево, где привел в действие кустарную трубчатую бомбу. Вероятно, он планировал сорвать ваши планы и заставить улететь обратно или иным способом отказаться от получения эликсира. Это ему не удалось, и тогда Каратель предпринял вторую попытку. Нанял несколько других оборотней, не имеющих серьезных социальных связей, которым пообещал вступление в свою стаю. Наемники напали на уважаемых Инквизиторов на месте их отдыха — в номерах отеля башни «Федерация-Запад». Нападавшие были неорганизованны и разобщены, так что, получив отпор, почти все они погибли. Однако одному из них удалось скрыться с эликсиром.

В ходе расследования я вышел на этого наемника и провел с ним разговор. В порыве чистосердечного раскаяния наемник согласился сотрудничать и сообщил мне все, что знал: «камчатка» уже передана Карателю, его имя, черты личности или аура не известны. Тем не менее Карателя можно было опознать по поврежденной руке.

Проведя анализ улик на месте взрыва в Шере-

метьево, я сумел установить принадлежность Карателя к клану оборотней Якута — лидера стаи, которая вчера покинула Москву по разрешению Ночного Дозора. Как оказалось, к тому времени Каратель уже принял порцию «камчатки», которая довела его способности диверсанта и воина до максимума. Это позволило Карателю следить за местом взрыва в аэропорту со второго — третьего слоев Сумрака, не выдавая себя. Поскольку я руководил оперативно-розыскной группой, Каратель от аэропорта стал шпионить за мной лично. И в момент, когда я сказал Александру Агееву, что могу установить причастность Карателя к стае Якута, — атаковал. Несомненно, именно эту информацию Каратель решил скрыть во что бы то ни стало, поэтому мысль о виновности кого-то из стаи Якута можно считать доказанным фактом.

В ходе боя Каратель был убит. Тем не менее нам не известны ни личность заказчика, ни местонахождение оригинального образца «камчатки». Все, что мы знаем: ответы хранятся у членов стаи Якута. Подчеркиваю: не лично лидера стаи, а кого-то из входящих в ее состав оборотней. Причастность непосредственно Якута нами не установлена.

Вследствие этого я прошу Инквизиторов одоб-

рить соглашение, которое заключили Дневной и Ночной Дозоры Москвы, а именно: командировать меня догнать стаю Якута, внедриться в нее на правах наблюдателя от Темных и сопровождать в течение их мотопробега, совмещенного с сезонным питанием. В ходе совместного путешествия я рассчитываю выявить заказчика похищения, найти образец «камчатки» и вернуть его в Москву.

Сашка изобразил неслышные аплодисменты.

Борисов сидел неподвижно.

Астрид быстро допечатывала мои слова.

— Мы заслушали доклад Сергея Воробьева, — сказал Саймон. — И мы готовы вынести свое решение. Точнее, несколько решений. Решение первое: проведенное расследование считать успешным, просьбу Сергея Воробьева относительно его внедрения в стаю Якута — удовлетворить.

— Ха! — выкрикнул Саша и тут же с извинениями развел руками. Похоже, он уже предвкушал совместную попойку с Инквизиторами. Конечно, на нее он притащит не десятилетний «Мартелл», а что-то посолидней.

— Решение второе, — произнес Саймон, посмотрел на Рене и кивнул. Сен-Клер встал, двигая на столе какую-то бумагу.

— Решение второе, — повторил он слова коллеги. — Производство по делу фон Шелленберга закрыть окончательно. Все участники инцидента в Севастополе оправданны полностью. Те, кто не выжил, — оправданны посмертно. Новые заседания по этому вопросу проводиться не будут.

Саша посмотрел на меня, а я не знал, как переварить эту информацию. Значат ли слова Рене, что мне больше не придется видеть эти милые лица?

Сен-Клер уселся обратно, и приподнялся господин Томас.

— Решение третье, — не спеша вымолвил он. — С учетом первых двух решений, а также в ходе анализа боя Сергея Воробьева с оборотнем и предстоящей ему миссии вручить ему в качестве безвозмездного дара магическое оружие, которое несколько раз так ему помогло.

Томас движением фокусника положил на стол завернутый в платок предмет, развернул его, сделал несколько пассов рукой. Платок пополз в мою сторону вместе с лежащим на нем шакрамом.

Этого я совсем не ожидал. Несмотря на все мои попытки выдерживать профессионализм, последняя выходка Инквизиторов все же заставила меня рассмеяться.

Я схватил шакрам, надел его на пальцы, осмотрел со всех сторон. Кастет с лезвиями, метающий ледяные диски, сидел на руке как ее естественное продолжение.

— Благодарю Инквизиторов за оказанное мне доверие, — сказал я, убирая шакрам.

— Остался один вопрос, — вымолвил Саймон с довольным видом. — В ходе заслушанного нами отчета возникли сомнения в правильности действий всех сторон. Считаете ли вы, что кого-то следует привлечь к ответственности уже сейчас, помимо заказчика преступления?

Сашка пнул меня ногой под столом, глядя на Борисова. Мог бы и не стараться. Мне было что ответить.

«Камчатка» находилась у Ночного Дозора.

Принимающей стороной был Ночной Дозор.

Передать эликсир Инквизиторам должен был Ночной Дозор, и обеспечить безопасность и секретность сделки — тоже он.

Лицензии стае Якута выдавал Ночной Дозор, он же выпустил стаю из города в разгар крупного скандала с оборотнями. Он же не сделал ничего полезного в расследовании взрыва в аэропорту. Никто из Светлых не сумел привнести мало-мальски значимой пользы в битве с Карателем. Я мог

припомнить с десяток их промахов поменьше, которые, собранные воедино, составляли серьезную компрометирующую массу.

Да, мне определенно было кого обвинить в преступной халатности, откровенном саботаже и чуть ли не прямом вредительстве.

Глядя прямо на Борисова, я сказал:

— Нет, я не считаю, что кто-то должен понести ответственность. Виновен лишь заказчик похищения.

Мне показалось, что правый глаз Борисова слегка дернулся. Если бы у него работал левый, я мог бы сказать определенно. А так — из серии «показалось».

Сашка озадаченно втянул воздух.

Пусть думают что хотят. Я же думал лишь о красновласой волшебнице, которая, не глядя на Великий Договор, спасает людей на парковке аэропорта, чтобы получить вместо награды смертельно опасную миссию. Ищет свою истину в окружении тех, кого не услышал мир. Принадлежит к Ночному Дозору и разделяет с ним все его проблемы.

— Хорошо, — вымолвил Саймон, явно ожидавший другого ответа. — В таком случае предлагаю объявить заседание оконченным.

— Прошу Инквизиторов задержаться еще ненадолго, — сказал я. — Есть один маленький нерешенный пункт.

Уже собирая бумаги, Саймон удивленно посмотрел на Агеева, затем на меня. Было видно, что Борисова он уже вовсе не брал в расчет.

— Да? — произнес он. — В чем дело?

Я кивнул Астрид, которая под любопытные взгляды остальных встала из-за своего места, подошла к дверям и распахнула их.

— Заходи, — позвала она. — Ну же, не бойся. Все только тебя ждут.

Саймон, Рене и Томас дружно вытянули головы, чтобы лучше видеть.

В дверях показалась напуганная усатая морда. С надеждой посмотрев сначала на Астрид, затем на меня, в зал заседаний вошел огромный серый кот. Ковровая дорожка под его пушистыми лапами издавала приятное шуршание.

— Познакомьтесь, — быстро сказал я. — Это Клумси. Он забрал у вас эликсир, но в данный момент у Дневного Дозора нет к нему никаких претензий. Он помогал мне в расследовании, и мне крайне нужна его дальнейшая помощь во внедрении в стаю Якута. Потому что он сам оборотень, и его там без труда примут как своего.

Без сомнения, его внешний вид, эстетика и стиль боя позволят ему слиться со стаей…

В этот момент я сам представил, как Клумси будет смотреться на фоне толпы волколаков, и понял, что немного перегнул с аргументами. Так что торопливо добавил:

— Если вы позволите, я возьму его с собой в путешествие.

— Неужели это правда? — проговорил Томас, с интересом глядя на кота. — Тогда, когда он напал на нас… Я думал, это маскировочные чары, чтобы скрыть вид волка или динозавра.

— Нет, он в самом деле такой, единственный в своем роде. Можете погладить. Клумси, подойди поближе.

Посмотрев на меня с мольбой и ужасом, кот попятился, трамбуя ковер в толстые складки. Я незаметно погрозил ему кулаком. Опустив морду так, что едва мог что-то видеть, кот побрел к Инквизиторам и запрыгнул на стол, показывая Борисову толстый зад.

— Это же он меня вчера поцарапал? — спросил Саймон, потирая щеку. Кот в отчаянии сверкнул глазищами в мою сторону.

— Ну-у… — протянул я, лихорадочно придумывая ответ.

— А помнишь, как нас тигр на сафари разделал? — поднял палец Рене. — Этот даже посимпатичнее будет.

— Да, помню, — сказал Саймон так, словно для них схватки с дикими зверьми — обычное дело. Он положил руку Клумси на загривок и потеребил.

Кот мяукнул.

— Смотрите, да он настоящий! — воскликнул Саймон и зашелся смехом. — Потрогайте, настоящий! Ха-ха! Оборотень-кот! Вы видели такое?

Рене и Томас захохотали, трогая кота за уши.

— Сумеречный кот!!! — орал Саймон так, что выступили слезы. — Ну и шутка природы, ха-ха! Кот! Иной!!! Ха-ха-ха! Не могу больше, а! А-ха-ха-ха-хах!

Часть 2

Глава 1

Вытащив заправочный пистолет из бака «Хонды Голдвинг», я закрутил крышку, смахивая с сиденья случайно попавшие капли блестящей жидкости. Посмотрел на солнце, затем на часы. Пора бы уже научиться определять время по небесному светилу. Полезный навык, способствующий новому мышлению и восприятию мира вокруг себя в истинном ключе. Если так умеют низшие Иные, то чем я хуже?

— Серый! — довольно крикнул Клумси, выскакивая из дверей магазинчика с пакетами в руках. — Тебе бургер взять?

— Бери, — сказал я, придирчиво проверяя заднее колесо «Хонды». — И дорожную карту не помешало бы.

— Ага! — Клумси взгромоздил пакет на сиденье своего мотоцикла и принялся выгружать по кофрам банки с колой, хлеб, сыр, колбасу и бананы. — Давай мобилу, скачаю. Мне тут с чеком дали код от вайфая.

— Бумажную карту, Клумси. — Я собрался протереть зеркала, но махнул рукой. — Ладно, сам схожу.

Внутри магазинчика я стал в очередь, раздумывая, не приобрести ли нам еще и пару пешеходных навигаторов с режимами вождения. Чем больше независимых источников данных, тем лучше. У Ведающей было шесть каналов связи, и того не хватило. Правда, благодаря моей дурости их оставалось только пять…

Искать стаю Якута мне приходилось путем сочетания логики и инстинкта. Согласно выданной Ночным Дозором лицензии, стая не обязана отчитываться за свое актуальное местоположение. Оставался вопрос, каким же образом Дозор планировал контролировать перемещение стаи без сопровождающего, но это уже выходило за рамки как моей компетенции, так и моих представлений о порядке. Не мне решать, сколько давать оборотням свободы.

Так что маршрут каравана оставался мне неизвестен, и пока я имел лишь некоторые стартовые данные.

Восемнадцать часов назад стая выехала из Москвы на север. Предположим, они поедут до самого конца, в Северодвинск. Расстояние — 1300 километров. Обычный человек проедет их за пару дней, с пробками, проколом колеса и остановками для селфи. Опытный мотоциклист при

должном везении будет на месте уже к закату. Однако стая берет лицензию на неделю. Им предстоит не поездка, а путешествие, с ночевками, пиршествами, культурной программой, главным пунктом которой будет охота. Так что им нет никакого резона торопиться, пока колеса бороздят асфальт. Это значит, что путешествовать они будут как самые простые байкеры. Вероятно, в максимально комфортном и расслабленном режиме. Без заходов в Сумрак — низшие оборотни даже во время кормежки не способны долго путешествовать в Сумраке, не говоря уже о том, чтобы протащить туда мотоцикл. Примерно представляя страсть Якута к показному законопослушничеству — не исключено, что они будут соблюдать правила дорожного движения и даже на случайный штраф останавливаться всей толпой, пока не смогут двинуться дальше все вместе.

Все это внушало в меня уверенность, что нагнать стаю мне удастся прямо на трассе. Тем более что нам с молодым напарником самим требовалась некая обкатка в непривычной для нас роли дорожных псов.

Легко сказать. Даже если не учитывать чрезмерно кавайный типаж Клумси в звероформе

и полное отсутствие оной у меня самого — мы очень условно походили на тех бродяг, чьи души насквозь проветрены пылью дорог. Прежде всего со всего автопарка Дневного Дозора нам пришлось выбирать лишь тех железных коней, которых за ненадобностью оставил Якут. Это значило, что можно не рассчитывать на быстрое вовлечение в нужный ритм.

Рекламная листовка, забытая на доставшемся мне «Голдвинге», с этим бы поспорила — что по части стиля, что по поводу комфорта. Согласно тексту, лучшего мотоцикла было не найти в обозримой части Вселенной. Выглядел мой транспорт также внушительно, словно сытая металлическая птица, предпочитающая ездить, а не летать, исключительно из чувства прекрасного. Да и сидеть на нем было удобно, чего уж стесняться. И в московских пробках «Голдвинг» показал себя более чем, радуя взор. Для дальняков так и вовсе обещал быть сказкой.

Однако стоило мне выехать за кольцо, и я уже смутно чувствовал, что начинаю лучше понимать Якута, оставившего «Хонду» скучать в темном подвале. Трудно сказать, что мне не нравилось в «Голдвинге», если рассматривать его в свете моей миссии, но вот не видел я в нем

скакуна. Скорее, наряженного верблюда, сбежавшего из дворца с любимыми алмазами халифа на скоростных роликах. На фоне остальных случайных мотоциклов на трассе он смотрелся как шоколадный торт на пивной вечеринке.

Клумси мою «голду» сдержанно похвалил, однако не предложил поменяться, что я расценил как дурной знак. Ему самому досталась новая «Джи-Ти-Эль», она же «гантель», перед которой парень чуть на колени не упал. Особенно Клумси обрадовался обилию полезных штуковин для перевозки багажа — три солидных кофра сзади, сумка на бак и пара боковых сумочек. У меня тоже имелись кофры, только заводские, меньше размером. Я мог понять радость напарника. Учитывая специфику перекидывания в кота и обратно, Клумси не владел ровным счетом никакими вещами, так как они не сохранялись после возвращения в нормальный человеческий вид. Теперь же у него появилось средство передвижения, в котором он мог бы хранить любимую зубную щетку, если бы она у него была. Таково бремя оборотня. Никому еще не удавалось заставить Сумрак работать почтальоном.

Свою новую способность выбирать себе внешний вид Клумси использовал по полной програм-

ме. Едва мы покинули штаб с мотоциклами, как он ринулся в байкер-шоп, где вымотал нервы персоналу, перемерив решительно всю имевшуюся там одежду. Естественно, ничего там он не купил и потому едва унес ноги. Зато теперь Клумси мог при возвращении из облика кота принимать любые элементы байкерского прикида в самых разных сочетаниях — от цвета банданы до ширины рукавов у курток с заклепками.

Чтобы немного утешить продавцов, я выбрал себе умеренный наряд, приличествующий тому, кем я, должно быть, и выглядел — небольшого ума сорокапятилетнему любителю, накатывавшему максимум второй сезон. Неприметная куртка, штаны, мотоботы, серо-голубой шлем — все первое попавшееся. Мне, магу первого ранга, серьезные травмы при падении не грозят. Зато в шлеме удобнее думать.

Сам я вполне хорошо управлял мотоциклом, чтобы не сваливаться с него на скоростях, уступающих бегу алкоголика за бутылкой, и не крутить бешено рулем на тех, кто этот бег превосходит. Спасибо всесторонней подготовке последних лет. Что до Клумси, то мой кот в облике человека в последний раз управлял чем-то двухколесным лишь в недалеком отрочестве, когда стащил у

соседа мопед, чтобы через пять минут утопить его в реке.

Куда полезнее было для нас, что теперь мы могли набить многочисленные багажные отсеки «голды» и «гантели» всем необходимым в путешествии — сменой одежды, консервами, спальниками и палатками, рассчитанными, чтобы укрывать сразу и ездока, и мотоцикл. Мало ли что случится в дороге. Считая себя ответственным за напарника, я предпочел сам оплатить все расходы. Впрочем, нельзя было назвать его экономическим балластом, несмотря на кошачью породу. Благодаря щедрости нашего штаба (ха-ха!) у Клумси теперь тоже имелись командировочные деньги. И сейчас, когда я стоял в очереди за картой и бургерами, он с радостной ухмылкой разглядывал пластиковую карточку и пачку снятых наличных.

Выходя из магазинчика, я откусил от одного бургера и отправил второй, завернутый в целлофан, во внутренний карман куртки — позже погрызу на ходу. Рука уткнулась в тяжелую сталь револьвера. «Ратник» пришлось сдать, в дороге уместнее казался более суровый РШ-12, которому Джепп придумал название «эриша». Корсар выступал против подобного фонетического на-

силия, но ничего путного не изобрел, так что оставили как есть.

Шакрам холода расположился в специальном открытом чехольчике с противоположной от револьвера стороны. Я потратил кучу времени, чтобы как следует его приладить.

На этом моя экипировка завершалась. Никаких защитных амулетов ни я, ни Клумси с собой не брали. Хватит собственных талантов, или же мы зря подписались на это дело.

Расстелив карту на гелевом сиденье «Голдвинга», я принялся изучать наш маршрут.

— Ты бы поделился мыслями, Серега, — предложил Клумси, грызя банан. — Может, я что придумаю.

— Они заправлялись за Ростовом, — сказал я. — Остановились на три часа.

— Ясно. И что теперь?

— Теперь буду надеяться, что мне не впаяют незаконное вмешательство в голову оператора АЗС.

— Да ладно? — поразился Клумси. — Неужели могут?

— Если захотят выслужиться перед Инквизицией — могут.

Я продолжал смотреть на карту и наконец

ткнул пальцем в точку возле Ярославля.

— Вот тут должна быть их первая ночевка, — сказал я. — Весь их недельный, максимально возможный маршрут от Москвы до Северодвинска делится как раз на семь заправок мотоциклов топливом. По одной в день, то есть по двести километров в среднем. Остальное время они не в дороге. Значит, после Ростова им нужно скоро сделать большой привал вдали от людных мест. Перед кормежкой оборотни магически резонируют — не все и очень слабо, но на восемнадцать волколаков найдутся парочки в разных сочетаниях. Присутствие в стае усиливает эффект. Мы должны быть недалеко. Начнем следить за отголосками в Сумраке вдоль трассы, по очереди, сменяясь раз в десять минут. Я еду первый. Ты ставь «гантель» в круиз-режим, катись за мной и смотри на дорогу вполглаза, больше внимания уделяй первому слою. Затем меняемся. Понял?

— Да, — кивнул Клумси, внимательно следя за картой. — Что, если завтра они поменяют режим? Они не могут сначала ночевать, потом заправляться?

— Останавливаться на ночь с пустыми баками? Так себя не ведут даже новички в первом сезоне. Нет, они закрыли первый день и сейчас должны

где-то обустраиваться. Погнали.

Я сложил карту за ветровое стекло «голды», оседлал мотоцикл, вдавил кнопку включения, слушая, как без какой-либо вибрации урчит мотор. Пора запоминать звуки двигателя, чтобы лучше понимать, что конкретно в нем происходит. Десятки, сотни мелочей, на которые нельзя закрывать глаза. А закрыть ох как хочется. Со времени молниеносного визита в Брянск и обратно я сумел лишь посидеть на скамейке пару часов, за которые Клумси собирал снаряжение. Самому не верится, что битва с Карателем случилась этим же утром.

Дорога проносилась передо мной, обещая неповторимую бесконечность, опровергая закольцованность мира. Когда ты мчишься на большой скорости, Сумрак приоткрывает шкатулки с секретами. Если бы я захотел, то окунулся бы в мир человеческих страстей, бушевавший в автомобилях вокруг. Но за это Сумрак потребует плату — возьмет оттиск меня самого. Не сейчас. Может, позже, когда у нас с дорогой установится полное взаимопонимание.

Я доверял кошачьему чутью Клумси и все равно посматривал на первый слой, ожидая увидеть там след Ведающей. Ничего. Можно было и не

сомневаться, что на второй сеанс связи с Борисовым она также не выходила.

Мы прошли несколько циклов смены круиза, пока идущая передо мной «гантель» не замедлилась. Клумси остановился, чиркнув подошвами бутсов по асфальту.

— Нашел? — спросил я, поднимая забрало шлема.

— Не знаю. Здесь разбился кто-то.

Прежде чем посмотреть вперед, я огляделся. Мы въезжали на объездную Ярославля. Нужная дорога шла прямо, к мосту через Волгу. Однако на перекрестке, чуть дальше в сторону Ленинградского проспекта, скопился небольшой затор.

— Отведу глаза полиции, — сказал я, выезжая вперед. — Давай проверим, что там.

— Эй, да я вижу что, — забеспокоился Клумси. Видимо, кроме других достоинств, у него имелось еще и кошачье зрение. — Мотоцикл лежит. И тело накрытое еще. Смотри, там колесо оторвалось!

Клумси ни в чем не ошибся. Прямо посреди трассы лежал мертвец.

Я слез с мотоцикла, накинул на себя «сферу невнимания». Подошел к месту, смотря на первый и второй слои Сумрака.

Конечно, не совпадение. Передо мной лежал

мертвый оборотень в человеческой форме. Лицо умиротворенное, словно он хорошо погрыз свежей плоти перед смертью. Глаза закрыты. Лицо незнакомое. Регистрационная печать есть, с пропиской в Вологде. Лицензия на питание отсутствует. Значит, не из клана Якута. Возможно, конкурирующая стая. Причина смерти тоже вполне стандартная как для человека — врезание в дорожный столб со взрывом бензобака и отрывом вилки. После такого мало кому бы повезло. Но он же оборотень! Реакция, опыт, перекидывание — многое что его могло бы спасти. Если только ему отправиться на тот свет не помогли другие Иные.

И лежал покойник точно на развилке, словно указывая на северо-запад. Даже при самых диких допущениях я не мог сказать, что его положили сюда нарочно, словно скелет Аллардайса, показывающего на сокровища. Просто именно здесь случилась жесткая, хоть и короткая погоня, в которой участвовали минимум две стороны, и одна из них — не Якут.

— Значит, вторая — Якут, — пробормотал я.

— Что? — переспросил Клумси, подкатывая «гантель».

— Не иди дальше, — предупредил я. — Незачем

затаптывать следы следствию. Пусть работают. А мы едем на запад.

— А что там?

— Рыбинск через семьдесят километров. И надеюсь, хоть какие-нибудь ответы. Теперь ищем следы оба, и внимательно.

Дальнейший путь мы проделали, серьезно ускорившись. Надвигалась ночь. Через мое сознание одна за другой проносились версии происходящего, и ни единая ничем не подтверждалась. Ясно лишь было, что на отрезке, упиравшемся в водохранилище, творилось что-то нехорошее.

Путь до Рыбинска мы преодолели за полчаса.

— Следы! — крикнул Клумси на въезде в город. — Ты видишь?

Я видел все. Не только густой, бурчащий Сумрак, но и массовые следы от протекторов на асфальте. Совсем недавно здесь проносились дрифтовавшие двухколесники.

— Я слышу Зов, — сказал Клумси, втянув носом воздух. — Слабый и неактуальный.

— Неактуальный?

— Здесь работал вампир, который уже напился и ушел. И запах оборотней…

— Расстояние?

— Километра четыре.

— Ты молодец, Клумси. Сможешь сократить радиус?

— Смотря в какую сторону… тут было много низших, во всем городе. Недавно.

— Веди на оборотней, — решил я. — Может, там наши.

— Ты про Якута? — покосился Клумси. — То есть они уже теперь «наши»?

— Веди давай!

Клумси крутанул правую ручку «гантели», и мы помчались к Волжскому мосту.

Но не успели мы на него въехать, как откуда-то снизу раздалось нечто, что почти невозможно было ожидать на первом слое Сумрака.

Пронзительный женский крик.

Глава 2

Клумси долго не думал — втопил прямо через покрытый свежей травой склон, пропарывая колесами «гантели» влажную почву. Я остановился, соскочил с «Голдвинга» — мотоцикл послушно заглушил мотор, становясь на подножку. Сбегая по склону вниз, я скинул с себя шлем и перчатки, приготовил «тройное лезвие» на кончиках пальцев. Увидел, как Клумси, тормознув под самым мостом, подбежал к потухшему фонарю.

Источником крика оказалась молодая девушка — на вид чуть за двадцать. Она корчилась на земле от невыносимой боли. Ее ноги были переломаны в нескольких местах, и девушке оставалось разве что бессильно царапать ограждение, отделявшее идущую под мостом беговую дорожку от берега. И самым тревожным моментом был все же ее крик, раздававшийся на первом слое Сумрака и полностью отсутствующий в простом мире, в котором девушка и находилась. Такого я не встречал ни разу.

«Сферу невнимания» можно было и не вывешивать — вокруг нас и без того висела завеса со схожими признаками.

— Это укус! — выпалил Клумси.

— Что? — спросил я, готовя «Авиценну». — Говори, что происходит!

— Она пытается впервые перекинуться! Ее укусил оборотень и сбежал. Она не может превратиться без помощи.

— Ты можешь ей помочь?

Клумси с досадой покачал головой.

— Не я и не сейчас, — сказал он. — Уже поздно. Эй, как тебя зовут? Ты меня слышишь?

В голосе парня сочувствие почти перекрылось испугом. Оно и понятно — девушка выглядела очень плохо. Сочетание физических и душевных страданий ее почти добило.

Поймав наконец концентрацию, я почувствовал на пальцах знакомое покалывание. «Авиценна» начала действовать. Быстро наклонившись, я разлил целительное заклинание по ногам жертвы нападения.

— Переверни ее, — скомандовал я, и Клумси, осторожно приобняв девушку, потянул ее на себя. Новый стон боли вышел из ее уст, заплаканное лицо почти не изменило гримасы. Я повторил заклинание, ведя его снизу вверх, до середины позвоночника, и назад, к искореженным лодыжкам.

Ничего не изменилось, только стон чуть поутих.

— Не работает, — сказал я, сам не веря своим словам.

— Что? — выдохнул Клумси.

— «Авиценна» не сработала. Разве что как легкий наркоз. Я остановил внутреннее кровотечение, замедлил разрушение тканей. Но вылечить не могу.

— Ей нужно лишь обратиться. — Клумси прижал девушку к себе, начав баюкать, как ребенка. — В звероформе она исцелится.

— Сможешь укусить ее?

— Не могу. — Клумси с бессилием сжал челюсти, словно мстил воздуху. — Мне не дано обращать никого. Думаешь, почему я никогда не прошу лицензию?

В тот момент меня мало интересовало, почему Клумси не брал лицензию. Хотя подумать об этом мне, конечно, следовало. Девушке и вовсе было не до того. Она вся сжалась, словно встретила очередных маньяков.

Собрав столько Силы, сколько мог, я вспомнил все исцеляющие заклинания и отправил их нашей пациентке. Я чувствовал уже не жалость — ярость. Меня переполнял мешающий

думать гнев, направленный против бессмысленной жестокости низших, которые забавляются с жертвой таким образом. Сколько войн Иных прокатилось по земле, чтобы вы получили право на вмешательство в человеческую жизнь? Раз уж вмешались — уважайте собственный обряд, закончите его как следует. Ни у кого нет права хватать первую попавшуюся жертву среди людей, жестоко ее калечить, начинать ритуал обращения и прерывать его на середине. За подобное я имею право распылить кого угодно. И в данный момент испытывал острое желание это сделать.

Мои заклинания наконец подействовали — девушка перестала стонать, бессильно закрыв глаза.

— Не спи, — сказал я ей. — Ты меня слышишь? Как тебя зовут?

— Вика, — пробормотала она. — Вы убьете меня?

— Нет, мы тебе поможем. Слушай, Вика, ты должна рассказать нам, что здесь произошло. Кто с тобой это сделал?

— Не знаю, — выговорила Вика, закашлявшись.

Клумси осторожно положил ее в траву, и она тут же попыталась свернуться калачиком. У нее

получилось не до конца — непослушные ноги остались лежать без движения.

— Подумай, — мягко повторил я. — Постарайся вспомнить. Что с тобой случилось, как ты попала сюда?

Вика молчала. Мои слова она точно услышала и теперь пыталась их понять. Ее глаза заволокло безразличием. Она уже готова выговориться.

— Песня, — вымолвила она. — Тягучая, зовущая. Звуки природы. Колокольчики под водой звенят. Рыба слышит и смотрит в непонятках. Песок подползает ближе. Корабль плывет, мотор гудит, лопасти баламутят ил. Шлюз открылся, далеко. Вода ниже, воздух ближе. Под водой не слышно, тихо и спокойно. Мир не движется, замер и слушает.

Клумси обалдело посмотрел на меня.

— Это про что? — спросил он.

— Вампирский зов, — ответил я. — Вода, корабль, песок. Это все река. Волга под мостом. Вику приманил сюда вампир.

— Да? — Клумси поднял руку Вики и показал мне ее запястье. — А укусил ее оборотень!

Этого я объяснить с ходу не мог. Клумси был прав: на запястье девушки быстро заживал характерный след укуса.

— Их тут двое было, что ли? — спросил парень.

Я осмотрелся. Завеса, отделяющая зону под мостом от остального мира, быстро рассеивалась. Да, определенно вампирский морок, только странный, с географической привязкой.

— Трое или больше, — сказал я. — Был еще маг, который обработал морок так, что тот остался висеть здесь.

— Мы влезли на территорию местных низших? — предположил Клумси.

— Без понятия, — сказал я и обратился к Вике: — Ты слышала про мир Иных? Про Сумрак?

— Что? — проговорила девушка непонимающе. К ней постепенно возвращалось самообладание. Она посмотрела на меня, на Клумси, затем на свои лодыжки, и ее лицо снова перекосилось.

— Так! — Клумси быстро повернул ее лицо к себе. — Слушай внимательно, Вика! Тебя укусил оборотень. Да, они существуют! В это трудно поверить, но это реально.

— Отпустите, — пробормотала Вика, слабо отталкивая парня от себя. — Отвалите от меня, вы… вы…

Щелкнув пальцами, я произвел маленький файербол, крутящийся над моей правой ладонью. Вика уставилась на огненный шар.

— Это правда, — подтвердил я. — Оборотни, вампиры. Слышала о них когда-нибудь? Мир не рухнул, они всегда существовали. Вампир тебя приманил, а оборотень укусил. Просто он не закончил ритуал, и ты не смогла обратиться. Если бы смогла — сразу бы исцелилась.

— Обратиться? — прошептала Вика. — В волка? Как тот, что меня укусил?

— Значит, ты помнишь? — Я опустил руку. — Ты видела волка, который тебя кусал?

— Видела, — потрясенно вымолвила Вика, глядя, как файербол отправляется в Волгу, чтобы затихнуть со слабым шипением. — Их было тут несколько. Не люди. Выглядели как люди, но… Они растерзали остальных. Меня швыряли куда попало, через стол и подъемник. Наслаждались болью, уроды. Отбили все внутри, оставили лежать в эстакаде. И потом песня… такая крутая, красивая! Я забыла про боль и пошла. Здесь увидела их снова. Скинули меня с моста. И песня сразу пропала.

— Продолжай, — сказал Клумси, стиснув кулаки.

Вика повернула к нему лицо, полное боли.

— После был вихрь, — продолжала она. — Я не видела — слышала. Ураган пронесся по мосту и

смел их всех в воду. Треск и грохот. Синий мох наползал на меня, и мне так холодно и спокойно. Волчья лапа вцепилась мне в руку, потянула в темноту. Больно уже не было. Зверь укусил и убежал, оставив умирать. Это ад, да?

— Нет, — ответил я. — Нет, Вика, это просто наш мир. Та часть, которую ты увидела слишком рано. Есть и другая сторона. Но ты должна принять ее, чтобы исцелиться. Клумси, ты не мог бы?..

Клумси не надо было дослушивать намек до конца. Сделав вдох, он начал превращаться в кота.

Вряд ли мне придется оценить в полной мере, какое первое впечатление производит перекидывание в кота со стороны. Вероятно, само превращение Вика не восприняла, увидев его как нечто запредельное для рассудка. Зато кот выглядел настолько по-домашнему, что мне и самому тут же захотелось использовать его в качестве подушки.

Всхлипнув, Вика потянулась к коту, обхватила его тонкими руками и зарылась лицом в мягкую шерсть. С обалдевшим видом Клумси положил голову на плечо девушке и стал мурлыкать — громко, успокаивающе.

Почувствовав неожиданную неловкость, я

обернулся, глядя на спокойную Волгу.

— Подъемник, эстакада, — произнес я. — Какой подъемник?

— На работе, — ответила Вика, не отрываясь от кота. — У меня смена была, когда они пришли.

— Где ты работаешь, Вика?

— В автосервисе.

— Далеко отсюда?

— На Южной.

— Клумси, останься с ней, — сказал я. — Съезжу, проверю сервис.

Вика издала странный звук, очень похожий на истеричный импульс смеха.

— Что такое? — не понял я.

— Ничего, просто… Вы так смешно с котом разговариваете.

— Это еще ничего, — сказал я. — Смешнее, когда он мне отвечать пытается. Обхохочешься.

Вика снова прыснула, глядя, как мурлычущий кот согревает ей ноги.

Вернувшись к «голде», я решительно снял его с тормоза и толкнул четыреста килограммов жаждущей движения стали. Скоро я уже пролетал Волжский мост. Синий мох на первом слое был выжжен без остатка. Действительно, магический ураган. Причем порожденный мощной Светлой

магией.

Мигавшая на дисплее стрелка привела меня на Южную улицу — узкую и во всех смыслах пустынную. Свет фар охватывал зеленые заросли по сторонам, изредка вылавливая отдельно стоявшие домики. Вот и угрюмое здание автосервиса — широкая одноэтажная постройка на несколько машиномест, с погасшим указателем.

Я въехал на грунтовку, слез с «голды», пригнулся за ней, как за укрытием. При взоре печальной луны тень от мотоцикла накрывала меня целиком. Не теряя времени, я поймал ее, вошел в Сумрак. Здание слегка потеряло в наполнении, оставив четкими лишь грани. В этом месте нет дверей. Пройдя внутрь, я вернул миру краски, чтобы столкнуться лицом к лицу с двумя обитателями. Оба — слабые вампиры, при виде меня изумленно переглянувшиеся.

— Привет, — сказал я, выхватывая «эришу» и нацеливая ее в лоб первому.

Все же хорошая штука — старый добрый револьвер. Деморализует Иного не хуже, чем человека, и даже больше. Иной при виде маганеприятеля сразу понимает, кто и что перед ним. Револьвер — дело другое. Это не медленный файербол, от которого можно просто увернуться, не

«фриз», срабатывающий через раз, и не «тройное лезвие», где спасает реакция и умение вовремя закрыться «щитом». Огнестрел — та часть мира людей, которую не ждешь от Иного. Сразу куча мыслей мешает начать бой: не простой ли человек передо мной стоит, не серебряные ли у него пули, не снится ли мне это все.

Вот и вампир не успел среагировать, несмотря на то что совсем недавно он напился крови. Тяжелая пуля «эриши» с посеребренным наконечником превратила его башку во взрывающийся миксер, погруженный в емкость с малиновым вареньем.

Его приятель успел наполовину вытянуть клыки, когда ствол уставился ему в лицо.

— Не нужно, — предупредил я. — Отвечай на вопросы. Это ты поломал Вику?

— Он, — тут же произнес вампир, испуганно показывая на тело товарища.

— Где остальные тела?

Вампир озадаченно посмотрел на закрытый люк в полу — вероятно, погреб.

— Все — рабочие? — спросил я жестко.

— Все… один директор.

— Кого из Иных убили?

— Вроде никого… Это они нас убивали!

— Кто «они»?

— Оборотни на мотоциклах! Это даже не их земли были! У нас лицензия!

Я поднес дуло «эриши» ближе к вампирской морде.

— Никто не выдает лицензии на пытки, — сказал я. — Так что…

Договорить мне не пришлось. В поле моего бокового зрения попал яркий раскрашенный объект. Уткнув ствол револьвера в шею вампира, я медленно повернул голову.

На первый взгляд — вполне заурядная обстановка. Обычная станция техобслуживания в региональной версии. Металлический стол с кучей деревянных стульев, плакаты на стенах, запах шин и пластика. С потолка свисает кран лебедки — Сумрак все еще хранил его давящую энергетику. Совсем недавно на нем кого-то убили. Продольное углубление в полу для ремонта автомобилей выглядело как рваная щель в ткани мироздания. Даже безо всякого Сумрака ясно виднелись кровавые разводы, словно тут волокли тело.

А еще дальше, за эстакадой, на специальных подставках располагался спортивный байк. Яркий, с красными и белыми полосками.

Мотоцикл, излучающий защитную и сканирующую магию.

Светлую магию.

— «Ямаха», — произнес я. — Пятнадцатого года выпуска, верно? Литровый?

— Верно, — повторил вампир ошарашенно. — Тебе он нужен? Почему?

— Потому что я его покупал.

Второй выстрел попал в цель не хуже первого и произвел аналогичный эффект. Разве что на этот раз я сам оглох меньше.

Двигаясь мимо мотоцикла к деревянной двери, я провел ладонью по его сиденью, чувствуя тупую боль. Выйти бы снова в Сумрак, проскользнуть сквозь пустой проем, удивить врага…

Нет. В таком состоянии мне нельзя в Сумрак. Могу не вернуться. Да и деревянная дверь — прекрасная эмоциональная разрядка.

Выбив ногой замок, я ворвался внутрь с револьвером наперевес, готовясь стрелять в любую мишень.

Чтобы увидеть, как в меня летит «фриз». Навыки опередили мой разум — «щит мага» закрыл меня, прежде чем я сообразил, какую защиту выбрать. И уже после вспомнил, что лучшая защита — нападение.

Две пули в еле различимую фигуру в дальнем углу комнаты. Обе мимо. Все равно это отвлекающий маневр — моя левая рука скользит под куртку, выхватывает шакрам. Отпускаю «эришу», позволяя ей упасть на пол, освобожденной пятерней вызываю новый «щит». Вовремя — об меня разбивается «копье света». С конца шакрама срывается дисковое лезвие, летящее вперед, в дрожащий контур мага.

Дальний угол взорвался, сотрясая здание и впуская холодный воздух. Светлый успел увернуться, хотя его движения замедлились. Теперь я видел, что это примерно моих лет мужчина, суровый и сосредоточенный. Уровень Силы — максимум второй. Слабее меня, но настроен решительно. Сколько он энергии в себе накопил и сколько таскает на теле амулетов — вопросы уже другие. Впрочем, ответы на них меня не интересовали. Я выпустил второй диск, и шакрам потух, уходя на минутную перезарядку.

Очевидно, что Светлый про необходимость перезарядки ничего не знал. Или же его напугало оружие Инквизиции. В конце концов, он понятия не имел, кто это вломился к нему, уничтожив вампирскую охрану и ввязавшись в бой без лишних слов. Он не удержался — оглянулся в

сторону образовавшегося проема в углу, словно прикидывал шансы на бегство. Серия «тройных лезвий» задела его плечо. Маг вскрикнул, неуклюже попробовал накинуть «абсолютный щит», но не сконцентрировался, заклинание сбилось, и он просто ушел в Сумрак.

Я отправился следом, готовясь ловить его с третьего слоя. Однако так глубоко опускаться не пришлось.

За спиной мага, поднимаясь с земли, вырастала светящаяся фигура. Движения медленные, разбалансированные, но все же осмысленные. Кто-то уже шел к нам с третьего слоя. Кто-то, находившийся там слишком долго.

Маг в ужасе посмотрел на нее, затем обернулся ко мне. Его лицо вытянулось от отчаяния, когда в спину ему ударил светящийся клинок, пронзая насквозь. Всплеснув руками, маг схватился за обжигающее лезвие и поймал лишь пустоту. Фигура вытолкнула его вперед, в мир людей, где боль ощутима, а смерть реальна. И я вернулся вместе с ними.

Судорожно вздохнув, маг упал на пол и затих.

Сзади него, покачиваясь, стояла Ведающая — магически истощенная, неестественно бледная в свете дневных ламп. Шагнув к ней, я протянул

руки и успел схватить ее прежде, чем она упала. Она не пыталась ни отбиться, ни удержаться за меня. Лишь дышала в моих объятиях, расслабившись целиком и полностью, и ее дыхание излечивало во мне все, что, по словам Борисова, у меня жило вместо души.

— Ничего не говори, — вымолвил я, выкачивая из себя Силу и направляя в нее. — Просто дыши. Больше ничего.

Спустя минуту она помимо дыхания начала моргать. Быстро и часто. Я прислонился головой к ее лбу, чувствуя, как ее ресницы щекочут мою щеку.

— Я не знала, когда мы с тобой увидимся снова, Темный, — вымолвила Ведающая. — Знала, что это случится. И не подумала бы, что рядом снова будет смерть.

— Мы оба знали, что это случится, — сказал я. — И ради этого смерть тоже сойдет.

Затихнув, мы слушали, как через проем в обрушившемся углу медленно, словно робкий зритель, просачивается весенняя ночь.

Глава 3

Как только Ведающая зашевелилась, я сразу помог ей встать, следя, как у нее это получится. До ее собственных попыток двигаться я ее не трогал. Она едва держалась на ногах. Заметных физических ран я не обнаружил, хотя она вела себя именно как человек, которому недавно целительными заклинаниями такие раны залечивали.

— Голова кружится, — тихо произнесла Веда, массируя виски. — Сколько времени прошло? Остальные ушли?

— Не понимаю, о чем ты, извини.

Веда встряхнулась, позволив красным волосам упасть свободными локонами на лицо. Огляделась более осмысленно.

— Как ты сюда попал? — спросил она.

— Та девушка, Вика, послала меня сюда.

— Она жива? — Веда раскрытыми глазами уставилась на меня.

— Да, — ответил я, надеясь, что эти данные еще не устарели. — Мы хотели ей помочь, но она совсем в плохом состоянии. Вылечить не смогли.

— Стая с тобой?

— Там не было никакой стаи, — попробовал

я оправдаться, тщетно пытаясь понять, с чего следует начать конструктивный разговор. — Что тут случилось? Кто этот маг? Почему ты пропала даже для своего штаба?

— Погоди, не баламуть мне мозг, — произнесла Веда, прислоняясь к столу. — Дай отдышаться…

Я ждал. Долго отдыхать ей не пришлось. Завидев разрушенный угол, Веда тут же подбежала, выглянула наружу.

— Уже ночь?! Сколько меня держали в Сумраке?

— А когда тебя туда поместили?

— Черт, черт! — Веда прошла мимо меня в главное помещение сервиса. Посмотрела на крюк, на эстакаду, на тела двух вампиров. Обернулась на меня с легким удивлением. Сложила пальцы в знак «о'кей». Затем увидела свой мотоцикл и побрела к нему, как к самому близкому другу.

— Вика все еще под мостом? — спросила она.

— Да. — Подобрав револьвер, я вышел из комнаты. — Тебе в таком состоянии нельзя за руль.

— Можно и нужно.

Веда забралась на «Ямаху», столкнула ее с двух подставок, которые с металлическим грохотом попадали на бетон пола. Завела мотор со второго раза.

— Слушай, — она повернулась ко мне, выглядя уже вполне обычно, хоть и измученно, — спасибо, что помог. Мне надо к Вике. Это из-за меня она попала в беду.

— Не верю, — сразу сказал я, убирая «эришу» в кобуру под курткой. — Не знаю, что у вас там случилось, но не верю. Ты снова все приняла слишком…

«Ямаха» взвизгнула двигателем, сорвалась с места, и через мгновение Веда вырвалась наружу. Что бы ни случилось, но на мотоцикле она держалась уверенно.

Я задержался совсем ненадолго — лишь чтобы распылить тела Иных. Людей оставил для человеческих похорон.

Обратный путь к мосту занял в два раза меньше времени, однако мне не удалось не то что догнать Ведающую, но даже увидеть по дороге ее задние фары. Разве что успел по приезду заметить, как Веда бежит от мотоцикла под мост. На этот раз я спустил «голду» под самый низ, где Клумси, уже в человеческом облике, растерянно тер ладони Вики, лежащей без сознания.

— Привет, Клумси, — сказала Веда, подбегая к нему. Похоже, она опередила меня всего на минуту.

— Привет. — Растерянный оборотень посмотрел на Веду и меня с надеждой. — Помогите, ей хуже.

— Сейчас. — С волнением Веда расправила пальцы, склонилась над девушкой. — Она перекинулась, да?

— Нет!

— Проклятье, ритуал не закончен! — Положив тонкие пальцы Вике на лоб, Веда пустила сквозь них желтоватое свечение. Вика с шумом втянула воздух, глядя сквозь нас на ночное небо.

— Сумрак ее не пускает, — заволновалась Веда. — А человеком она не выживет. Ты пробовал «Авиценну»?

— Конечно, — сказал я, стаскивая с себя куртку, сворачивая ее и кладя Вике под голову. — Эффект никакой.

Веда зажмурилась, попыталась выжать из себя немного Силы. Я не мешал. Клумси замер, внимательно глядя на нас по очереди. Вампирская завеса вокруг нас почти рассеялась — я запоздало исправил упущение, окутав место «сферой невнимания».

— Не могу, — помотала головой Веда. — Что-то не так. Или я тупая, или заклинание не работает!

— Тогда оставь ее, — сказал я, чувствуя мало-

знакомую тяжесть. — Мы сделали все, что могли.

Веда подняла на меня мокрые глаза, и тяжесть сменилась сокрушающим метеоритом. Зря я полагал, будто выставить себя еще большим ублюдком уже невозможно. Мои последние слова ранили ее сильнее, чем я мог подумать.

— Есть, конечно, еще способ, — осторожно предположил я, не решаясь докончить предложение.

— Дуэт Силы, — сразу сказала Веда.

— Да, — произнес я. — Если, конечно, ты согласишься.

— Что за дуэт? — тихо спросил Клумси.

Вика испустила неожиданный хрип, выгнула грудь вверх, дернула больной ногой. Я рванулся вперед, опустился на землю напротив Веды. Нас разделяла агонизирующая девушка.

Будь у меня чуть больше времени, я бы обязательно отвлекся от того, что нам с Ведой предстояло сделать, чтобы рассказать Клумси о Дуэте. По сути, это частный случай Круга Силы, когда двое магов объединяют энергию в одно целое, чтобы получить общее заклинание с усиленным эффектом. Только стандартный Круг не требует от магов полного доверия друг к другу и абсолютной эмоциональной открытости. Ну и то, что совершить Дуэт способны лишь Иные разных

полярностей — так, мелочь.

До чего же просто все звучало на сухих инструктажах!

Веда смотрела прямо на меня, ее губы дрожали, будто пытались сказать мне то, у чего не существовало слов.

— Иди ближе, — вымолвил я, беря ее за плечи и притягивая к себе.

Она прильнула ко мне, чуть ли не вжимаясь подбородком в плечо. Под ее мотоциклетной курткой, напичканной защитными пластинами, скрывавшееся прекрасное тело казалось особенно уязвимым, живым, дрожащим и на удивление маленьким. Подобно чистому Свету, Ведающая обжигала до боли, до растерянности, до страха перед моментом творения, которое обесценивало смерть и страдания, вместо того чтобы от них избавить. Порыв ветра взъерошил карминовые волосы перед моим лицом, открывая шею, будто приглашая открыть в себе очередную грань Иного и вонзить клыки в чистую плоть. Вместо этого я смотрел вдаль, ничего не видя, пока на шею Ведающей не закапали мои слезы.

Сколько еще жизней искалечит Сумрак лишь для того, чтобы подбрасывать мне все новые и новые поводы прикоснуться к этой женщине?

Сколько предлогов и оправданий я найду, чтобы продолжать раз за разом дотрагиваться до нее, влезать в ее жизнь, в ее душу, в ее память и перспективы, узурпировать роль призмы, преломляющей ее свет, которым она смотрит на мир?

Темный, признай, что ты просто эгоистично хочешь ее — и Дуэт Силы не настанет.

Темный, соври, что ты делаешь это ради спасения незнакомой девчонки, — и Дуэт Силы не настанет.

И все же она в моих руках. Ждет моей инициативы.

Моей Силы.

Которой у меня уже и не было. Которую я не могу использовать. Не в этот раз. Я могу разрушить Волжский мост, довершив ураган Ведающей, могу ненадолго повернуть реку вспять, пока воды не упрутся в равнодушные створки шлюза. Сумрак смеялся надо мной изо всех щелей мироздания, разорванного в клочья. Вот тебе Сила, Темный. Используй и радуйся.

Все это было бессмысленно. Я не мог воссоздать творение. Не мог спасти людей.

Зато мог стать самим собой — если пойму, кто я.

— Ты меня понимала, — прошептал я на ухо Ведающей. — Лучше, чем я сам. И я не мог этого вынести. Боялся увидеть, кто я.

— Та же проблема, — прошептала Ведающая. — Ты — Тень.

— Тогда почему я этого не замечал?

— Тень была слишком Светлая. Когда мой Свет был рядом — Тень пропадала.

— И ты тоже Тень, — шептал я, чувствуя бурлящий порыв первородной Силы внутри себя. — Слишком Светлая. Когда моя Тьма была рядом — Тень растворялась.

Веда дернулась в моих руках, обхватила так сильно, как могла. Два полюса творения прижали нас друг к другу, высвобождая чистую Силу — и мы тут же поймали ее серый огонек, соприкоснувшись ладонями. Сумрак затянул нас на первый слой так уверенно, словно обычного мира не существовало. И он пульсировал, голодный до новых добровольцев пополнить его ряды.

— Вика, — произнес я. — Иди сюда, быстрее!

— Вика, скорее! — кричала Веда. — Мы знаем, ты нас слышишь!

В сплошном сером облаке проявился силуэт. Вика лежала, словно находясь вне пространства и времени, глядя вокруг с удивлением. Я не мог

сказать, как далеко она находилась. Или совсем рядом, или на другом конце мира.

— Вы где? — спросила она. — Я вас не вижу. Можно мне назад?

— Нет! — вскричали мы с Ведой одновременно. — Нельзя! Иди к нам! Мы тебя видим!

— Вас тут нет, — сонно пробормотала Вика. — Я только вижу…

— Что?

— Светлая Тень летает. Мне страшно.

Я огляделся и не обнаружил никаких теней.

— Иди к ней, Вика, — сказал я. — Не бойся.

Вика чуть приподнялась на локтях, пошевелила ногами и охнула.

— Не могу, — простонала она. — Меня ноги не слушаются.

— Здесь ты можешь ходить, — уверяла Веда. — Милая, иди к ней! Иди к Тени!

Теперь силуэт уже обретал все более четкие очертания. Шатаясь, Вика неуверенно оперлась голыми ступнями о несуществующую поверхность. Выпрямилась почти в полный рост, выставив ладони, словно готовилась упасть.

— Умничка, — вымолвила Веда дрожащим голосом. — Иди на Тень.

Вика сделала шаг и вскричала от боли. Потерла

коленку и сделала второй шаг. Да она же идет прямо к нам…

— Давай! — Веда протянула руку, позволив мне держать ее саму. — Милая, мы здесь.

Путь Вики до нас продолжался бесконечно долго — несколько циклов дыхания, не подлежащего подсчету.

— Почему Тень дрожит? — спросила Вика. — Она меня не хочет?

— Хочет, хочет, — заверил я. — Конечно, хочет. Просто продолжай идти.

— Не могу, — произнесла Вика. — Я стараюсь. Меня что-то не пускает.

Я прижал к своему плечу голову Ведающей. Тень была указателем, но не проводником. Никто не мог решать за Вику, что делать.

Сумрак задрожал от внезапной вибрации, за которой пришел характерный звук. Не будь я морально подготовлен — точно бы сошел с ума, потому что источником было мурлыканье огромного кота, появившегося ниоткуда.

— Я вижу котика, — произнесла Вика немного монотонно. Она вываливалась из Сумрака.

— Не иди назад! — заорал я. — Не оборачивайся! Иди к котику! Иди к Тени! Просто иди вперед!

Она честно пыталась, и я это видел. Ее хватило

еще на три шага. В какой-то момент, чтобы схватиться за руку Ведающей, Вике надо было просто упасть. Но и тогда ее могло вытолкнуть назад. Сумрак падений не прощает, и ему безразлично, что бывают случаи, когда стоять на ногах — уже колоссальная победа над болью и собой.

Кот мурлыкал, с каждым мгновением все безрадостнее. Клумси ничем не мог помочь. Еще немного, и он впадет в меланхолию, и тогда его пребывание здесь произведет обратный эффект.

— Простите, я не могу, — вымолвила Вика и, к нашему ужасу, сделала шаг назад. — Здесь мне не место, и я… я…

— И ты выйдешь отсюда через Тень, — прогремел раскатистый голос, не дававший никакого эха и от этого лишь звучащий монументальней.

Я вздрогнул от неожиданности. Веда прижалась ко мне еще сильнее, не понимая, что происходит.

В противоположном от Вики конце видимого пространства материализовалась фигура волка. Он был стар и все еще мускулист, шрамы обещали рассказать множество историй про его шкуру — твердую, словно кора вечного дуба. Волк уверенно стоял на четырех лапах, испуская величие патриарха всех волков. Он казался

сплошным серым средоточием всех цветов и равно их отсутствия, отнимая эти роли у черного и белого. Не просто аура оборотня, которая у него, конечно, была, но некая царственность облика и пережитого опыта. Одним своим присутствием он бросал вызов Сумраку, воплощая саму жизнь.

Увидев волка, Вика радостно потянулась к нему и возобновила движение вперед. Это было неожиданно и даже немного быстро.

— Ближе, дитя мое, — сказал волк, полностью заглушая своими обертонами мурлыканье Клумси. — Еще ближе. Вот так… Ловите ее!

Мы с Ведой одновременно схватили Вику за руки. Она не пыталась вырваться, зато стала оседать вниз. Мы прижали ее к себе, теряя равновесие. Клумси подбежал к нам, помогая держать девушку, и я тут же ощутил на плече тяжелую волчью лапу. Волк обнимал нас всех, обдавая сухим дыханием.

— Свершилось, — произнес он, и меня окутало сплошное серое марево.

Громкий гул пронесся через наши тела. Пространство сотряс мощный хлопок, сменившийся на свежий запах реки.

Я сидел на земле, продирая глаза и пытаясь разогнать звон в ушах. Напротив меня моргала

Ведающая. Кот яростно вылизывал переднюю лапу и растирал ею морду.

Прямо идиллия, если не считать волка, стоящего у реки так, словно пришел на водопой. Казалось, пожелай он выпить Волгу целиком — осилил бы без труда.

— Вика, — произнесла Ведающая, кладя руку на лоб девушки, лежащей с умиротворенным видом и смотрящей в небо. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказала Вика спокойно, глядя в ночное небо. — Теперь ничего не болит. А что это было?

Я совсем не хотел иметь дело с Сумраком и все же чуть посмотрел сквозь него.

— Получилось, — сказал я. — Она Иная.

Услышав нас, кот перестал умываться и обернулся в человека.

— Все сработало? — живо спросил Клумси, не отрывая от Вики взгляда. — Теперь она оборотень?

— Да. Ритуал завершен.

— Но она не перекинулась.

— Верно, — подтвердил я. — Скорее всего уже не перекинется. Теперь ей этого не дано.

— Тогда зачем?!

— Чтобы спасти ей жизнь, — ответила за меня

Веда, поднимаясь и расправляя куртку. — Ноги мы не смогли ей вылечить. Но теперь она Иная. Сможет выздороветь, просто не сразу.

— И сколько времени у нее это займет?

— Эй, я здесь, — сказала Вика, смущенно улыбаясь. — Не обсуждайте меня, когда я слышу.

Клумси сразу покраснел.

— Несколько недель, — сказал я. — Уже через неделю ты сможешь сама стоять. К лету — ходить. Бегать — к осени. Раны, полученные Иными до инициации, заживают медленнее. Вдобавок твои повреждения вызваны еще и магией. Сложный случай. Но теперь все должно наладиться. Боль пропала насовсем. Пока что ты можешь испытывать легкую эйфорию.

— Погодите, — помотала головой девушка. — Слишком много всего. Можно по порядку? Что здесь произошло?

— Мне вот тоже интересно, — сказал я, пытаясь вспомнить, на какой стадии полностью потерял суть нашего с Клумси путешествия.

— Понимаю, — раздался голос. — Я вот тоже хотел бы знать.

Волк уже исчез. Вместо него, чуть дальше, стоял Якут, накинувший на себя коричневый балахон, снятый им с припаркованного «Харлея». Он был

измотан не меньше нашего и все же ободряюще улыбался.

— Якут! — Веда радостно вскочила, оставшись на месте. — Это был ты! Ты за нами вернулся!

— За тобой, Светлая, — ответил вожак стаи. — Не мог же я тебя бросить после того, что ты сделала. Нам надо догонять стаю. А это твои друзья?

— Якут, мы с тобой виделись в клубе… — сказал я.

— Позже, Темный. Все разговоры позже. Очень мало времени. Все езжайте за мной.

— А Вика? — спросил Клумси. — Куда ее пристроить?

Якут посмотрел на парня, затем на наши мотоциклы.

— Странный вопрос для наездника «гантели», — ответил он, погрузив Клумси в ступор.

После чего развернулся и сел на «Харлей».

— Помогите мне, — заторопился Клумси, приподнимая Вику с земли.

— Ну вот, теперь я не ходун, — произнесла новоявленная Иная. — Я ползун…

— Мы доберемся до убежища и там решим, как дальше быть, — пояснила Веда, собирая разбросанные куртки и шлемы. — Обратно в сервис тебе

нельзя. Там… не очень хорошо. Дома тебя ждет кто-нибудь?

— У меня никого нет, — сказала Вика, позволяя нам с Клумси посадить ее на пассажирское место «гантели». — Я даже жила на работе. Так вы что, теперь мне самые близкие люди?

— И даже местами коты, — подтвердил я, принимая у Веды куртку. — Клумси, рули осторожно, следуй за Якутом. Я замыкающий.

— Понял, — кивнул мне парень. Веда быстро закрепила ноги Вики на подножках, как могла, и ободряюще сжала ее руку.

— А чего это краски то пропадают, то возвращаются? — спросила Вика, держась за откидывающиеся поручни «гантели». — Так надо?

— Это Сумрак, — ответил Клумси, вдавливая кнопку запуска справа на руле. — Сейчас объясню.

И двинул мотоцикл вперед, продолжая что-то рассказывать.

— Веда… — произнес я, поворачиваясь к Светлой, но она отступила.

— Все разговоры позже, — повторила она слова Якута. — А еще я все равно ничего сейчас не соображаю. Мы не разговаривали три года. Потерпим еще три часа?

— Да, можно, — согласился я, чуть ли не впадая в гелевое сиденье «Голдвинга». Казалось, я отключусь прямо здесь, и умный железный друг будет все так же хранить равновесие.

Застегнув шлем, Веда постучала по нему пальцем в перчатке.

— Модулярный шлем не советую, — сказала она. — Интеграл лучше.

— Как скажешь, — пробурчал я, трогаясь следом. Клумси уже несся обратно в сторону Ярославля, а «Харлей» Якута и вовсе скрылся из виду. Надо было все же спросить, где остановилась стая, — на случай, если потеряемся. С другой стороны, мне тогда там и делать будет нечего. Формально говоря, въехать в ставку клана мне придется не победителем на железном коне, а никому не нужным и ничего не решившим приблудой, который так и не сумел разложить по полочкам обрывки противоречивых данных и теперь плетется там, где ему самое место, — в хвосте колонны. И еще он вторую ночь подряд не спал.

Зато у меня было то, что я не променял бы сейчас ни на какие амулеты, — красные задние огни передо мной, положением которых управляли — я это знал точно — мои друзья. И я

мысленно отключился, позволяя этим маякам указывать, куда повернуть руль и как двинуть пальцы на ручке газа. Без этих указателей я бы давно разбился в первых же кустах, и не спасли бы ни шакрам, ни револьвер, ни волшебные соломинки, которые Сумрак так любит подавать в качестве спасательных кругов и которые на деле так часто ломают спину.

Было уже далеко за полночь, когда огни мотоциклов остановили полет в пространстве. Не торопясь покидать сиденье «Голдвинга», я хлопал глазами, глядя на глухой лес вокруг себя.

Из лесу вышла худая женщина в балахоне, похожем на тот, что носил Якут. Вожак стаи подошел к ней, протягивая руки. Казалось, что должны последовать объятия. Вместо этого женщина вытащила две перчатки и начала с любовью надевать их на руки Якута. Тот терпел, стиснув зубы, и не говорил ни слова. А женщина все продолжала свой процесс, глядя на него с печальной улыбкой…

Кто-то тронул меня за плечо. Я встряхнулся, глядя на Клумси.

— Серый, я там тебе палатку разложил, — сказал он. — Иди спи, а то ты вырубился.

Я слез с мотоцикла, утопая в высокой траве по

колено, чувствуя, как ноют ноги в мотоботах. Похлопал Клумси по руке в знак благодарности, позволяя ему укатить «Голдвинг» за деревья. Побрел вдаль, к зеленому тенту, который был частью нашего снаряжения. Забрался внутрь, скинул мотоботы и упал лицом вниз на раскатанный пенистый коврик. Вздохнул, готовясь отдаться сну.

— Можно? — прозвучал звонкий голос.

Я перевернулся на спину.

Карминовые волосы Веды на фоне зеленого тента смотрелись крайне нелепо.

— Извини, если помешала, — сказала она. — Я в Рыбинске палатку потеряла. А мне ужасно хочется спать.

Я подвинулся, похлопал рукой по свободному месту коврика.

Веда осторожно разулась, оставив свои маленькие «сникерсы» рядом с моей обувью. Зашла внутрь, застегнула молнию и, не раздеваясь, упала рядом.

Я обнял ее, прижимая к себе.

И тогда, как награда, пришел сон.

Глава 4

Разбудил меня волчий вой. Я дернулся, не сразу вспомнив, где нахожусь. Мои руки уткнулись в коврик, за ночь поменявший положение до полного скандала. Зеленый тент палатки успел нагреться под утренним солнцем.

Красновласой волшебницы рядом не оказалось. Я долго смотрел на пустую половину палатки, затем на одиноко стоявшие мотоботы за расстегнутым входом. Не приснилась же она мне.

Сумев выползти наружу, я выпрямился, чувствуя, как ноет спина. Кажется, я забыл в Москве обзавестись нормальной обувью. Ходить в мотоботах по лесу — себе дороже.

Бродить с босыми ногами был не вариант, так что пришлось перетерпеть. Еще бы найти, куда Клумси дел «голду», чтобы поискать в кофрах смену одежды. Стая явно никуда сегодня не собиралась — значит и мне не придется никуда мотать. Найду, чем заняться. И для лучшего понимания дальнейших действий стаи мне надо знать, что она делала вчера.

Меня окружали сплошные зеленые поля с нестройными лесными рядами. Повинуясь неле-

пому рвению, я принялся искать, в какой стороне север, затем тут же бросил заниматься ерундой. Если захочется дополнительно нагрузить себе мозг — отыщу кучу более достойных поводов. Потому я пошел в направлении звуков.

Лагерь оборотней ничем не отличался от обычного туристического кэмпа и даже больше нужного подчеркивал обстановку дикарского отдыха. Десятка полтора палаток разных форм и цветов. Не менее отличались и мотоциклы, расположенные где попало. Своего среди них я не нашел.

Из-за палаток медленно поднимался дым, приносящий запахи мангала. Казалось бы, что могут жарить оборотни в лесу в сезон кормежки? В Сумраке ничто не бушевало — кругом царили тишь да гладь. Подобного умиротворения не встретить там, где недавно кого-то убили. Не утерпев, я пошел вперед, в сторону дыма, аккуратно обходя разбросанный валежник.

Здесь располагалась центральная зона лагеря — почти свободная от травы полянка с несколькими пнями и наспех сооруженными скамейками из бревен. По периметру расположенные палатки стояли входами к центру. И еще здесь собрались с десяток оборотней. В человече-

ской форме в основном. Я насчитал троих мирно похрапывающих волков на безопасном отдалении от костра.

На меня сразу уставились взгляды остальных — по большей части настороженные, по меньшей любопытные. Зато в них не было удивления. Оборотни, конечно, знали о моем ночном прибытии.

Лица вполне обычные, молодые и взрослые, за некоторым исключением — мужские. Вот одежда меня удивила. Я почему-то ждал встретить банду типичных мотоциклистов, совсем забыв, что подобный стиль они соблюдали только в городах да на трассе — везде, где много людей. Здесь же, в лесу, они могли оставаться самими собой. Даже простому человеку нет никакого смысла таскать в лесу на отдыхе полный экип, как это в данный момент делал я, выглядя, должно быть, чудовищно. Что до оборотней, то при первом же перекидывании им придется долго стаскивать с себя все эти финтифлюшки или же рвать их на части, если требуется обратиться как можно быстрее. Потому мне следовало догадаться, что их внешний вид будет более практичен.

Все оборотни в лагере были облачены в робы, идентичные той, в которой ночью приехал Якут. Сочетание велюровых халатов и монашеских ряс,

до предела минималистичного дизайна.

— Здравствуйте! — сказал я.

Оборотни молча смотрели на меня, и я тут же прикинул, не забыл ли вчера снять с головы шлем.

— Сергей! — послышался певучий женский голос.

Откуда-то сбоку ко мне неслышно приблизилась женщина на вид лет сорока пяти. Именно она вчера надевала Якуту перчатки. Сейчас я мог рассмотреть ее лучше — приветливый вид, множество ранних морщин, татуировка в форме полумесяца вокруг левого глаза. И такая же роба, как у всех. В остальном она выглядела как особа, которую не замечаешь на пикнике с незнакомыми людьми, но при повторном знакомстве жалеешь, что не сошелся раньше.

— Доброе утро, — произнесла она. — Меня зовут Марьяна. Ребята, это Сергей Воробьев, Дневной Дозор Москвы. Он сопровождает нас в путешествии.

Оборотни сдержанно кивнули. Кто-то приветственно вскинул пятерню.

— А что жарите, ребята? — спросил я. — Мне понравится? Если что, у меня есть соль.

Марьяна схватила меня за локоть и потянула

в сторону. Я повиновался, думая, мог ли найти более дурацкий способ завязать знакомство со стаей.

— Это говядина, — успокоила Марьяна. — Мы купили корову в деревне.

— Какой деревне? Где мы хоть находимся, а то я вчера…

— Север от Тутаева. Мало кто знает эти места.

— Понятно, — произнес я. — Скажи, Марьяна, ты не видела Светлую волшебницу сегодня?

— Здесь только одна Светлая волшебница. Ты же про Ведающую?

— Ага. Про нее.

— Она утром уехала в Ярославль, — ответила Марьяна. — Сказала, что скоро вернется.

«Значит, ночующая в моей палатке Веда мне не приснилась, — подумал я. — Интересно, догадается ли позвонить Борисову из города?»

— Почему вы балахоны носите? — поинтересовался я. — Удобно?

— Очень удобно. Можно быстро перекинуться, и порвать не жалко. Мы стараемся аккуратно снимать их, если надо обратиться, но на всякий случай у каждого с собой таких с десяток. Если их сложить, то места занимают не больше, чем тапочки.

— Ты имеешь отношение к Якуту? — спросил я. — Вы показались мне… близки.

— Ближе некуда. — Марьяна продолжала улыбаться печально и даже тревожно. — Я его жена.

— Тогда поздравляю.

Тревожности в улыбке Марьяны стало поменьше.

— С чем? — спросила она.

— Он необычный, — сказал я, пытаясь собрать вместе все, что знал лично про лидера стаи. — Похож даже не на вожака, а, скорее, на вождя небольшого племени, которое мечтает снова стать многочисленным, но не может из-за вечной войны.

Марьяна выдержала паузу — как мне показалось, слишком долгую.

— Это очень лестное сравнение, — заметила Марьяна. — Ты не против, если я передам ему твои слова?

— Не против. Только я и сам бы не прочь с ним поговорить. Это можно устроить?

— Сейчас он занят делами стаи. Обсуждает планы в палатке с новичками.

— Ну, точно главнокомандующий, — произнес я, глядя в сторону лагеря.

— Да, — подтвердила Марьяна. — Он такой.

Если у тебя очень срочное дело, я его позову.

— Нет нужды, — сказал я. — Вижу, вы никуда не торопитесь. Думаю, я могу подождать.

— Хорошо. Тогда обустраивайся, как тебе удобно. Если хочешь умыться, то там, неподалеку, есть родник.

— Спасибо, — сказал я, глядя, как Марьяна уходит, чудесным образом не цепляясь балахоном за колючки.

Что конкретно я должен был сделать, чтобы меня тут сочли за своего? Наверное, прежде всего мне следовало определиться, хочу ли я этого. И какое, собственно, имею право навязываться в друзья стае? Вроде бы Марьяна поговорила со мной открыто, а я все еще ничего не знаю ни о ночных действиях стаи, ни об их дальнейших планах. Какие у меня основания этих ответов требовать? Якут позволил мне двигаться следом — формально говоря, все свои обязательства перед Дневным Дозором он выполнил.

Путь к роднику занял от силы минуту. По пути мне встретились еще два оборотня в робах. Они сидели спинами ко мне, о чем-то переговаривались и никакого внимания не обращали, словно Темные Иные здесь расхаживали толпами. Еще дальше раздавались тихие проклятия. Я решил

сходить и посмотреть, что там.

И не зря. В узком пространстве, между пятью древесными стволами разной толщины, образовался пятачок, полностью укрытый от солнечных лучей. Здесь стоял мой «Голдвинг», накрытый кучей чужой одежды. «Гантель» уткнулась передним колесом куда-то в овраг, так, что задний кофр гордо выпирал наружу. Из его откинутой крышки поблескивали бутылки.

В самом затененном месте уютно развалилась оранжевая палатка. Перед ней на боку лежал незнакомый мне мотоцикл. Рядом с ним сидела Вика, окруженная гаечными ключами, промасленными тряпками и неизвестными мне железками. На ее поврежденных коленях и лодыжках красовались наспех перехваченные ремнями палки.

— Привет! — крикнула она мне. — Как спалось?

— Более чем, — ответил я первое, что пришло на ум. — Как сама? Тебе не больно так сидеть?

— Совсем нет. Вы же забрали всю боль, за что огроменное спасибо. Марьяна наложила мне кучу шин, так что жить буду. Быть Иной не так уж плохо, скажу.

— Чем ты здесь занимаешься?

Вика постучала ключами друг о друга.

— Смазываю цепи, проверяю уровень антифриза, кручу свечи и хочу разобраться, как можно настолько уделать масляной фильтр, что его в этой грязюке не отличишь от воздушного.

— Я ничего не понял, кроме того, что ты нашла свое место, — произнес я. — Могу чем-то помочь?

— У тебя есть тормозные колодки от «Дукати Суперлеггеры» восемнадцатого года?

— Как-то не взял с собой, — повинился я. — Даже от семнадцатого нету.

— Тогда ты ничем помочь не сможешь, — вздохнула Вика.

— Увы. Где Клумси?

Вика показала ключом наверх.

На ветке, в добром десятке метров над землей, дрых кот. Пушистый хвост свисал вниз, слегка покачиваясь на ветру.

— Пусть проспится, — посоветовала Вика. — Он надо мной всю ночь дрожал. Даже раны лизать пытался, только я ему щелбан отпустила.

— Вика, ты слишком быстро вжилась в роль Иной, — сказал я, подходя к «голде» и пытаясь добраться до своих вещей. — Точно раньше про нас не слышала?

— Да что тут слышать? Жизнь — она как мото-

цикл. Если все раздолбанное, то это не значит, что все, судьба, приговор, туши весла, суши свет. Надо просто разобраться, как движок устроен, ключи подобрать правильные и закрутить все как следует, чтобы работало. Конечно, я испугалась, когда вампир меня швырять о бетонку начал. Думала, все, кранты мне. И ночь тяжелая была. А сегодня проснулась, все переосмыслила — и разом все поняла. Знаешь то чувство, когда бьешься над шестеренкой, пытаешься в мотор сунуть, а она внезапно раз — и становится на место?

— Не знаю. Но думаю, что я тебя понял. Мир с Иными обретает смысл.

— Вот. — Вика снова принялась возиться с мотором. — Меня подкрутили, и я заработала. Процесс так себе, зато результат огонь. Я рада, что все так сложилось. Раньше думала, куда меня несет? Все как-то бессмысленно было. Теперь же и боли нет никакой, и видишь весь тот бред, который вчера волновал, как будто там было что-то важное… Слушай, ты не к роднику идешь? Будь другом, принеси мне воды, вон там канистра.

Я вытащил целиком сумку с левого кофра «Голдвинга», где перевозил смену одежды и туалетные принадлежности. Бриться, конечно, не буду. Меня и в Москве мало кто мог заставить это

делать чаще раза в неделю, а уж в лесу и подавно никто не способен. Собрав все нужное и подцепив с земли пластиковую канистру, я пошел к роднику.

Слова Вики были по-своему понятны, хотя ее дальнейший путь предсказуемо казался не слишком веселым. Она еще не приняла себя в полной мере как Иную, но уже быстро отказалась от роли человека. Это грозило некоторой депрессией, которая у многих затягивалась на одно человеческое поколение. Хотя кто я такой, чтобы судить? Сам-то когда в последний раз вспоминал, каково это — жить без магии? Сижу у родника в лесу, наслаждаюсь чистой водой, слушаю пение птиц и дыхание леса, думаю, поместились ли бы у меня в карманах колодки от «Дукати». А между тем, будь я простым смертным, меня бы уже на свете могло не быть по естественным причинам. Тем самым, по которым люди заканчивают жизнь в земле, корова на мангале, а «Дукати» — на податливой лесной почве. Хотя у двухколесного еще есть шанс подняться, если Вика хорошо знает свое дело.

Закончив с процедурами, я переоделся в чистое и начал набирать воду в канистру. Мотоботы принялись терзать мои пятки с удвоенной силой.

Как же хочется нормальные кеды!

Вернувшись к Вике, я поставил канистру рядом с ней и сказал:

— Я иду в лагерь. Тебе принести что-нибудь?

— Мы уже завтракали, — ответила она, ковыряясь в моторе и не поднимая взгляда. — Если что понадобится, я Клумси отправлю.

— Хорошо. — Я заграбастал свои сумки и пошел с ними в лагерь. Пусть мои вещи лучше будут поблизости.

— Если увидишь Миху, скажи ему, что на его «леггере» барахлит задний цилиндр, там прокладка плывет, и горшок начинает поджирать масло! — крикнула мне Вика вслед.

— Постараюсь, — пообещал я, не поняв ни единого слова.

Дым от мангала стал гуще. Я подошел к центру лагеря с двумя бутылками пива, вытащенными из барахла Клумси.

— Привет снова, — сказал оборотень, размахивая над мангалом непонятно откуда взявшейся картонкой. — Скоро будет готово.

— Будешь? — Я протянул ему пиво.

— Благодарю. — Оборотень шмякнул горлышком о край мангала, сдирая крышку. — Я Михаил.

— Сергей. — Я пожал ему руку. — Кстати, Вика там просила передать, что на твоей «леггере» барахлит жареная прокладка, и цилиндр плавает маслом в горшке.

Михаил, уже набравший полный рот пива, согнулся и расплескал все в траву.

— Чего-чего? — изумился он, вытирая рот рукавом робы. — Что там плавит цилиндр?!

— Эй, Мих, у тебя «леггера» есть? — рядом вырос еще кто-то в робе. — А че я не видел?

— Мужик, ты нормальный? — вытаращился на меня Миха. — Какая еще «леггера»?! Откуда я ее возьму? Да у нас весь мотопарк столько не стоит! Я на «джебеле» ездил всю жизнь!

— Ну, извини, — раздосадованно сказал я. — Перепутал.

— Ничего себе перепутал, — хохотнул высокий оборотень. — Это Вика тебя так развела, да?

— Отлуплю мелкую, — пообещал я, глядя на мангал. И впрямь говядина.

— Не надо, она же не со зла. — Миха похлопал меня по плечу. — Сходи лучше салатику порежь. Девчонки сами не справляются.

Резать салатик мне не пришлось — меня увлекла за собой Марьяна.

— Сергей, ты уже видел Вику? — спросила она

взволнованно.

— Видел. Цветет и пахнет.

— Замечательно, — обрадовалась Марьяна. — Все хотела сходить проверить сама, но не знала, могу ли.

— Почему нет? — не понял я. — Она говорила, что ты ухаживала за ней.

Покачав головой, Марьяна посмотрела на меня, словно сканируя, что еще я могу знать. Оборотням не дано читать мысли других. Хотя в тот момент я бы ей это позволил.

— Что ты хочешь мне поведать? — спросил я. — Марьяна, я все еще не знаю, что случилось ночью. Вы выехали из Москвы на север, и что случилось после?

Марьяна аккуратно оправила волосы, подставляя солнцу вытатуированный полумесяц на щеке.

— Да тут уже, наверное, нет никакого секрета, — сказала она. — У нас была стычка с местным кланом, Авеалаш.

— Конкурирующая группировка?

— Ты так шутишь, Темный? Нет никакой конкуренции, если всем выдают разные лицензии. На нас напали в Ярославле. Поначалу — одинокий наездник.

— Да, я видел тело, — сказал я. — Оборотень. Еще подумал, не из ваших ли.

— Своего мы бы не бросили.

— Отправляете в Сумрак?

— Хороним.

Я посмотрел на лес вокруг, словно ожидал встретить могильники оборотней. Как ни странно, я вполне мог бы стоять на одном из них и ничего бы не заметил. Сумрак быстро забирает тело низшего. Затем осядет земля, место захоронения покроется травой, и река времени смоет все следы.

— И вы почувствовали чужую стаю в Рыбинске? — спросил я. — Решили вмешаться в чужую кормежку?

— Они напали на людей жестоким способом. И это была не стая, а сборище разных низших. Четыре оборотня, три вампира, инкуб и ведьмак.

— Ты никого не забыла, Марьяна?

— И один Светлый маг, — добавила она. — Уровень высокий, разобрать не смогли.

— У него был второй уровень. Что было дальше? У вас был бой на Волжском мосту?

— Да. Мы победили, но не рассчитали сил. Мага никто не почувствовал, а он внезапно появился. Мы оказались не готовы. Хоть нас и было больше,

мы были там чужими, а они сражались на своем поле. Часть из нас выманили на помощь укушенным людям. Еще часть преследовала оборотней, и когда появился Светлый маг, на мосту осталась стоять только Веда.

— Это она вызвала ураган? — спросил я.

— Она. Светлый маг тоже что-то применил, из-за чего мы не могли продолжать бой. Нам пришлось отступить. Веда осталась прикрывать нас. Якут приказал мне возглавить стаю и отвести ее сюда. Сам вернулся за Ведой, но ты уже помог ей.

— Вы не нашли оборотня, укусившего Вику?

Марьяна долго смотрела на меня, не понимая вопроса, и затем огорченно опустила руки.

— Ох, Темный, — сказала она. — Это не вражеский оборотень укусил Вику и не закончил ритуал. Это сделала я.

— Ты?!

— Тебе не пришлось видеть бедную девочку, что с ней стало. Ее приманили Зовом и расплющили о камни. Все для того, чтобы нас отвлечь. У меня оставалось право на укус обращения по лицензии, выданной Дозором. Я начала ритуал, но у меня не было времени его закончить. Светлый маг убил бы нас всех. Надо было отступать, и мы отступили.

— Лицензия на укус? — переспросил я. — Марьяна, а вы какие хоть лицензии брали? Если всю стаю считать. Не на пожирание?

— Пожи… — растерялась Марьяна. — Ну, знаешь, это даже для Темного слишком. Стая Якута всегда берет лицензии на обращение, в этом и сложность.

— Какая еще сложность? — В моей голове все восприятие стаи стремительно переформатировалось под новый стандарт качества. — Сложность в том, что вы не убиваете людей, а создаете из них оборотней?

— Рад, что хоть ты понимаешь. Для Ночного Дозора нет принципиальной разницы: убить человека или обратить его. Они считают, что оба раза человек пропадает. Зато при обычной смерти он просто умирает, а при обращении становится на одного Темного больше. Потому и право на охоту получить намного легче. Мой муж особенный уже тем, что каждый раз берет массовые лицензии на обращение. Сейчас их у нас осталось четырнадцать. Мы потратили три из них — одну на Вику и две на рекрутов, с которыми договорились еще осенью. Якут сейчас посвящает их в распорядок клана, стандарты Дозоров и Великого Договора, объясняет правила.

Викой заняться решила я сама. Сам понимаешь, там случай особый.

Марьяна закончила говорить. К концу своей речи она в моих глазах стала совсем не той женщиной, которой я видел ее вначале. Однако с этой компанией ничего нельзя предсказать наперед!

— То есть ты хочешь сказать, что вы совсем никого не убиваете по лицензии? — уточнил я, чтобы окончательно закрыть для себя хотя бы этот вопрос.

Марьяна улыбнулась, на миг превратившись в молодую и голодную хищницу в человеческом облике.

— Я этого не сказала, — вымолвила она лукаво. — Даже в падении пера голубой сойки можно найти лицензию на убийство.

— Что это значит?

— Поговори с Якутом, когда он освободится, — сказала Марьяна. — Некоторые вещи я рассказывать не должна. Могу ли и я спросить тебя?

— О чем?

— Что ты делаешь здесь?

Мне не удалось избежать паузы перед ответом. Теперь все, что я скажу, покажется выдумкой. Пока я обдумывал, как выйти из положения,

Марьяна покачала головой.

— Надеюсь, ты разберешься, — сказала она.

Я молча отошел в сторону, идя вдоль лагеря без конкретной цели.

Стало быть, для Светлых появление Темного — событие хуже, чем убийство. Причем не на уровне полемики, а на вполне юридической основе. Почему же я ни разу не подумал об этом? Ведь всегда же знал, но как-то упустил из виду. Как можно сотрудничать с подобными существами?

Беспощадные мотоботы привели меня к самой дальней палатке — ядовито-красной, с расцветкой, собранной исключительно из оттенков бушующего огня. Трава перед ней оказалась обожжена, причем безо всякой магии. Не так давно тут разгорелось наспех затушенное пламя, охватившее два дерева, теперь оставшихся горелыми. Знаю Светлого, который мог бы восстановить их по ауре. Возможно, прямо сейчас он отказывает кому-то в лицензии на обращение, беспечно лепя штамп на убийство.

У палатки на снятом мотоциклетном сиденье развалился Тощий Гилмор — единственный из стаи, кто не переоделся в робу. С надвинутой на глаза фуражкой он не замечал ничего вокруг.

— Свалил в туман! — проворчал он, не видя,

кто это там пришел.

— Рад бы, но ноги уже не держат, — сказал я.

Оборотень одним пальцем приподнял фуражку.

— Ты, — проговорил он неодобрительно. — Мотай назад, в Москву.

— Далеко бежать. Гиля, как там дырка в штанах? Не зашил?

Гиля медленно хлопнул ручищами по коленям и встал с кресла. Футболка на выпираемом пузе опасно затрещала.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Если честно, я сюда пришел случайно, — признался я. — Могу уйти, если потревожил.

— Да не особо, — сказал Гиля. — Там жрать не сделали еще?

— Уже скоро.

Я огляделся. На черном сгоревшем пятне земли в лучах солнца блестели раскиданные канистры. Сзади них, поставленный на куски арматуры, расположился мотоцикл чудовищного вида, больше напоминавший неудачную статую монстра, сваренную из ржавых труб. Из-под него капало черное масло. Я пытался понять, как на таком можно передвигаться, смотрел то на подножки из медвежьих капканов, то на спицы колес из

сварочных стержней. Меня добил закисливший-ся штык от лопаты на месте ветрового стекла, с прорезями для глаз.

— Что это такое? — спросил я. — Как ты на этом ездишь?

— Обычный крысобайк, — похвастался Гиля, не скрывая гордости. — Был. Я сделал из него повозку для топлива на весь караван. В каждой стае должен быть чувачок, отвечающий за бензин.

— Боюсь спросить, но из чего ты его собрал?

— Уже не помню. — Гиля покрутил фуражку, со скрипом шлифуя козырек, и снова нахлобучил ее на голову. — Начинал с велосипедного руля. Остальное как-то само наросло. Теперь его зовут «пердящий менестрель».

— Почему менестрель?

— Потому что он пердит, как из волынки.

— Понятно, — сказал я. — Гиля, ты мне, часом, в морду дать не хочешь?

— А что, есть предложение?

— Просто любопытно.

— Хотел бы дать — дал бы, — произнес Гиля и немного оживился. — Знаешь, ты вот спросил, и я подумал: странное дело. Пока меня не укусили, я спуску никому не давал. Чуть что не так — вскакивал и заряжал в рыло. Ну, штраф выпишут

или посижу немного за решеткой, зато радость останется. А теперь даже если перо под ребра получаю — не психую. Отойду подальше, в волка перекинусь, и сразу как новенький. Вот ты вчера меня перед стаей опозорить решил, а мне даже не обидно совсем. Когда синяки сами зарастают, то мстить уже вроде как и не за что. Месть обесценивается. Только парит, что скидывать шмотки надо, а потом снова собираться.

— Никого я не позорил, — сказал я. — Ты первый начал, если на то пошло. И проиграть магу первого уровня не стыдно. Без обид, но ни у кого на твоем месте не было бы шансов.

— Вот и мне Миха так же сказал, — произнес Гиля. — Зато все теперь прыгают вокруг и успокаивают.

— Так это был твой план? Вызвать к себе жалость?

— Почему нет? — пожал плечами Гиля. — Думаешь, жалость оборотней ничего не стоит? Да мы только на жалости и выживаем. Это пусть у реальных пацанов победить в драке круто считается. По мне, так ни хрена победа не дает, кроме проблем. Если победил, то от тебя потом ждут больше, а заплатят меньше. Зато на стороне проигравшего — общество и система. Тем

более у оборотней, нас все равно презирать будут. Только если проиграл, то не настолько сильно. Мы — Иные. У нас проигравший получает все. Сильных сливают свои же. Сколько уже Якута предупреждал — не слушает.

— Ясно, — сказал я. — Ну, пойду назад. Может, потом выпьем.

— Давай. — Гиля снова уселся на сиденье.

Я вернулся к мангалу. На земле уже расстелили покрывало, которое быстро заполнялось походными тарелками и бутылками со всякими этикетками.

— О, ты мне и нужен, — сказал Миха. — Не передумал насчет салатика?

— Давай, что там резать, — согласился я. — Где мне сесть?

— А вон на пень.

Погрузившись в работу по превращению картофеля, свеклы и лука в некое подобие кулинарных ингредиентов, я выбросил из головы решительно все, отдавшись атмосфере запахов углей, терпкого вина и шипящего на мангале мяса. Так я сидел, пока не услышал бормотание мотора.

— Все в сборе, — сказал Миха, наваливая мясо в миски.

Как раз закончив, я положил нож, вытер руки

салфеткой. Поднялся, глядя сквозь опустившийся дым на колесо спортбайка, примявшее траву, и изящную фигуру сзади.

Ведающая вернулась.

— Точно, в сборе, — подтвердил я, вставая и идя к «Ямахе».

Мне осточертели недосказанности. Пора поговорить со всеми напрямую. И в первую очередь — с красновласой волшебницей.

Глава 5

— Веда, можно тебя на минутку? — спросил я, подходя ближе.

— Конечно, — ответила волшебница, стаскивая с пассажирского места рюкзак. — Только прицеп помоги отстегнуть.

— Какой еще прицеп? — Я подошел к заднему колесу и сквозь дым увидел одноколесную штуковину, цеплявшуюся за «Ямаху». — Ты его купила, что ли?

— Ну не подарили же. Ребят, пакеты с едой разберите, хорошо?

Пока Миха оттаскивал рюкзак, я отсоединил прицеп от подрамника, гадая, что такого крупногабаритного могла привезти Веда, что понадобилось так тратиться. Интересно, ей тоже командировочные платят?

— Оттащи его к Клумси, — попросила Веда. — Я скоро подойду.

Пару минут спустя я, успев устать как собака, доволок прицеп к палатке напарника. Он уже куда-то пропал по своим кошачьим делам. Если догадается притащить Вике дохлую мышь — буду ему долго аплодировать.

— Это что? — спросила Вика, глядя на мою поклажу.

— Надеялся, ты знаешь, — сказал я, пытаясь понять, как поставить эту треклятую штуковину так, чтобы она не завалилась набок.

— Зацепи за «гантель», — посоветовала Вика.

Я молча согласился с ней и принялся монтировать прицеп, надеясь, что если его закрепить получше, то Веда оставит его этой парочке и забудет. Когда я закончил, появилась и сама волшебница — открыла крышку прицепа, вытащила из него два длинных ножных фиксатора на шарнирах, а с ними и ворох бандажей разного размера.

— А-а, Ведочка, я тебя люблю! — зарукоплескала Вика. — Это все мне?

— Тебе, — улыбнулась Веда. — Ходить ты с ним не будешь, но на мотоцикле усидишь.

— Блин, надо как-то… — Вика заволновалась и вытерла руки о траву. — Попробовать хочу! Позовите Марьяну!

— Я позову, — сказал неожиданно спрыгнувший с дерева Клумси. — Ребята!

Он положил руки на плечи Ведающей и мне.

— Я вас люблю! — сказал он растроганно и заключил нас в объятия.

— Это еще не все. — Веда высвободилась, снова залезла в нутро прицепа и вытащила упакованный в полиэтилен костюм, напоминавший облачение героини комиксов.

— А это что? — не понял Клумси.

— Это «черепаха»! — вскричала Вика с настоящими слезами радости. — Блин, зая, дай я тебя расцелую!

— Ты ей защиту купила? — спросил Клумси с непонятной надеждой. — И шлем?

Веда кивнула.

— То есть Якут согласился? — вымолвила Вика. — Я смогу поехать с вами?

— Куда поехать? — вмешался я. — И зачем?

— В смысле? — Клумси повернулся ко мне с недоумением. — Ты что, хочешь Вику здесь оставить?

Его вопрос загнал меня в тупик. Я совсем не думал, что дальше делать с жертвой ночного происшествия. Она и без того отняла кучу моего внимания, отвлекая от насущных вопросов. Однако я уже видел, что Клумси и Веда все решили. И оснований для возражений, в общем, не имел никаких. Кто я такой, чтобы рисовать судьбу покалеченной волчице, которая и волчицей-то до конца стать не может?

— Просто напоминаю вам, что никто из нас не является частью стаи, — сказал я. — Хотя… Вы правы, конечно. Мы впряглись за Вику и теперь должны ее поддерживать, пока не поправится. Я об этом не подумал. А вы молодцы.

— Заговорил как нормальный человек, — заметила Веда, вытаскивая из прицепа очередной сюрприз. — За это держи подарок.

Она кинула мне пару новых кроссовок. Не мой любимый цвет, но размер — точно.

Я взял их, сдержанно поблагодарил Веду кивком. Не то чтобы я не находил слов или удивлялся, что спустя три года она помнит размер моей обуви. Просто это был тот момент, когда я обнаружил, что сам в эти три года ни о ком не заботился и мимо меня проплыло нечто очень важное. Нечто такое, за что я все еще мог успеть зацепиться.

— А, вы его закрепили уже. — Веда нахмурилась, проверяя крепление прицепа. — Зачем за ось цеплял? Подрамник лучше.

— Ты говорила, что и интегральный шлем лучше.

— Надо же, какие умные слова ты выучил. Переобуваться будешь?

— Позже. — Я повесил кроссовки на ветку, оставив качаться на шнурках, и пошел в сторону,

выразительно посмотрев на Веду.

Она последовала за мной.

Скрывшись от посторонних глаз, я остановился.

— Ну что? — спросила Веда, подходя ближе. — Что ты хотел мне сказать?

Повернувшись, я обнял ее. Крепко, не скрывая дрожи в ладонях. Через пару мгновений почувствовал, как руки Веды смыкаются на моей пояснице.

— Хотел сказать тебе «привет», — ответил я. — Всегда забывал о самом важном.

— Привет, — коротко вымолвила она.

Мы стояли, обнявшись, слушая, как ветер колышет изнеженную листву.

— Пожалуйста, не подумай, будто я стесняюсь сказать, что три года назад совершил ошибку, — произнес я. — Потому что мне не кажется, что это ошибка. Случился момент для выбора — я его сделал. Оттолкнул тебя. А сейчас сознаюсь: я глупец. Ни о чем не сожалеющий глупец, верящий, что всегда и везде можно вернуться по своим следам. Мы стояли в Севастополе, так же как сейчас, после тяжелого дня, глядя, как у нас появлялись новые друзья, чтобы умереть. Мы не понимали, что есть Сумрак, кто есть Иные,

какова наша роль во всем этом. Тебе рядом со мной мог угрожать Баланс — и я, как мне тогда казалось, решил проблему. Конечно, это была лишь дурацкая привычка со старых времен. Тебе столько раз грозила опасность, что я вмешивался самым прямым способом, принимая решения за тебя, не заботясь о твоем мнении, не думая, как ты это все воспринимаешь. Веда, я Иной, мне всегда будет сорок два, но я все же старше, и время мне видится иначе. Мне казалось, что если тебе что-то грозит — надо разорвать связь с тобой, разобраться с опасностью из темноты, и время само все расставит по местам. Думал, что для всего в мире настает нужный момент, всегда выпадет новый шанс. Я забыл, что тебе был всего двадцать один год. Забыл, что ты была и остаешься в первую очередь человеком, а не Иной. Забыл, что, если закрыть перед тобой дверь, ты воспримешь это не прагматично и извращенно, как Иная, а нормально, как человек. Иная останется довольна, что ей спасли жизнь. Человек поймет, что эту жизнь не хотят провести вместе.

— Ты просишь, чтобы я была с тобой? — тихо спросила волшебница.

— Мне не достичь того уровня эгоизма, на котором я попрошу тебя о подобном. Я прошу лишь

понять меня. И только тогда решить, хочешь ли ты дальше иметь со мной дело. Я поступил как Темный Иной, потому что я Темный Иной. Но в тебе меня привлек не сумеречный потенциал прорицательницы и не внезапно проснувшаяся боевая волшебница. В тебе я увидел ту привязанность к миру людей, о которой успел забыть. И сейчас понимаю, до чего мне этой привязанности не хватало.

— Сереж… — вымолвила Веда, и я почувствовал, как ее хватка на моей спине ослабевает. Выпустив Веду из объятий, я взял ее за плечи и сказал:

— Если ты уйдешь сейчас, то заклинаю тебя: не повтори моего пути, когда доживешь до моих текущих лет. Это путь человека, не знавшего ни поражений, ни сожалений, но вместе с тем — путь бессмысленной и нелепой жизни. Жизни Иного, превратившего все вокруг в математику. Если надумаешь променять свои ценности на холодный расчет — Сумрак примет сделку, но не принесет желаемого. Тебе дано больше, чем мне. Не разменивай себя на мелочи, как это сделал я.

— Мне трудно сейчас сказать что-то внятное, — вымолвила Ведающая. — За время, что мы были вместе, все нужные мне ответы я получала от

тебя. Ничего себе признание, верно?

Я взял ее за руку, изучая столь знакомые пальчики.

— Приятно это слышать, — произнес я. — Не знаю, смогу ли предлагать тебе решения и дальше, потому что мне уже нечем с тобой поделиться, кроме как опытом дурного выбора. Знаю лишь, что в эти три года без тебя я существовал, а не жил.

Веда убрала руки. Постояла молча, обхватив себя за плечи.

— Долгое было приветствие, — сказал она наконец. — Мясо уже остыло.

— Нехорошо заставлять оборотней ждать.

— Да, нехорошо. Хотя я им и уголь привезла. На нас порцию согреют. Ты ведь спросил не все, что хотел, правда?

— Правда. Тебя там Борисов обыскался.

— Борисов? — неуверенно произнесла Веда. — Странно. Я с ним тоже связаться не могу.

— Как это не можешь?

— Да никак не могу. Телефон не отвечает. Пробовала и Вадику звонить, и даже эсэмэски слала в московский офис — ничего не работает.

— Извини, что спрашиваю, но ты пробовала ко мне взывать через Сумрак?

Веда посмотрела на меня, как на внезапно заговорившее дерево.

— Если бы пробовала, ты бы, наверное, услышал, да? — произнесла она. — Это же очевидно.

— Да, наверное, — смутился я. — Борисов говорил, что ты ставила его в известность про такой… канал связи.

— Ставила, — подтвердила волшебница. — Но не сказала, что непременно им воспользуюсь.

— Хорошо, пусть, — сменил я тему. — Может, у тебя с телефоном что-то? Или со спутниковой трубкой?

— Да нет, я в Ярославле таксофон нашла. Все равно не работает. Это серьезная магическая защита. Что-то мешает нам с ним поговорить.

— А было о чем говорить? — спросил я. — Если не считать ночной атаки. Если бы сеанс связи случился — тебе бы было о чем докладывать?

— Нет, — ответила Ведающая с сомнением. — Мы выехали из Москвы, отправились на север. Больше ничего. Думаешь, нас кто-то глушит?

— Понятия не имею. Если и так, то не из лагеря. Может, проблема на принимающей стороне?

— Так это Борисов тебя сюда послал? Найти меня?

— И это тоже. Хотя формально главная причина

моего визита тут другая.

Собрав в кучу все факты, что знал, я поведал волшебнице всю ситуацию с «камчаткой». Мне удалось уложиться всего в пару минут благодаря тому, что Веда не перебивала меня и почти не демонстрировала эмоций.

— Да уж, — произнесла она. — Дневному Дозору скучать не приходится. И ты знаешь, где искать этот эликсир?

— Понятия не имею. Может, его тут и нет. Надо найти того, кто здесь может быть замешан. Я думал, что противник что-то сделал с тобой. Теперь вижу, что нет.

— Да как сказать… — Веда не закончила мысль.

— Что? — спросил я. — Говори, прошу тебя.

— Мне надо подумать. Давай вернемся.

Мы дошли до поляны Клумси. Их с Викой уже не было, как и подарков от Ведающей. Лишь упаковка от костюма осталась лежать в траве, придавленная камнем. Пользуясь моментом, я снял кроссовки с ветки и переобулся.

— Вика уже с остальными в лагере, — задумчиво сказала Веда. — Сказать, как я ее впервые встретила? Якут должен был сразиться с вампирским кланом Авеалаш там, в Рыбинске.

Я вызвалась просто понаблюдать. Даже не планировала вмешиваться. Но никто не знал, где искать клан. Где у них база, как выйти хотя бы на одного их представителя. Зато мы знали, что они питаются по графику. И мы решили ждать Зов. Сигнал Зова оборотни перехватить могли.

Я быстро зашнуровал кроссовки, внимательно следя за Ведающей. Ее лицо все мрачнело.

— И вот сижу я на перилах Волжского моста, — продолжала Веда. — Изображаю туристку или неформалку, не помню уже. Знала ведь, что вампиры меня не прочитают так просто. Оборотни по кустам попрятались. Уже сумерки надвигаются, и наконец мы видим жертву. По мосту идет девочка с двумя открытыми переломами, вся в трансе, оставляя кровавый след в форме капель. А к каплям на первом слое уже мох стекается. Пытается поглотить и не может. Нравится, да?

Я лишь неслышно вздохнул, мысленно благодаря Марьяну.

— И я не сдержалась, — добавила Веда. — Ударила всем, чем могла. Высосала энергию Волги, покуда доставала. Так, что рыба брюхом кверху повсплывала, наверное. Мы же думали, вампиры нападут на девочку здесь. А они уже напасть успели давно и просто решили помучить.

— Вика говорила, что видела ураган.

— Не знаю, что она могла из-под моста видеть. Думаю, было похоже, да. Четверых я сразу расплющила. Остальных стая добивала. Меня оглушил Светлый маг, вооруженный кучей чужих амулетов. Наверняка достал от клана Набдрия-Скуж, эти развернули черный рынок в регионе. Дальше не помню. Очнулась на третьем слое, когда ты меня нашел.

— То есть ты сама не знаешь, как туда попала?

— Догадаться нетрудно. — Веда наконец оторвала взгляд от кучи инструментов на земле. — Сумеречный портал. Маг не мог сам опуститься на третий слой, но меня туда загнать сумел. Светлым так удобно изучать ауру, меньше шансов что-то скрыть. Вот и я чувствовала, будто ауру сканируют. Только не понимала, кто и зачем.

— Рано ты его прибила, — сказал я. — Надо было узнать, что он там хотел увидеть в твоей ауре. Может, зачем ты красишь корни своей чудесной прически в черный цвет?

— Может быть, — не стала возражать Веда. — Как тебе кроссовки?

Я немного попрыгал и улыбнулся.

— Будто на меня покупали, — ответил я.

Веда засмеялась, чисто и солнечно. Это было

так неожиданно, что я едва не потерял равновесие. Будто и не говорили только что о смерти и боли. Снова недооценил разное восприятие мира. То ли Веда все больше превращается в Иную, то ли я становлюсь человеком. Или все сразу.

— Я тут вот о чем подумала, — сказала Ведающая, прекратив смеяться. — Не знаю, стоило ли нам эти годы общаться, но вот работать мы бы могли. Тогда, на мосту, нам бы пригодился Темный маг.

— А мне бы пригодилась напарница для розыска эликсира, — заметил я. — Ну и в целом надо помнить, где мы находимся и кто нас окружает. Вон кот, как видишь, уже весь пропал.

— Хороший кот, простим его за это.

Я протянул руку ладонью вперед. Веда накрыла ее своей.

— Мир? — спросил я.

— Мир, — сказала Веда. — Только давай не будем клясться Светом и Тьмой, хорошо?

— Согласен. Все равно они нам всегда мешали.

Веда расстегнула куртку, поправила волосы.

— Пошли уже обедать, — сказала она. — В животе урчит. И кстати, своего мнения про шлем я не меняю.

— Интеграл лучше, да. Я помню.

* * *

У мангала уже царило столпотворение. Весь лагерь, кроме Якута и той самой пары новичков, собрался на обед. Мы с Ведой сели по разные стороны, чтобы не смущать ни друг друга, ни остальных. Я устроился рядом с Марьяной, которая проверяла, как на Вике сидят новенькие фиксаторы. Радости пациентки не было предела.

— Я так стоять могу! — заявила Вика и попыталась продемонстрировать, но Клумси вовремя ее остановил, обхватывая, как мне показалось, чересчур уж фривольно. Похоже, Вика совсем не была против. Может, даже она и провоцировала его на такую реакцию.

— Не торопись, — посоветовала Марьяна. — Ты излечиваешься намного быстрее, чем думаешь. Будешь плохо себя вести — переломы неправильно срастутся.

— Все равно! Я теперь не ползун! Я ходун! Ура-а!

Забыв, которая тарелка была моей, я взял новую и накидал в нее всякой снеди. С едой я расправился даже быстрее, чем накануне заснул. Нашел чудом уцелевшую бутылку сидра и устроился на пне, рассматривая новенькие кроссовки.

И попутно слушал разговоры оборотней о том о сем. Пробовал запоминать имена, места, даты. Было лишь много сдержанных разговоров о прошедшей ночи, переходящих в благодарность Ведающей. И ничего — о дне завтрашнем.

Гиля курил трубку, глядя на тлеющие угли, изредка отвлекаясь, чтобы похрустеть свежим огурцом. От него сильно несло бензином, и на его месте я бы поостерегся так близко сидеть к огню. Раздумывая, сказать ему об этом или нет, я поверх его фуражки увидел вдали движение. Рассмотрев, кто там ходил, я поднялся и пошел туда.

Завидев меня, Якут приветственно махнул рукой, приглашая войти, и скрылся в палатке. Я зашел внутрь, причем мне даже не пришлось наклоняться — палатка оказалась размером с солидный шатер. Вдоль ее внутренних стен разместилось несколько расстеленных спальников. Солнечные лучи свободно проходили через пленочные окна. Я так представлял бы себе школу северных народов, в которой можно часами изучать родной фольклор.

— Снова приветствую тебя, Темный, — сказал вожак. — Могу ли я называть тебя по имени?

— Конечно. — Глядя, как Якут пристраивается по-турецки на спальниках, я сделал то же самое.

— Хорошо. Хочу поблагодарить тебя за спасение Светлой волшебницы.

Я лишь уклончиво махнул рукой.

— Не скромничай, — сказал Якут. — Ей с тобой очень повезло.

— Ты о чем? — спросил я с излишней подозрительностью.

— Вся стая видит что к чему. Ты и она — пара. Вы вместе.

— Это лишь потому, что мы провели ночь в одной палатке?

— Такая мелочь здесь может не значить ничего. — Якут обвел обожженной ладонью пространство шатра. — Как видишь, тут куча спальных мест, и каждый может переночевать в общей комнате. У нас это знак доверия. Но я вижу, как вы друг на друга смотрите, как заботитесь, делая вид, что в этом нет ничего такого. И еще я наблюдал вас в Сумраке. Вы смогли завершить прерванный ритуал Марьяны.

— Спасибо, конечно, — вздохнул я. — Догадываюсь, что ты скажешь. Что только настоящая любовь способна зажечь Сумрак.

— Ненастоящей любви не бывает.

— К слову, ты тогда здорово нам помог. Вика потянулась к тебе, иначе мы сами бы не спра-

вились.

— Ничего я не сделал, — возразил Якут. — Девочка хотела выйти из испытания. Я просто показал ей на дверь с выходом. Дверь была в конце этого испытания. Чтобы выбраться, Вике нужно было пройти его, только и всего. Так выигрываются битвы. Командир хочет победы, солдат хочет домой. Задача командира — обеспечить возвращение домой из места, из которого солдат сможет до дома дойти. Убедить, что оно всегда в конце победы.

— А если солдат покинет боле боя и вернется домой сам?

— Он не сможет, даже если очень захочет, — ответил Якут. — Сумеет только прийти в нужное место, но оно не будет домом. Не тем самым, о котором он мечтал в бою. Никакой философии, все очень просто. Никогда не надо предлагать никому войну, ее никто не любит и не хочет. Предложи мир и покажи, где он.

— Сильно сказано, — заметил я.

— Ты не согласен? Что было бы, если бы Вика сбежала из Сумрака, не дойдя до вас?

Я про себя отметил слова Якута. До нас. Значит, он тоже никакой тени не видел и лишь подыграл девочке.

— Думаю, сейчас она скончалась бы под мостом, серьезно при этом страдая, — ответил я и сам удивился, до чего просто мне далось честное высказывание своего мнения. Атмосфера шатра так, что ли, на меня влияет?

Якут кивнул, считая вопрос исчерпанным.

Я посмотрел на его перчатки с символом стаи и спросил:

— Это Марьяна сделала вышивку?

— Да. — Якут посмотрел на перчатки. — Она же и придумала наш символ. Знаешь, что показывает этот рисунок?

— Волчья лапа тянет человеческую руку. Наверное, помогает выбраться?

— И это тоже, — сказал вожак, поворачивая кисть руки иначе. — Если посмотреть так, то человек тянет волка к себе. Взаимная поддержка двух сторон.

— Мне нравится, — сказал я. — И знак хороший, и вышивка мастерская. Повезло тебе с женой, Якут.

— Это так, — произнес вожак с улыбкой.

— Не будет ли сильно нагло с моей стороны спросить, откуда у тебя эти ожоги? — произнес я. — Ты же оборотень — и не можешь излечиться?

— Тут нечего лечить, — сказал Якут. — Я здоров. Ожоги — мелочь. Плохо только, что они разрастаются, если их не пережимать. Перчатки помогают. И надеть их сам я не могу.

Он выразительно посмотрел на меня, видимо, припоминая мою помощь у «Мундуса».

— Считай это профессиональной любознательностью, — сказал я. — Но я повторю вопрос. Откуда эти ожоги? Почему ты не исцелился?

— Потому что они причинены очень злой магией, — ответил Якут. — Не сочти за хвастовство, но я получил их, когда спасал своего брата. Он связался с плохим магом, влез в плохую историю. Я вмешался.

— Понятно, — сказал я, не зная, как еще комментировать подобное. — Рад за твоего брата. Он здесь, в клане?

— Нет, — ответил Якут. — Я не знаю, что с ним. Возможно, он уже мертв. Или залег на дно.

Я предпочел промолчать.

— Ладно. — Якут поправил балахон у шеи. — Нам, наверное, надо обсудить официальную часть. Что привело тебя сюда?

У меня не был заготовлен ответ, и все же я долго не раздумывал. Если Якут ни при чем в деле с «камчаткой», то самым умным было ему

довериться и заручиться поддержкой вожака, который без труда организует полный досмотр всей стаи. Ведающая поможет его убедить. Но что, если он причастен? И даже если нет, то противник мог уже выбросить флакон в условленном месте где-нибудь по дороге в Ростов, следуя инструкциям, похожим на те, что получил Клумси. В таком случае мне не удастся его выследить. И даже если удастся, то цепочка может идти выше, к новым заказчикам похищения эликсира, которые могут ждать, например, в Архангельске.

Играть напрямую мне было никак нельзя. Поэтому я сказал:

— У Дневного Дозора появилась проблема, не связанная с твоим кланом напрямую, но имеющая отношение к вашему маршруту. Есть мнение, что мне придется порешать на нем кое-какие дела. Я бы желал проделать этот путь с вами. Чтобы разобраться лучше, я должен знать планы стаи.

— Вот как… — Якут погладил себя по подбородку так, словно собирался выщипать волосок из бороды и произнести заклинание. — Наши планы не секрет от Светлой. Наверное, они не должны быть секретом от Темного. Но я должен начать издалека. Ты знаешь, что у нас за лицензии?

— Марьяна сказала, что на обращение. Не на

охоту.

— Это верно. Ты сам про это не догадывался?

— Нет, не догадывался, — ответил я. — Признаться, мне это кажется странным. Вы должны испытывать голод.

— Не обязательно, — произнес Якут. — Единственное, чем нам придется жертвовать, отказавшись от охоты, — это собственным прогрессом. Разве ты при попадании в стаю не заметил, что среди нас нет ни единого, кто входил бы в ваши градации?

Я оглянулся, словно мог сквозь стены шатра увидеть стаю. Конечно, сквозь Сумрак мог, только не видел смысла. Ответ и без того напрашивался сам собой.

— Не заметил, — сказал я. — Вчера я свалился спать, а сегодня было не до того. Теперь понимаю, что вы все — низшие.

— Да, это так называют, — подтвердил Якут. — Только давай я не буду делать вид, что это вопрос принципов или гуманизма. Это уже образ жизни, верно. Но у него есть причины.

— Можно узнать какие?

— Охотно. Как люди становятся оборотнями?

— После ритуала обращения, — ответил я. — В простых условиях достаточно укуса. В запущен-

ных, вроде Вики, добавляется сложный ритуал совместного вхождения в Сумрак.

— Дети оборотней тоже часто становятся оборотнями по рождению, хотя и не всегда. Но главное — это обращение, на которое требуется лицензия Ночного Дозора. Стая не может легально размножаться, если нет лицензии.

— Пока понятно.

— Вернемся к интересам Ночного Дозора. Естественно, давать нам лицензии они не хотят. Очень редко выдают на охоту по лотерее, назначая конкретных людей. На обращение выдают еще реже. Могут выдать одному оборотню одну лицензию на укус на всю жизнь. Светлые хорошо следят за тем, чтобы популяция низших не росла.

— Это верно сказано, — заметил я. — Они прикрываются заботой о людях.

— Теперь представь себе такой порядок, — продолжил Якут. — Что, если получится так, что они выдают лицензию на охоту или на обращение, а вампир или оборотень, получив нужную печать, внезапно умирает до того, как успевает напасть на жертву?

Я немного подумал и ответил:

— Да это самый козырный для Светлых вари-

ант. Одним гадом меньше, прошу прощения за условность, новый не появился, никто из людей не умер, а лицензия сгорает, оставшись неиспользованной. После этого Дозор имеет право отказать другому низшему, потому что у них по лицензиям квота.

— Именно, — кивнул Якут. — Плюс один гад и минус один гад — дают в общей сложности разницу в минус два гада. И теперь ты понимаешь суть нашей договоренности с Ночным Дозором.

— Кажется, начинаю понимать, — произнес я, поражаясь смелости плана Якута. — Клан Авеалаш. Они там получили лицензии на любые действия, которые Светлые так или иначе кому-нибудь должны были вручить. Но появились вы и уничтожили клан, пока они там не перекусали и не растерзали кучу народу. Клан пропадает, их лицензии сгорают, Светлые довольны.

— Вот теперь ты понял, — довольно сказал Якут.

— Ну конечно. Потому и Ведающую вам назначили проверять… нет, помогать в ваших действиях. Вы мешали всякой сволочи убивать и размножаться. А в обмен на что, можно узнать?

— В обмен на собственное размножение, конечно. Требуем за свою работу лицензии на

обращение. Только не в таком количестве и ни в коем случае не именные. Оборотням обычно не дают права самим выбирать, кого принимать в стаю. Навязывают результаты лотереи — в основном подтасованные. С нами же система другая. Я убиваю какого-нибудь вурдалака до того, как он начнет охоту, его стая сокращается на одного, моя получает право на одного вырасти — за счет добровольцев или приговоренных, как Вика. Регулировка популяции в пользу моей стаи за счет вражеской. Так Дозор, выдавая одну лицензию мне и одну вурдалаку, вместо прибавки в виде двух низших получает по нулям. Приходится лишь терпеть небольшой побочный опыт: отказавшись от охоты на людей, мы не растем в Силе. Остаемся низшими. Но лучше многочисленная стая, чем одинокий сильный волк.

— Солидная у тебя схема, Якут, — похвалил я. — Откуда она взялась? Древний северный обычай?

— Нет, — ответил вожак. — Теория игр. Почитай работы Гурвича, в бизнесе здорово помогает.

— Непременно. — Я не сумел сдержать улыбку. — Получается, ты и твоя стая занимаетесь выслеживанием и устранением других кланов, которым выдали лицензии. Формируете маршруты по чужим охотничьим угодьям, причем в

определенное временное окно.

— Ты все правильно понял, Сергей. — Якут дотянулся до бумажной карты, подозрительно напоминавшей мою, и раскрыл схему региона. — У нас всего неполная неделя, чтобы устранить влияние нескольких групп. Прежде всего это клан Авеалаш, с которым мы благодаря вашей с Ведой помощи уже расправились.

Искореженный палец прошелся от Ярославской области к северу, остановившись на середине Вологодской.

— Это было легко, — продолжая Якут. — Дальше, к западу от Сямжи и Харовска, расположен клан Динаккуш. Стая, наполовину состоящая из инкубов, хитрая и тактически мыслящая. Но и у них хватает боевых единиц, так что просто не будет.

— Кланы тут делят сферы влияния по внутригосударственным регионам?

— Нет, конечно. По водоемам. Авеалаш работали в районе Рыбинского водохранилища. Угодья Динаккуш сосредоточены вокруг Белого озера. И завтра мы туда едем. Твое дело найдет развитие по пути нашего маршрута?

— У меня такое чувство, что найдет. Дальше вы заглянете на Онежку?

— Нет, там зона влияния Дозоров Санкт-Петербурга. Диких кланов там не водится. Наш путь лежит восточнее.

— Но вы едете еще и севернее.

— Да. — Якут ткнул в район Архангельска. — Здесь уже Двинская Губа и несколько разрозненных групп нелегально обращенных низших. Только я не думаю, что здесь нам придется позаниматься. Сейчас тамошние окрестности подчинил торговый караван клана Набдрия-Скуж. Несколько сотен вампиров и оборотней второго и третьего уровней, боевые маги обоих цветов и куча амулетов, начиная от самых древних.

— Ты же это несерьезно, да? — вырвалось у меня.

— Я говорил про весь клан, живущий на две части континента. Скуж расположен в Китае, Набдрия — в Восточной Европе. Численность их солдат и торговцев высока. Возможно, их уже больше тысячи. Но сам караван, конечно, намного меньше. Десятка три бойцов, если пойдут как обычно. Хотя для нас все равно чересчур.

Я покачал головой, осознав, что о таких кланах я никогда не слышал. Затем спросил:

— И что они делают в России?

— То же, что и всегда. Прокладывают очередной

канал контрабандных перевозок взамен перекрытых. По-твоему, откуда в Праге появляются магические артефакты Поднебесной, а в Японии — африканские тотемы? Не все же добывает Инквизиция. Хотя ты и сам понимаешь, что она во многом — главный поставщик ценностей. Сергей, ты смотришь?

Оцепенев, я уткнулся взглядом в меридиан, простиравшийся через Архангельск. Канал магической контрабанды. Рукой подать до Финляндии, также имеется прямой выход к Норвежскому морю. После путешествия через материк на восток — Берингов пролив, Тихий океан, Аляска. Идеальный маршрут для никому не подотчетной группы поставщиков. Никаких проблем для Иных даже с минимальными магическими способностями. Избегание стычек и секретность гарантируют нулевой интерес со стороны Дозоров. И прямой путь к каравану — это отрезок Москва — Архангельск.

Или все это невероятное совпадение, или я только что обнаружил главных заказчиков похищения «камчатки» у Инквизиции.

— Да, смотрю, — сказал я. — Значит, интересы стаи не совпадают с маршрутом каравана?

— Если они не начнут внезапно кусать всех

подряд — то нет. Иначе мы как уважающие себя оборотни будем обязаны вмешаться.

— Кусать всех подряд? — усомнился я. — Туристы точно не посмеют. Так они попадут под юрисдикцию Дозоров. Мы с Ведой вызовем тяжелую артиллерию прежде, чем караван доскачет до Ухты.

— Но и провоцировать никого я тоже не буду, — предупредил Якут. — Поэтому завтра на рассвете мы снимаемся и едем в Белозерск. Клан Динаккуш. Ты с нами?

Я посмотрел Якуту в глаза и ответил:

— Да. Я с вами.

Глава 6

Трасса «Холмогоры», она же М-8, быстро наматывалась на колеса, оставляя позади безопасные территории, где уже не орудовали никакие кланы. Шум мотоциклов стаи и свист ветра слились в единый фон, изредка разгоняемый сообщениями навигатора о возможных пробках. Караван двигался слаженно, почти без взаимных обгонов, хотя Клумси долго не мог выбрать подходящее место для себя. Вика свободно сидела на пассажирском кресле «гантели», возвышаясь над всеми нами на добрую голову. Иногда она поворачивалась ко мне, и я видел ее слезящиеся от радости глаза, любующиеся окружающим миром через шлем. Я знал, что она то и дело посматривает вокруг сквозь Сумрак. Девушке повезло, что пока у нее не хватает сил войти на первый слой самостоятельно, иначе Клумси пришлось бы решать внезапно возникшую проблему прямо на ходу. Хотя Вике и без Сумрака падать с мотоцикла в ее текущем состоянии было бы нехорошо. Поэтому мотоциклетную защиту Вике подогнали на совесть — «черепаха» теперь напоминала бронежилет, объединенный с армейской разгрузкой.

Ножные фиксаторы пришлись точно под боковой вид «гантели», отчего Вика смотрелась частью дизайнерского обвеса. Не менее в тему пришелся и мотоприцеп, который придавал картине атмосферу полного умиления. Урвав свободную минуту, Вика нарисовала на прицепе улыбающуюся кошачью морду и подписала «Кошкин дом».

Якут возглавлял стаю на своем «Харлее», невозмутимо глядя вперед. Как и все остальные, он переоделся в стандартный байкерский экип, хотя я понимал, что случись на дороге что-то критическое — и оборотни перекинутся не раздумывая.

Марьяна изящно огибала нас на синем «Триумф Эксплорере», двигаясь легко и воздушно, как падающее перо голубой сойки. У нее не было никакого багажа. Она то и дело равнялась по очереди с каждым членом стаи, о чем-то переговорить. Когда Клумси слишком резко ускорился, Марьяна в мгновение ока догнала его, вжикнула тормозами и погрозила кулаком. Парень сразу же постучал себя по шлему, и Вика добавила ему туда же легкую барабанную дробь.

Ведающая двигалась с нами, в середине колонны. Копаясь в своих воспоминаниях, я обнаружил, что ни разу не путешествовал с ней вместе в мотокруизах и фактически впервые наблюдал

манеру ее марафонской езды. Как оказалось, волноваться мне не пришлось: за четыре года пользования «Ямахой» волшебница привыкла к ней как к родному другу. Даже хорошо, что безопасно ездить на спорте Веда начала учиться задолго до собственной инициации — ее навыки наработаны исключительно человеческими рефлексами.

Замыкал нашу колонну Тощий Гилмор на своем неподражаемом «менестреле». Стоило ему завести этого монстра с ноги, как я убедился, что здоровяк был полностью прав в своем метафорическом описании фирмового звука. Я попробовал какое-то время ехать за ним в хвосте и сразу же ошалел от адской смеси космических выхлопов, сверхзвуковых шлепков и облегчений страдающего метеоризмом дракона. Вдобавок резкий запах бензина, на скорости переходящий в терпкий вкус во рту, окончательно сломал мне центральную нервную систему, и я еще долго приходил в себя, двигаясь на круизе вслед за Клумси.

Незадолго до Вологды стая свернула налево, к Череповцу, откуда должна была отправиться на север к Белозерску. Мне следовало проделать тот же путь, только чуть позже — пришлось за-

ехать в Вологду за кое-какими вещами, которые должны были пригодиться сегодняшним вечером. Торопиться было некуда. Став на светофоре, я принялся обдумывать утренний разговор в шатре Якута.

* * *

— Байкерский фестиваль? — уточнила Веда, глядя на Марьяну. — Открытие мотосезона? А не поздновато ли они там устраивают такие мероприятия?

— Для Нур-Султана, может, и поздно, — сказала Марьяна. — Но вспомни, где мы находимся. Это уже север. Здесь только снег недавно сошел. И фестивалем я бы это не назвала. Обычное весеннее развлечение для местных. Вы в столице, наверное, привыкли к огненным шоу и концертам. Тут все это тоже будет, только в немного другом виде.

— Мы все понимаем, — заверил я. — Никто не ожидает лазерных дронов и доставки суши-роллов к седлу. Просто устраивать охоту в местах массового скопления людей — слишком круто даже для диких кланов.

— О нет, охотиться в толпе никто не станет. Только выслеживать. Жертву выманят подальше,

на берег озера за каналом или на холм.

— И сожрут?

Марьяна кивнула и добавила:

— Ну или выпьют. Если мы не вмешаемся.

— Тогда каков план?

— Схема прежняя, — ответил за жену Якут. — Ловим на живца.

Мы с Ведой зашевелились одновременно, стукнувшись коленками.

— Э, нет, — сказала волшебница. — Хватит. Больше никаких Зовов.

— Зовов и не будет, — вымолвил Якут. — Нам предстоит задача не такая примитивная. О поимке всех входящих в Динаккуш речь пока не идет. Сегодня вечером нам надлежит выполнить точечный удар.

— Можно яснее?

— Кланом Динаккуш заправляет один главный инкуб, — сказала Марьяна. — Зовут Ильмир. Он точно будет там и сам назначит все жертвы. Причем первую из них он выберет для своей подруги, суккуба Ирины. Проблема в том, что мы не знаем, как он выглядит.

— Инкуба и суккуба я как-нибудь распознаю, — напомнила Веда.

— Для этого тебе придется быть на фестивале и

сканировать, выдавая свою магическую натуру. Динаккуш следуют собственным принципам маскировки. Если они заметят на фестивале кого-то из Иных помимо случайных низших, то сразу откажутся от охоты и попытают счастья в другой день.

— Они так просто сольют свои лицензии?

— Они знают, что им в таком случае выдадут новые. Только нас рядом уже не будет. У нас есть один шанс выйти на них — это поймать на приманку.

— И кто же будет приманкой? — сухо спросила Веда.

Якут перевел взгляд на меня и ответил:

— Вот этот молодой человек.

— В смысле? — не понял я.

— Ты Темный первого уровня, — пояснила Марьяна. — Значит, выше любого инкуба. И мы знаем, что ты сможешь скрыть свою ауру от них так, что в тебе вообще не распознают Иного. Будешь для них как обычный человек.

— Погодите, — сказал я. — Ваша идея понятна. Надо выманить Ильмира на себя. Но как, черт побери, я сделаю так, что изо всей толпы простых людей он выберет именно меня? А если эта его Ирина меня не захочет?

— Про Ильмира известно не так много, — ответила Марьяна. — Мы знаем, что он ценит утонченных людей, любящих дорогие и красивые игрушки. А у тебя, на счастье, есть «Хонда».

Я смотрел то на Марьяну, то на Якута, то на Ведающую, все еще не понимая, на чем конкретно основывается подобный план.

— Что-то вы невысокого мнения про Белозерск, — сказал я. — Они тут ни разу иномарку не видели?

— Смотря какую и где, — пояснила Марьяна.

— Это простая психология, — сказал Якут, не выдержав моего непонимания. — Белозерск — маленький городок с десятком сел поменьше вокруг себя. Кто там может зацепить разборчивого инкуба? Детвора на скутерах? Или семья, выбравшаяся из Вологды на озеро вместо огородных работ? Посмотри на себя и свое барахло. Ты же, прошу прощения за условности, каноническое лицо, обманутое хулиганами. Дорогой и жутко непрактичный экип, купленный без участия головы. Мотоцикл с московскими номерами стоимостью в среднемесячную зарплату в регионе за десять лет, столичные манеры, крепкая фигура, хоть и не подходящая рабочему, плюс взгляд уставшего циника. Типичный мажор-«гол-

довод» в возрастном кризисе.

Веда расхохоталась и захлопала.

— Ой, вы молодцы! — воскликнула она. — Все верно подметили!

— Мажор? — переспросил я, чувствуя оскорбленный гнев. — «Голдовод»?

— А какой человек в здравом уме припрется на региональное байк-шоу на «Голдвинге»? — развел руками Якут. — Тебя там примут за неощипанную пташку. Предположим, местная гопота не подкатит. А вот Ильмир мимо не пройдет.

— Поддерживаю. — Веда зашевелилась в азарте. — Главное, стой с как можно более тупым выражением лица и делай вид, что невыносимо тоскуешь по рыбалке в Карелии. И обязательно пива сунь в карманы. Да, и шлем свой дурацкий держи в руке, типа фоткаться приехал.

— Так, стоп, — не выдержал я и показал на Веду пальцем. — Почему бы вам и ее не скрыть? Она ведь тоже первый уровень.

— Моя «ямашка» напичкана защитной магией, — парировала Веда. — Мне туда нельзя. А на «голде», да без мужика, я буду выглядеть полной подставой.

— Раз мы про этого Ильмира ничего не знаем, то и про его Ирину тоже, — вымолвил я. — Что,

если она захочет тебя?

— Точно нет, — ответила Марьяна. — Они очень ценят свои гендерные традиции. С другой стороны…

Она странно оглядела Ведающую.

— Что? — спросила волшебница, глядя на свою обтягивающую футболку. — Что такое?

Мы с Якутом переглянулись. Вожак кивнул.

— Дорогие и красивые игрушки, — отчеканил я, глядя на Веду.

— Ах вы… — Веда зарделась. — Вот надо было мне промолчать.

* * *

Фест проводился у самого озера, на песке. Еще издали я заметил одинокий прожектор, сверлящий вечерние облака. Затем услышал дискотечные ритмы. Подъехав ближе, я замедлился, пуская «Голдвинг» через понтонный мост и надеясь, что меня будут замечать не дольше пяти минут.

Удобно устроившаяся позади Веда спокойно грызла яблоко, уткнувшись левым сапогом мне в ногу. Не особо возражая, я использовал ее обнаженное бедро как комфортный поручень, продолжая удерживать руль, позволяя тяжелому

мотоциклу шелестеть по песку. В подергивающейся озерной ряби я увидел отражение всех цветов радуги, истинным источником которой были мы сами.

«Голдвинг» со всех сторон окутывала светодиодная лента. Еще множество наспех закрепленных неоновых ламп затаились под обшивкой на всех узлах, включая колеса. Марьяна основательно подошла к делу, превратив «Хонду» в гибрид довольного океанского катера и сошедшей с ума новогодней елки. Одним нажатием кнопки на пульте я перевел все это великолепие в режим отслеживания окружающих звуков, и «голда» принялась интенсивно мигать в такт доносящейся с открытой сцены музыке.

Я вальяжно сполз с мотоцикла, потянул стояночный тормоз, молясь, чтобы подножка нашла под собой твердую поверхность. Ведающая помахала мне ручками с высокого сиденья. Взяв волшебницу за пояс, я снял ее и поставил на песок. Стукнув меня кулаком в грудь, она огляделась, выдерживая естественную беспечность.

— На нас уже все глазеют, — сказала она, сдувая прядь волос. — Пойду поищу вкусняшки. И помни: ты слишком крутой и пафосный, чтобы за меня переживать.

Сунув оставшуюся половинку яблока мне в зубы, она направилась к ярко освещенному подобию торгового павильона на свежем воздухе. Похоже, здесь готовились на лето устроить стихийный рынок и уже вовсю прощупывали клиентуру вроде случайных туристов.

Не заметить Ведающую было невозможно. Мотоциклетный экип она оставила вместе с «Ямахой» под присмотром стаи, переодевшись в наряд, добытый в Вологде. Топик с ниспадающей на живот сеткой, юбка мини-колокол и блестящие сапоги до середины голени — все черного цвета. Пояс с пряжкой со знаком скорпиона и такой же кулон на узком кожаном ремешке. На сиденье осталась лежать курточка с короткими рукавами. В сочетании с яркими волосами, переливающимися всеми оттенками красного в свете ламп, Ведающая выглядела просто сногсшибательно. Притом не чрезмерно открыто, а, скорее, на удивление гармонично. Возможно, на пользу пошло умелое применение косметики. Или я просто ее действительно давно не видел в чем-либо помимо мешковатых защитных костюмов.

Вспомнив, что ей непонятно какое время предстоит провести полностью без магии, я ощутил ее беззащитность. Конечно, собственную маски-

ровку мы могли снять в любой момент, но тогда выйти на клан Динаккуш будет невозможно.

За себя я не боялся. Мне пришлось оставить Якуту все магическое, включая шакрам и мобильник. Зато Вика быстро нашла мне другой, даже с ушной гарнитурой, решив, что на моем позерском виде это не отразится. Очередной отдыхарь, остающийся на связи с родной работой даже в отпуске.

Наконец, при себе все еще была хорошо зарекомендовавшая себя «эриша». Верное средство без компрометирующей магической защиты.

— Так, я тебя вижу, — раздался голос Вики в ухе. — Ты чего с яблоком стоишь, как сыч?

Откусив кусок от яблока, я швырнул его в траву.

— Не говори, что ты подключилась к моему регистратору, — сказал я.

— Зачем? У меня бинокль. Клумси передает тебе привет.

— Держи его там на поводке, — дал я рекомендацию.

— Обязательно. Блин, хвост убери от меня, шелудявка!..

На этой ноте на редкость конструктивный сеанс связи завершился. Я постоял на месте, делая

вид, что не замечаю столпившихся мальчишек, держащих почтительную дистанцию. Обошел мотоцикл, открыл задний кофр, поправил два ненужных шлема, один из которых принадлежал Ведающей — разумеется, интегральный.

Посмотрел как можно равнодушнее на окружающую обстановку.

Несколько машин разного класса, устроивших бессистемную парковку. Круглые столики на песке, занятые небольшими группами посетителей, горячо обсуждавшими самые разные темы, мирно потягивающими напитки и просто молчащими при виде лунной дорожки. Сцена пустует, и, вероятно, она просто используется как место, где можно удобно разместить динамики и светомузыку. У сцены собрались самые маленькие дети, рядом с которыми крутился то ли диджей, то ли тамада. Вот сюда бы точно Клумси.

Раздумывая, стоит ли в рамках своего образа оставлять «Голдвинг» без присмотра, я махнул рукой и пошел вслед за Ведой. Жарко, не помешает выпить чего-то холодного. Решив, что брать сдачу мне не пристало, я взамен за крупную купюру взял бутылку «Спрайта» и два пирожка с ливером.

Повернувшись, я увидел Ведающую, мирно

поедавшую сладкую вату. На фоне подведенных черной тушью глаз проявлялись едва видимые веснушки.

— Как настроение? — спросил я.

— Вкуснотища. Не проси, не дам.

— Язык так сильно не высовывай, — посоветовал я. — Не то чтобы некрасиво, просто вата быстро кончится.

— Ну и плевать, я отдохнуть хочу. Ты тут рыбы не видел?

Я принюхался, пожал плечами и откусил от пирожка.

— Не видел, но запах чувствую. Думаю, тут есть даже не только местная.

— Мне любая подойдет. И вина бы какого-нибудь.

— Ты так расслабишься раньше времени.

— Ха! — Веда ткнула меня в живот концом палочки от ваты. — Я и не собиралась напрягаться. Помни: я тут твой аксессуар.

Развернувшись на каблуке, она продефилировала вдаль, позволяя порывам ветра играть с ее юбкой. Зная, что я смотрю, показала мне «о'кей».

— В деревню загоню! — буркнул я, со свистом отвинчивая горлышко «Спрайта». — Коров доить заставлю! Раскапризничалась тут…

Громкий детский ор заставил меня поморщиться. Обойдя толпу радостных малявок, я натолкнулся на ряд невзрачных байков, среди которых ярко выделялись две модели.

И тут же нажал несколько раз на гарнитуру в ухе, снова вызывая Вику.

— Ползун, ты тут?

— Я не ползун! — рявкнула Вика. — Я ходун!

— Слушай, ходун, у нас, возможно, проблема. Позови Якута или Марьяну.

— Я слушаю, Сергей, — сказал Якут.

— Мы здесь не единственный потенциальный интерес для нашего друга, — доложил я, вытягивая голову, чтоб лучше видеть. — Тут какие-то гонщики на крутых конях.

— Описать сможешь? — спросила Вика.

— Да простые парни…

— Мотоциклы! Мне отсюда не видно!

— А, секунду. — Я подошел ближе, всмотрелся в едва заметные буквы. — Какая-то «ниндзя». И фары очень узкие.

— Якут, у них «Кавасаки», — послышался взволнованный голос Вики. — Суперспорты. Что они забыли в такой глуши?

Следом раздался шелест — Якут забирал у Вики телефон.

— Ты должен оставаться самой заметной фигурой в том месте, — напомнил он.

— Что я должен сделать? Раздолбать им байки?

— Нет! Найди гонщиков и дискредитируй их!

Манеры вожака стаи в очередной раз меня выморозили. Я смотрел на уверенных владельцев скоростных машин. Перевел взгляд на ведущего с микрофоном, с упоением пытавшегося придумать хоть какую-то веселуху. И внезапно поймал витавшую в воздухе идею.

— Якут! — Я зажал ладонью свободное ухо, чтобы лучше слышать. — Ты говорил, что несколько появившихся оборотней не спугнут клан?

— Не спугнут. Динаккуш и сами не всегда знают, кто именно входит в их ряды. Главное, чтобы они не встретили никого сильнее себя.

— Есть одна мысль. Побудь пока на связи.

И, поманив пальцем ведущего, я вытащил из кармана пачку наличных.

* * *

С бутылкой вина в руке я вернулся к «Голдвингу». Ведающая лежала на пассажирском месте, полностью вытянув ноги, и все равно не доставала ими до ветрового стекла. Себе на живот

она поставила широкую пластиковую тарелку с кусками рыбы, испускавшей изумительные ароматы.

— А я «лепс» нашла, — похвасталась она.

— Что-что нашла?

— Рыбий салатик. Лещ, ерш, плотва, судак. Прелесть!

Радуясь, что при выезде из Москвы все же положил в кофры нож со штопором, я вытащил пробку.

— Что за сорт? — спросила Веда с набитым ртом, разглядывая бутылку.

— А фиг его знает. — Я попытался рассмотреть название при мигании диодных ламп. — Акциза все равно нет.

— Пойдет. Наливай.

Я разлил вино по поллитровым стаканчикам, один подал волшебнице.

— За что? — спросил я.

— За родной край.

Мы беззвучно чокнулись.

— Смотри, — я показал на дорогу сзади себя, — сейчас будет весело.

Мимо нас, не останавливаясь, прокатились на своих колесах Марьяна и Миха, направляясь к сцене.

— Не поняла, — вымолвила Веда. — Что они тут делают?

— Дискредитируют.

— Чего-чего?

— Ты смотри, смотри.

Ведущий заскочил на сцену, стараясь, чтобы не сильно выпирал карман джинсов, потолстевший от нескольких свернутых в трубочку купюр.

— Итак, друзья мои! — обратился он. — Сейчас мы устроим соревнование на самый громкий звук двигателя! Я попрошу родителей следить за ушками своих детей, когда мы…

Веда приподнялась, чтобы лучше видеть. Я подложил руку ей под спину, и она тут же расслабилась, откинувшись на нее. Мне в тыльную часть ладони впилась застежка от топика.

— Наш первый участник…

На сцену вышел один из парней.

— На чем это они шуметь будут? — спросила Веда.

— На «Кавасаки Ниндзя».

— Ха! Нереально. Не выиграют. У них инженерка по саунду никакая.

Веда оказалась права — первый же участник, заскочив на своего коня, поддал газу и большого впечатления не произвел, хотя байк даже дер-

нулся с места. Следом микрофон отобрал Миха.

— Здорово, народ! — вскричал он. — Я Миха, и я катаюсь на «Сузуки Джебель»! Эндуро превыше всего! Кит Флинт жив!

Пламенным возгласом наш повар даже вызвал рукоплескания в свой адрес.

— Вот, это интереснее. — Веда выпила еще немного из стаканчика.

— Та-ак. — Ведущий похлопал по рулю «Сузуки», пока Миха запрыгивал в седло. — Братюня, за Флинта ты уже прямо сейчас имеешь мой голос. Но все же покажи нам, на что способен твой аппарат. Ну-ка!

Усмехнувшись по сторонам, Миха произвел несколько впечатляющих выхлопов своего «Сузуки».

— Никогда не понимала, как он это делает, — сонно поделилась Веда. — Там же двести пятьдесят кубов всего…

— Не знаю, что на это ответить.

— Тогда слушай умных людей.

Марьяну не пришлось вызывать на сцену — к миловидной женщине ведущий решил подойти с микрофоном сам. Звуки двигателя «Эксплорера» прозвучали несколько певуче — Марьяна решила брать не громкостью, а плавностью из-

менения высоты тона. На меня это произвело впечатление, а реакция публики со своего места мне оставалась непонятной.

— Марьянка умничка, — сказала Веда. — Как я ее люблю… плесни еще.

— Возрожденная, тебе уже хватит. — Я с укором отодвинул протянутый стакан.

— За Кита Флинта!

— Так и быть. — Я чуть плеснул на самое донышко.

— Ну и бяка, — надувшись, она отвернулась.

Я наклонился и мягко поцеловал ее за ушком.

— Эй! — Веда уставилась на меня недовольно, растерянно и даже с тоской. — Ты это чего?

— Проверял, есть ли на тебе сережки.

— Что? — Веда потрогала себя за ушки двумя руками сразу. — Нету. Забыла. А… ты надо мной издеваешься?

— Смотри! — Я показал на сцену. — Сейчас второй парень зажжет.

— Не зажжет. — Веда отняла у меня бутылку. — У него движок такой же, как у первого.

Раскатистые выхлопы пронеслись над озером, и Веда застыла, не успев поднести горлышко бутылки к губам.

— А может, и не такой же, — вымолвила она. —

Он заряженный! А так можно?

— Без понятия, — ответил я. — Мы условия не слышали.

Знакомый звук и вонь бензина заставили нас обернуться.

Прокладывая колесами неровную колею, мимо нас прокудахтал «менестрель», ведомый Тощим Гилмором. С ракурса сцены он, должно быть, напоминал мутировавший паровоз.

— Так-так, у нас появился неожиданный участник, — сказал ведущий, озадаченно глядя, как гость паркует чудовище прямо между двух «Ниндзей». — Как тебя зовут, друг?

— Гиля, — довольно ответил друг, набивая трубку.

— Ясно, Гильермо, добро пожаловать. — Ведущий поднес ему прикурить. — Скажи, как же называется твой мотоцикл?

— «Пердящий менестрель», — пробасил Гиля, поднеся микрофон к самым зубам.

Публика, особенно детская, засмеялась. Ведущий почти не наигранно прикрыл раскрытый рот ладонью.

— Ясно, ясно, — сказал он. — Ну, Гиля, поддай нам жару!

Ухватив трубку поудобнее, Гиля надвинул

фуражку и хватанул ручку газа, выворачивая вверх.

Хорошо, что я был подготовлен — успел выхватить бутылку из пальцев Веды сразу, как волшебница при инфернальных звуках чуть не взвилась на гелевой подушке, двинув блестящими сапогами прямо в ветровуху. Диагонально поднятые вверх трубы «менестреля» от форсажного выхлопа выпустили снопы пламени. Несчастные суперспорты мигом забросало песком. С верхнего угла одного из киосков слетела рекламная растяжка. Эхо от бешеного рева мотора гудело в голове еще пару минут после того, как Гиля отпустил дьявольские рычаги.

— Это было… — Дальнейшие слова ведущего заглушил зафонивший микрофон. — Ну что, друзья мои, голосуем за победителя!

— Не желаете поучаствовать? — раздался откуда-то сбоку вкрадчивый голос.

Веда повернулась, за ней и я.

На песке, одетый в белый летний костюм и сетчатые туфли, стоял элегантный молодой мужчина с зачесанными назад волосами. Следом я ощутил в голове легкое покалывание.

Попытка магического сканирования.

Ильмир из клана Динаккуш.

Глава 7

Я продолжал стоять у мотоцикла, стараясь совладать с волнением, сердцебиением и порывами выставить магическую защиту. Не мог даже посмотреть на Веду, чтобы оценить ее реакцию, — наверняка инкуб ее тоже сканировал. Если завеса сработает как надо и в нас ничто не выдаст Иных, то может получиться интересный разговор. В рамках собственного образа я поглядывал на гостя, делая вид, что мне безумно скучно в этом провинциальном месте.

Жестом, словно возвещающим о выдвижении имперской армии, инкуб показал на сцену.

— Испытание звука, — повторил он. — Не хотите поучаствовать?

— Благодарю, но откажусь, — сказал я. — Это зрелище для более приближенных к земле.

Чуть повернув голову, инкуб усмехнулся и шагнул к нам.

— Не желаете ли сказать, что вы чуть ближе к небожителям, чем эти дети?

Веда провела рукой по моей щеке, приковывая внимание инкуба к черному лаку на своих ногтях.

— Он именно это и сказал, — промурлыкала она.

Глубокомысленно кивнув, я слегка сжал ее коленку и добавил:

— Все мы смертны. Кто-то раньше, кто-то позже. Пока мы на земле, приходится искать более стоящие удовольствия. Даже если придется пройти через ряд менее стоящих.

— О, великолепно сказано, — восхитился инкуб. — Менее стоящие удовольствия… да, именно так это и можно описать. Нет высшего наслаждения, чем вечный поиск сложного в простом и простого в сложном. Посмотрите на эти милые лица у сцены. Казалось бы, цивилизованные люди, почти все опрятно одеты, блюдут относительные акты вежливости и изо всех сил делают вид, что это их истинное обличье. Но стоит им услышать рев мотора, как из недр души и сознания всплывают низменные инстинкты. Звук — бежать. Охотиться. Соревноваться, в том числе за пару. И все это — под обликом цивилизации. Разве это не прекрасно?

Я вопросительно посмотрел на Веду, полагая, что она выражением лица отразит свое отношение к красотам облика цивилизации. Не дождался и потому спросил:

— Как зовут тебя, друг?

— Здесь мы можем обходиться без имен, — проговорил инкуб, явно балдея от звука собственного голоса. — Имена не отразят всей глубины того, кто мы есть. Как вам здешние вина, кстати?

Лучше бы он про пиво спросил. Как только я изобразил работу мысли, Веда ответила:

— Аромат крепленого с легким послевкусием «Изабеллы».

— Именно, — сказал я. — Эффект смазывается от сочетания озерной и речной рыбы. Впрочем, в некоторых домах Европы можно оформить патент на сочетание.

— Точно, — кивнул инкуб с придыханием. — Желаете оформить?

— Я сказал, что могу, а не хочу. — Кинув быстрый взгляд на инкуба, я заметил в его глазах внимательный анализ собеседника. — Глупо заниматься тем, что толпа не воспримет, и притом делать вид, что делаешь это ради толпы. Посмотрите на них. Пришли на праздник и ищут его снаружи себя. А между тем достаточно ворваться к ним без стука на дорогом мотоцикле с пошлыми огнями, и они уже радуются. Им за праздник сойдет все, что хоть как-то разбавит их серое существование. Огни, карбон и пластик — все это

мишура. Все удовольствие кроется в понимании реакции толпы.

Я перевел взгляд на Веду, нежно взял ее карминовый локон и добавил:

— И настоящую красоту здесь вижу я один.

Веда чуть приоткрыла рот. Может, поддерживала эротичную игру в поддавки. А может, собралась в меня плюнуть. Наверное, Ильмир нашел бы красоту в обоих случаях.

Вместо этого инкуб медленно сомкнул ладони и начал хлопать — громко и не торопясь.

На сцену тем временем забрался Гиля с микрофоном.

— Друзья, — сказал он с детской радостью. — Спасибо вам всем за то, что вручили моему «менестрелю» первое место. Сегодня и всегда он будет пер… работать для всех вас! Спасибо!

С этими словами Гиля сорвал с шеи платок-арафатку и трогательно вытер глаза, сорвав свист и овации. Вино в моем желудке запоздало дало о себе знать, и мне захотелось еще пирожка с ливером.

— А если бы мы могли жить вечно? — произнес инкуб. — Вообразите величие перед обществом, помешанным на ипотеке и выборах. Больше никаких дерганий в стороны, никакого страдания.

О, сколько чудесного приоткрыл бы перед нами мир, имей мы хоть малую толику магии в своих жилах. Чувствовать, как сама жизнь пронизывает нас, вручая ключи от нитей мироздания. Видеть истинные краски…

Я едва не закашлялся. Более романтичного описания Сумрака я еще не слышал. Мне захотелось схватить инкуба за шиворот, хорошенько встряхнуть и затащить на второй слой — пусть поищет в тамошнем унынии жизнь и краски. Если уж разводишь, так хотя бы соответствуй.

Посмотрел на волшебницу, затем на лес вдалеке.

— Хочу жить вечно, — мечтательно сказала Веда, разжимая пальцы, позволяя бутылке упасть в песок, а вину выливаться. — Оставаться всегда молодой. Мне много удовольствий не надо. Хватит и уже изведанных — зато бесконечных. Тех, где толпа не наблюдает.

Не спеша сев на мотоцикл, я запустил двигатель, позволяя Ведающей расположиться спереди и лицом ко мне. Юбка-колокол натянулась, когда волшебница на секунду села мягким местом точно в навигатор «Голдвинга». К счастью, экран выдержал. Не удивлюсь, если его и на это тестировали.

Инкуб завороженно смотрел, как я нажатием кнопки опускаю ветровое стекло, чтобы Веда смогла разлечься спиной на приборной панели и плавно раскинуть руки в стороны, глядя в небо. Когда мы тронулись с места, Ведающая уже успела намотать себе на ногу конец светодиодной ленты, до того болтавшийся в районе заднего колеса. «Голдвинг» исполнил плавный круг почета возле сцены, будто демонстрируя пренебрежение к соревнованию шума. Замелькали фотовспышки — кто-то снимал нас на гаджеты. Я поймал вопросительный взгляд Марьяны и слегка коснулся кнопки заднего хода, намекая на то, что цель сзади нас. Она медленно кивнула.

Поддав газу, я пустил мотоцикл в проворный подъем по тропинке на холм. Вокруг сразу же стало темно.

— Загадку вспомнила, — произнесла Ведающая, чьи развевающиеся волосы привносили немного сумасшествия в подсветку панели. — Она с тобой начинает добровольно и продолжает вынужденно. Когда ты двигаешься, она движется вместе с тобой. Она повторяет наклоны твоего тела, помогая тебе держать ритм. Она полностью зависит от тебя, пока ты не замедлишься, но, если остановишься слишком резко, она может про-

пасть навсегда. Потому что она от тебя зависит целиком и полностью. Кто она?

Чувствуя колено волшебницы на своей груди и видя освещенную неоном кожу всех открытых участков ее тела, я почувствовал легкое головокружение. И ответил:

— Женщина.

Колено пнуло меня так, что я едва не свалился.

— Вот же ты глупый, — вымолвила Веда. — Правильный ответ: пассажирка мотоцикла. Задачка с питерской автошколы. И смотри на дорогу, будь любезен.

Я остановился на вершине холма, погасил фары и неоновые огни. Нас и без того быстро найдут.

Отсюда открывался отличный вид на озеро. Зона фестиваля оказалась за пределами видимости. Дул прохладный ветер, и Веда накинула свою курточку, которая все равно особо не спасала. Надо было мне возить в кофрах «якутские» балахоны.

— Интересно, мы здесь одни? — спросила волшебница нейтральным тоном.

— Наверняка, — ответил я. — Что здесь делать людям? Тут же глушь.

Ведающая посмотрела вокруг на сложенные очаги для пикников, неровные бревна и примятую от палаток траву. Взглянула на меня с

тревогой. Она поняла: маловероятно, чтобы в такую ночь, да еще и в момент хоть какого-то праздника, на этом холме не оказалось ни единого человека. Никакая парочка не забрела, ни один подросток на байке не заехал — никого.

Такое может быть, только если рядом охотятся Иные.

Нас могли продолжать сканировать прямо сейчас, и мы бы ничего не заметили. Возможно, на нас прямо сейчас висят метки цели для десятков вампиров и оборотней по кустам. Нам стоит только посмотреть сквозь Сумрак — и все возможные враги окажутся перед нами как на ладони. И этим же мы выдадим себя. Ничего не поделаешь, придется подождать.

Я посадил Веду на место водителя, включил обогрев сиденья. Хоть какая-то компенсация пронизывающему ветру, атакующему обнаженные ножки моего аксессуара. Расстегнул куртку, и Веда тут же запустила под нее руки. Уткнулась головой мне в грудь. Я обнял ее, и мы так молча ждали целую вечность. Мне даже удавалось не только блаженствовать в оцепенении, но и сохранять относительно трезвое мышление. Понимать, что я стою спиной к озеру, и напасть на меня сзади нельзя. Держал угол зрения в три чет-

верти круга, готовясь в случае чего окружить нас с Ведой сплошным «щитом мага» и тем самым дать волшебнице знак. И ждал.

— Ладно, — произнес я наконец. — Ты не замерзла?..

Мои руки обхватили пустоту.

Я стоял у «Голдвинга» один.

— Веда? — спросил я, холодея. — Ты здесь?

— Всегда, — услышал я ответ и быстро повернулся.

Ведающая стояла возле потухшего костра, по-домашнему улыбаясь, играя с кулоном скорпиона на шее. Уровень ее притягательности перевалил за планку «вне категорий», грозя достичь абсолюта.

— Мне холодно, — произнесла она с тем налетом жалобы, которую временами могла выразить лишь настоящая Веда. — А ты заснул и не заметил. Хватит уже дурака валять. Никого здесь нет.

На первый взгляд, ничего не изменилось. Все такое знакомое, от искринок на сапогах до красных локонов. Но дьявол всегда в мелочах.

— Хорошая попытка, Ирина, — сказал я. — Как ты это сделала? «Морфей»? Или у диких свои заклинания?

Пальцы на кулоне застыли.

— Ты Иной, — произнесла она. — Темный. Но как?

— Спроси Ильмира как, — ответил я. — Должна была понять, когда коснулась. А касалась ты отменно, признаю. Зато теперь и мне нет нужды прятаться.

— Кто же ты? — спросил суккуб, оставаясь в столь знакомом облике.

— Простой мажор-«голдовод». Лицо, чуть не обманутое суккубами.

Она опустила руки, не меняя улыбки.

— Но я — это она, — сказала Ирина. — Я живу в ней. Тело, которое ты видишь, — это она, настоящая. Сейчас я в ней. Я могу быть в ней всегда. Захочешь — верну ее прежнюю. Захочешь — впорхну снова и сделаю все, что ты пожелаешь. Она будет счастлива. Ты будешь счастлив. Вы будете счастливы. Я понимаю ее, вижу все ответы. Знаю, что она думает о тебе, что чувствует, чего ждет. Смогу подсказать.

Ее руки чувственно прошлись вдоль изгибов собственной фигуры.

— Это правда, — сказала она. — Если ты Иной, то видишь, что я говорю правду. Ты знаешь это тело. Ты хочешь его и даже когда-то имел. Но никогда не мог получить всего, на что оно способно.

Подумай: я позволю все. И то, что ты сделаешь, ей понравится.

Я вздохнул, поправляя куртку, и сказал:

— Рад бы. Но… недостаточно горячо.

Суккуб шагнул ближе, заставляя меня чувствовать бешеное бурление крови в жилах. Если ей удастся меня поцеловать — мне конец. Хотя лучшего конца для своей жизни я не представлял. Черт побери, имитация настолько повторяла оригинал, что грозилась его превзойти через несколько мгновений. Уже сейчас находить отличия становилось все сложнее.

Она училась и совершенствовалась на глазах.

— Недостаточно? — произнесла Ирина. — Это легко исправить. Давай я сделаю горячее, Сереж. Разве может быть горячее? Разве я не горячее, чем она?

— Безусловно, — ответил я, встряхиваясь. — Но, дорогая, я не о тебе говорил…

Произнеся это, я тут же забыл, что имел в виду. Нечего было строить из себя неприступного детектива. Я находился в личной нирване. Зачем что-то менять?

— Ну конечно, обо мне. — Ее губы приблизились к моему лицу. Знакомые руки обвили меня за шею. Мне стало дурно в самом лучшем смысле

этого слова.

— Не совсем, — произнес я, с трудом борясь со сном. — Я говорил о своем… большом… твердом… горячем… круизере…

Губы остановились в миллиметре от моих.

— Что? — спросил суккуб.

Оторвавшись от нее, я хлопнул по сиденью «Голдвинга».

— Недостаточно горячо! — живо сказал я, скидывая наваждение. — Грелка для попы. Ведающая сидит на ней, прямо здесь и сейчас, куда я ее и посадил. Забирает тепло. А это значит, что тело, которое я вижу перед собой, — не она. Мы вообще не в нашем мире. Дневной Дозор! Развеять иллюзию!

Пошевелив пальцами, я приготовил «тройное лезвие».

— Жаль, — разочарованно сказала Ирина. — Может, Ильмир будет более талантлив в соблазнении твоей…

Я выстрелил «лезвием» в траву у ее ног. Ошметки почвы осыпали суккуба, забиваясь в сапоги.

Ирина улыбнулась шире.

— Ну конечно, — сказала она. — Ты не посмеешь повредить это тело. Никогда не сможешь смотреть ей в глаза.

Она резко провела пальцем по своему горлу.

— Ты хочешь снести эту голову с плеч, Темный? Хочешь знать, как она выглядит изнутри? Думаешь, что сможешь забыть?

«Тройное лезвие» над моей выставленной кистью потухло, и я сказал:

— Ты перестаралась. Ведающая никогда не улыбается, если возбуждена. Она все показывает глазами, дыханием, дрожью. Такое не повторить, если сама никогда не любила. А суккубы, получающие все и всегда, не озадачиваются любовью. Они внушают страсть другим, но сами на нее не способны. Она им просто не нужна. Как и всем существам, получающим все легко и безболезненно.

Ирина перестала улыбаться. По знакомому лицу прокатилась гримаса ненависти.

Я шагнул ближе, схватил ее за куртку, рванул к земле, заставляя пасть на колени.

— Не смей оскорблять ее, копируя этот облик! — процедил я, нащупывая рукоятку револьвера. — Давно серебра не ела?

— Ты пропустил последний шанс быть с ней! — зашипела она, стремительно теряя очертания Веды и показывая полный рот странных пятиугольных клыков. — Я коснулась ее, я все знаю!

Она тебя никогда не захочет!

Курок щелкнул ударником по капсюлю за миллисекунду до того, как знакомое лицо окончательно исчезло, сменившись на внешне привлекательное, но все же чужое и злое. Выстрел прервал ее фальшивое существование.

Я поморгал, отвернулся и увидел, как по поляне носятся волки с оскаленными пастями. Они преследовали орущих вампиров, инкубов и кого-то, в ком уже оказалось невозможным распознать природу. Предсмертный страх у низших сильно искажает ауру.

Закрыв глаза, Ведающая лежала на «Голдвинге», словно на островке безопасности посреди штормящего океана. Я накрыл ее «щитом мага» и присоединился к битве, пуская пули и заклинания по низшим, не щадя никого, кроме оборотней, на случай, если перепутаю. Мне пришлось перезарядиться всего дважды, как бой закончился.

Покрытый шрамами волк остановился рядом со мной, выразительно задрав пасть. С его клыка свисал кусок белой ткани от пиджака Ильмира.

— Спасибо и тебе, Якут, — сказал я. — Тела отправлю в Сумрак. Возвращайтесь в лагерь, завтра там встретимся.

Склонив морду в знак согласия, волк скрыл-

ся в густых зарослях, а следом за ним и вся стая. Я быстро распылил тела, даже не стараясь придать поляне нормальный вид. Выключил телефон, отрубая связь с лагерем полностью.

— Что я пропустила? — сонно спросила Веда. — Все закончилось?

— Да, — сказал я. — Клан Динаккуш разгромлен.

Веда спрыгнула в траву, едва не упав. Провела руками над своей головой, вычищая ментальное воздействие. Осмотрела себя, нахмурилась при виде сбившейся от нагретого сиденья юбки, стала разглаживать ее неровными жестами.

— Ирина, — сказала она уже вполне бодрым голосом. — Меня коснулся суккуб, всего на секундочку. Что-то скопировала из памяти, зараза. Она тебя соблазнила? Скажи прямо, все равно узнаю!

— Если бы соблазнила, меня бы здесь не было. — Я убрал револьвер.

— Честный ответ, — сказала Веда. — Как и всегда. Знаю, что ты не поддался. Я же все видела. При касании эта стерва не сняла связь.

Она обняла меня, и я зарылся носом в ее волосы.

— Спасибо, — пробубнила она мне в куртку.

— За что, Веда?

— За то, что не предпочел ее.

— Нет никакой «ее», — сказал я. — Есть только ты. Я люблю тебя.

Ветер, казалось, затих.

— Повтори, — вымолвила она, шмыгая носом.

— Я люблю тебя.

Мы молчали, пока наши сердца не перестали бешено стучать. Веда посмотрела на меня — заплаканная и счастливая.

— А мне все равно холодно, — сказала она. — Ты на своем круизере одеяло не возишь?

— Есть спальник в кофре.

— Доставай.

Я вытащил походный пуховик. Взяв меня за руку, Веда повела меня подальше от побоища, в чистую глубину нетронутой чащи. Стояла, дрожа всем телом и переминаясь с ноги на ногу, пока я выбирал ровное место для одеяла. Когда я закончил, волшебница совсем продрогла.

— Что там она сказала тебе напоследок? — спросила Веда. — Я не услышала.

— Сказала, что ты никогда меня не захочешь.

— Ой, да пошла она! — Ведающая притянула меня к себе, и наши губы соприкоснулись. Мягкими касаниями я согревал ее открытые небесам ноги и спину, пока она стаскивала с меня куртку,

выбрасывая в траву револьвер вместе с кулоном скорпиона, превращая наши поцелуи в мокрые и жаркие.

И тогда стало достаточно горячо.

Глава 8

Рассвет встретил нас уверенно — прокатился по озерной глади, проник сквозь кроны деревьев и добрался до наших перерожденных тел. Веда потерла нос о мое ухо, плавно потянулась, снова закрыла глаза.

— Я взывала к тебе каждый день, — вымолвила она. — Только не словами. Сердцебиением.

— Извини, — тихо произнес я. — Не слышал.

— А ты бы и не смог, глупыш, — улыбнулась волшебница. — После пролета сквозь Сумрак оно совпадало с твоим. Только там ты и мог его услышать. Мне было забавно так над тобой шутить.

— Никогда не знал о таком.

— Темных этому и не учат. Помоги мне собрать вещи, пока их ветер в воду не сдул.

Спустя пять минут мы уже покинули холм и проезжали через понтонный мост, оставляя позади опустевшую сцену, на которой махал шваброй крепко поддатый сторож. Почуяв свободу, «Голдвинг» с уже потухшей лентой вынес нас за пределы города в сторону Антушево, к западу от которого укрывалась стая.

На этот раз Веда сидела сзади, как и водится

приличной даме, надев на голову собственный шлем и закутавшись в пуховик. Очевидно, чтобы я не скучал, она то и дело играла на моей спине в крестики-нолики, попутно пытаясь стереть о мотокуртку остатки лака.

Так мы ехали, пока из-за поворота не показалась незнакомая боевая колонна.

Если бы я ехал один, то все могло пойти чередой параноидальных случайностей — от выставления самых разных защит до превентивного нападения и боя в Сумраке. Однако это утро уже настолько отличалось от всех других за последние четыре года, что я просто сбавил ход и сдал на обочину.

— Тихо, — шепнула Веда. — Ничего не делай.

Я ничего не делал — просто сидел, поставив левую ногу на холодный асфальт, и готовый газануть с места прямо в поля. Смотрел — простым зрением и сумеречным.

Колонна впечатляла. Два укрепленных джипа — настоящих внедорожника, а не тех, что выдают за подобные, — несколько незатейливых в ремонте мотоциклов и два фургона, которые можно было бы принять за инкассаторские, если бы не их увеличенная длина. В середину затесались также грузовик и микроавтобус. Никакой

аляповатости, никаких броских красок или выступавших шипов, как любили дикие кланы. Однако почти весь транспорт в колонне имел защиту вроде бронепластин или укрепленных колес. Все было спроектировано с умом, без намерения произвести внешнее впечатление. К тому же от свечения охранных заклинаний мое сумеречное зрение расплывалось в сплошное пятно.

Перед нами колонна остановилась — плавно, не торопясь. Кабина грузовика чуть качнулась вперед, тормозные колодки испустили томный стон. Веда схватила меня за плечо, впиваясь ногтями. Я крепче сжал рычаг газа.

Один из фургонов, показав поворотник, подъехал к нам ближе, остановился. Из правой двери на землю спрыгнула не знакомая мне женщина. Как и большинству ведьм, ей можно было дать лет тридцать или около того. Ее вид можно было бы назвать любезным настолько, насколько может выглядеть случайная попутчица, остановившаяся спросить дорогу.

— Привет, — сказала она, подходя ближе. — Тебя не узнать. Совсем другим тебя представляла.

Я не изменился в лице, хотя всеми силами пытался понять, как же могу выглядеть. Пусть мое лицо скрывает солнечный визор модуляра,

но аура выдает во мне того, кто я есть. Темный Иной со Светлой волшебницей позади. Вряд ли подобные парочки рассекают в окрестностях Белозерска толпами. Нас ни с кем невозможно перепутать.

— Дохсун, это же я, — сказала ведьма. — Наташа. Экспедитор каравана. Извини, что фотку не выслала. Знала бы куда — исправилась.

Я пожал плечами, надеясь, что подозрительных вопросов не возникнет. Места для импровизации я пока не нашел.

Наташа посмотрела на Веду, снова на меня. Кивнула, словно одобряя мой выбор.

— Понимаю, я не вовремя, — сказала ведьма. — Слушай, Дохсун, наш контракт закрыт. За эликсир спасибо. Хотелось бы вместо одной порции получить три, как договаривались, но и так сойдет. Нам, в общем, одной достаточно для производства. Ты молодец. А куда едешь хоть? Мы вот на паром хотим успеть.

Мое сердце билось настолько, что я не знал — то ли Ведающая взывает ко мне с заднего места, то ли это я сам стараюсь не пропустить ни единого слова из услышанных. Уклончиво показав в сторону Белозерска, я махнул рукой.

— Не понимаю, — сказала Наташа. — Сними

шлем, давай хоть так пообщаемся.

Делать было нечего. Левой рукой я поднял визор. Наташа смотрела в мое лицо, не изменившись в собственном.

— Да уж, ты неплох, — сказала она. — Совсем не похож на других. Понимаю, чего ты стаю кинул. Динаккуш твои там здорово погоняли, мы по дороге все еще тупиц встречаем. Кстати, мы взяли какую-то из волчиц.

Она показала на фургон и добавила:

— Страховка, если что.

Молчать дальше я счел опасным. Убрал руку с рычагов, медленно взялся за шлем, снял с головы. Спросил:

— Они у вас защиты просят?

— Кто, инкубы? Нет, не просят. Хотя могли бы. Защита — единственное, что Набдрия-Скуж может предоставить в долг. Но кто о ней попросит, с тем других дел иметь нельзя. Хорошо, что ты не стал за защитой обращаться. К нам не хочешь?

Я повернулся, посмотрел на Ведающую, ожидая ее мнения. Волшебница тихо вздохнула.

— Нет, — ответил я. — На сегодня у меня другие планы.

— Ясно, — протянула Наташа. — Ну, смотри тогда сам. Дохсун, ты бы двигал отсюда со своей

подругой. Динаккуш думали, что мы место зачистим. Когда поймут, что нас нет, — разбегутся все, кто выжил. И тогда твой брат за тебя примется.

И, обращаясь к Веде, Наташа сказала:

— Повезло тебе с ним. Не провтыкай своего оборотня. Он клевый.

Махнув колонне, Наташа вернулась к фургону, но на полпути остановилась и крикнула:

— Между делом, «камчатка» твоя не настолько крута! Мы флакон на ингредиенты просветили. Кто ее принял, тот долго не живет. Драться будет на совесть, но скоро окажется затянут в Сумрак и не сможет вернуться. И на симптомах спалиться можно. Там настойка от Млечника добавлена. От нее сразу фиолетовая сыпь под глазами и волосы краснеют. И хвост отваливается. Ха-ха, шутка. Короче, встретишь свое снадобье у барыг — не принимай сам, целее будешь.

— Конечно, нет, — ответил я. — Мне для боя хватает своих талантов.

Наташа показала на меня указательными пальцами с двух рук и залезла в фургон. Через минуту дорога опустела.

Веда закашлялась. Я нашел шлем снова и поехал вперед, надеясь, что дрожь вызвана потоком встречного воздуха.

— Что это было?! — выкрикнула Веда почти в панике.

— Не знаю, — ответил я. — Погоди, дай подумать.

— Это был торговый караван?

— Да. Контрабандисты из Набдрия-Скуж. Больше некому.

Веда минуту помолчала.

— Она тебя приняла за какого-то оборотня! Кто такой этот Дохсун?

— Веда, никогда про него не слышал!

Волшебница подумала еще и спросила:

— А чей у тебя мотоцикл?

Передо мной словно расступилась пелена. Я зажал рычаг тормоза, позволяя своей спине амортизировать инерцию Веды, едва не выбившей меня с седла. Быстро слез, снял шлем снова, роняя его на асфальт.

— Ну конечно, — прошептал я. — Мотоцикл…

— Говори громче, я не слышу!

— Якут оставил в Москве два мотоцикла. В стае не хватало как раз двух оборотней. Один должен был похитить «камчатку» руками второго. Мы не видели его лица, не знали имени, ауры или других признаков. Все, что у меня было, — его обгоревшая от взрыва перчатка…

Я прикрыл лоб ладонью и вымолвил:

— Каратель. Я езжу на мотоцикле Карателя.

— Ты про того, что должен был стащить эликсир?

— И похоже, он через кого-то передал его клану. И в этом клане у него есть… брат…

Последние слова я пробормотал в полной растерянности. Веда внимательно наблюдала за мной, готовя «пресс», видимо, чтобы придержать меня, если я упаду в обморок.

— Якут получил травмы рук, спасая своего брата, — говорил я, слушая собственные слова как чужие. — У Карателя была повреждена рука. И я решил, что это из-за взрыва. Но что, если у него был такой же магический ожог, которого мы не заметили под новыми ранами?

— «Камчатку» похитил брат Якута? — спросила Веда недоверчиво.

— Да. — Я посмотрел на «Голдвинг». — Дохсун из клана Якута. Родной брат вожака стаи. Оборотень-террорист, который убил девять человек. Заказал нападение на Инквизиторов. Получил магический энергетик, потратил одну дозу на себя. Так, что осталась одна вместо трех. Почему одна? Не важно, пока не знаю… Он принял дозу энергетика, оставил «камчатку» кому-то из стаи

и пошел убивать нас. Меня, Агеева, Борисова — всех, кто мог напасть на след. Остался оберегать стаю и своего союзника в ней. А союзник передал флакон клану Набдрия-Скуж.

— Кто союзник? — в нетерпении спросила Ведающая. — Неужели сам Якут?

— Не знаю, — пробормотал я. — Не знаю, Веда. Может, и Якут. Хотя он так говорил о брате, словно ему уже было все равно. Он не знал, жив ли тот еще. Но Якут непременно должен был знать, что Дохсун был жив перед выездом из Москвы, потому что для него был заказан «Голдвинг». И тем не менее при вскрытии Карателя не нашлось печати на питание, которые получила стая… Значит, Дохсун был теневой шпион… Нет, не шпион. Скорее, изгой.

— Дохсун украл «камчатку», чтобы снова завоевать доверие Якута?

— Похоже на то. Якут относился к брату скептически. Дохсун хотел отдать флакон местному контрабандному каравану, но взамен на что? Свободный проход? Контроль над территорией? Что он мог такого пожелать для стаи и своего брата?

Я подобрал шлем и тут же едва снова не шандарахнул им об асфальт от избытка эмоций.

— Если бы эта ведьма нам встретилась без

охраны! — взвыл я. — Всего минута допроса — и ответы были бы у меня! И «камчатка» тоже!

Веда поправила пуховик.

— Может, надо было просто спросить? — предположила она. — Эта Наташа приняла тебя за своего оборотня.

— Не могу понять почему, — покачал я головой. — Пусть с Дохсуном они не встречались, потому что он был мертв. Пусть он успел передать им информацию, что в случае чего должны ждать человека на «Голдвинге». Естественно, не в волчьей форме он собирался встречаться с контрабандистами. А я как раз приехал на «Голдвинге». Но я же не оборотень! Тогда как…

Я уставился на Веду сумеречным зрением, которая, в свою очередь, сделала то же самое в мою сторону.

— Иллюзия, — сказал я. — Мы вчера скрыли ауру. Ты свою сняла попутно, когда развеивала иллюзию суккуба. Но я свою не снял, потому что было не до того.

— Точно, — произнесла Веда. — Ты прав, на тебе все еще висит вуаль, хоть и слабая. Вчера казалось, что ты человек. А сегодня видно, что Иной. Только непонятно, что маг. По ауре тебя можно запросто принять за оборотня. Вернее,

оборотня с плохими намерениями.

— Хорошо, — сказал я. — С этим решили. Думаем дальше. Кто может быть сообщником Дохсуна в стае? Решим этот вопрос — поймем, с кем надо дальше разбираться. А за контрабандистами вызовем спецгруппы Дозоров.

— Ты сказал, что Якут оставил два мотоцикла.

— Да. На втором катается Клумси.

— Но для кого был предназначен второй?

Ответ пришел ко мне сразу, и я долго не хотел его озвучивать.

— Для Клумси и предназначался, — проговорил я. — Он жаловался, что его должны были принять в стаю за помощь и обманули. Хотя ставки были такие, что Дохсун вполне мог замолвить за него словечко Якуту. Но в таком случае…

— Нет, — прервала Веда. — Не может быть.

— Клумси и есть сообщник Дохсуна? — Я стиснул кулаки, желая причинить себе боль. — Ведь то, что он якобы ни при чем, мы знаем лишь с его слов.

— Прекрати, — пригрозила Веда. — Серьезно, прекрати. Ты про нашего Клумси?

— Не хочу верить, — помотал я головой. — Не складывается.

— Стоп! — крикнула Веда. — Пока что ты ана-

лизировал факты. Но сейчас переходишь на гипотезы, забиваешь голову теориями. Садись, и поехали. На месте все выясним.

Я так и сделал, и скоро «Голдвинг» послушно повез нас в ставку клана. Нет, призрак Дохсуна-Карателя не будет витать над ним. Это мой мотоцикл.

Перед Антушево я свернул в условленное место. Еще несколько минут по бездорожью — и мы прибыли в окружение палаток. Нас встретил Миха, быстро махнув кому-то в стороне. Скидывая одеяло, Веда сразу же побежала к своей «Ямахе», на которой висел ее мотокостюм.

— Где Якут? — спросил я Миху, который уставился на наряд убегавшей волшебницы. — Думай, быстро!

— Э-э, в коричневой палатке. Шатер мы не разбивали. Готовились уезжать.

— Вся стая в сборе?

— Почти вся. Слушай, наш тур закончен, сезон закрыт. Помоги собрать…

— Кого не хватает? Думай, Миха!

— Да не знаю я, — с недоумением посмотрел повар. — Ты чего?

Сверху спрыгнул серый пушистый комок, вырастающий в размерах.

— Привет, — радостно сказал Клумси. — Вы вернулись?

Я смотрел в его честные, наивные глаза, и мне захотелось себя ударить.

— Приятель, — сказал я. — Сделай доброе дело, вернись в кота. А то мне так тебя погладить хочется. Пушистого как-то приятнее.

Клумси с подозрением оглядел меня и буркнул:

— Сто баксов. Деньги вперед.

— Понял, обойдусь. — Я пошел искать вожака.

— И не называй больше Вику ползуном! — напомнил напарник.

Я ворвался в высокую палатку, служащую складом для всякого походного барахла. Якут был внутри, в очередном балахоне, разглядывая свои перчатки. Меня он встретил без воодушевления.

— Нам надо поговорить, — сказал я без предисловий. — Наедине.

— Закрой вход, — произнес вожак. — Что случилось?

Застегнув молнию палатки, я повернулся к нему и сказал:

— То, что я убил твоего брата.

* * *

Сгорбленный и тяжело дышащий Якут в своей коричневой робе сильно походил на самого себя в волчьем облике. Мой короткий рассказ добавил ему шрамов — из тех, которые запрятаны настолько глубоко, что никакой Сумрак их не проявит.

— Значит, так суждено, — выговорил он. — Дохсун всегда был сам по себе. Все, чем он хотел укрепить стаю, только разрушало ее. Он был умен, мыслил тактически, но методы…

— Он убивал людей, — сказал я. — Не просто убивал — не считался с потерями.

— Думаешь, это должно меня впечатлить? — Вожак посмотрел на меня с усталостью.

— Должно. Ты не убиваешь людей.

— Темный, ты пробыл с нами слишком мало.

— Я пробыл с вами достаточно, чтобы видеть, кто ценит чужую жизнь, а кто нет. Что по морали Иных, что по человеческой.

— Ты ничего про нас не знаешь! — Глаза вожака заблестели с ненавистью, казалось, направленной на себя самого. — Ты видел, как я помогал Вике пройти через ритуал или еще что-то похожее. Но я помогал не человеку. Я помогал

будущему оборотню. Все, что я делал, было во имя роста и укрепления стаи. Если бы Авеалаш или другие кланы заключили договор с Ночным Дозором на убийство нас — ты бы бегал за ними и точно так же говорил, что они делают хорошее дело и правильно охотятся на каких-то там якутов.

— Не бегал бы, потому что я не из Ночного Дозора. Хотя ты прав, мне почти не удалось вас узнать. Но все, что я видел, укладывается в ваш знак.

Я показал на его перчатку, которую вожак теребил, словно четки.

— Волчья лапа и человеческая рука, помогающие друг другу, — сказал я. — Некоторые вещи не подделать, Якут. Вы не агитируете молодняк под воодушевляющие лозунги. Вы в самом деле такие. Придерживаетесь своей позиции.

Якут попробовал надеть перчатку и с выражением ярости бросил попытку.

— Однажды брат связался со Светлым магом, — сказал он. — Из тех, с кем нельзя иметь дела. Из тех, кого не должно было существовать. Под личиной волшебника спрятался равнодушный колдун, ненавидящий все живое. Он не строит злодейских планов, а просто вершит зло. Свет для него всего лишь ресурс, недооцененный Темными. Его стихия — зелья, ритуалы и сохра-

нение маскарада. Пункты Великого Договора для него все равно что борозды в поле, удобные для движения во мраке. Я говорил брату, что нельзя связываться с таким, что бы он ни предложил. Но для Дохсуна все эти Свет и Тьма были едины. Брат не видел разницы. Он выполнил сначала одно поручение для мага, затем другое. Каждый раз брат рисковал жизнью, и каждый раз маг говорил, что мой брат — расходный материал, и Дохсун видел в этом знак честности и высшего доверия. Маг полностью подчинил моего брата. Светлые могут распоряжаться честностью и доверием очень жестоко.

— Ты знаешь еще что-то про этого мага? — спросил я, затаив дыхание.

— Имя, — ответил Якут. — Адрес. Не знать бы их никогда.

— Якут, скажи мне.

— Его зовут Млечник. Сумеречное имя, данное несколько веков назад Иным, которого сам Млечник потом и убил. Отравил своего наставника очередным зельем, солгав, что оно его усилит. Занял его дом на Котлине, на нынешней улице Грейга. Сейчас там ничего нет — выручая брата, я оставил от дома руины. А Светлый колдун выжил и скрылся.

Я уставился в тусклый пол палатки. Млечник, по словам Наташи, добавивший что-то в «камчатку». Светлый колдун, чья стихия — зелья.

Создатель эликсира.

— Там вы и получили свои ожоги? — спросил я.

— Да. Сергей, скажи мне…

— Что, Якут?

— Мой брат умер, потому что снова работал на Млечника?

— Он хотел передать в стаю эликсир, называемый «камчаткой», — ответил я, чувствуя, как с каждым словом мне становится все легче. — Похоже, что он смог это сделать, потому что сейчас эликсир у каравана Набдрия-Скуж. Если Дохсун не был с нами, то у него должен быть союзник в твоей стае. Я бы сказал тебе раньше, если бы был уверен, что это не ты.

— Все, как ты и предупреждал, — произнес Якут. — Ты говорил, что поедешь с нами по расследованию Дневного Дозора. Что у тебя здесь свое дело. Теперь оно закончено?

Вот и настал момент истины. Вожак был прав. Мне больше нечего было делать в его стае. Я знал, у кого «камчатка», и знал, что здесь ее нет.

— Якут! — послышался голос снаружи. —

Якут!!!

Вожак обошел меня, открыл вход в палатку. Снаружи стоял напуганный Миха.

— Мы всех обошли, — сказал он. — Марьяна не вернулась. Нигде нет.

Якут медленно вышел наружу.

— На дороге искали? — спросил он.

— Искали. И нашли…

— Что?

— «Триумф» нашли в десятке километров отсюда. Лежал в траве. Марьяны нет.

Молчание вожака напугало повара еще больше.

Меня пронзило опасное подозрение. Взяв Якута за плечо, я сказал:

— Одна из волчиц у каравана Набдрия-Скуж. Перевозится в фургоне. Я думал, что это кто-то из остатков Динаккуш. Но мне сказали, что это страховка…

Якут тоже взял меня за плечо, и его жест имел совсем другой смысл. Меня схватили волчьи когти, выступившие из изуродованной ладони и насквозь пропоровшие углепластиковый наплечник куртки, словно картон. Боль выпускала из меня чувство вины, как очищающее пламя.

— Расскажи мне, где и как видел караван, — по-

требовал вожак.

* * *

Якут вглядывался в экран видеорегистратора «Голдвинга». У него точно имелась дальнозоркость, распространявшаяся на человеческий облик. Если, конечно, это у них с Дохсуном не семейное.

— Эндуро, — говорила Веда, заглядывая с одной стороны. — Джип. Вон пикап «эль-двести». Грузовик не разобрала.

— Ба, знакомые фургоны, — сказал Клумси, заглядывая с другой. — Это охранный спецтранспорт Инквизиции. Старая модель. Видать, караван раздобыл парочку списанных. Надежные штуки. Перевозят ценный груз, заколдованный, хоть живой. Или все сразу.

— Ты что, был в таком? — спросил я.

— Конечно, был. Я же рассказывал, помнишь? Меня по севастопольскому вопросу перевозили в Прагу как раз в таком.

— Знаешь, как в него попасть?

— С дороги — никак. Зато у них слабое место на крыше. Люк очень узкий, но в образе кота…

Якут сунул регистратор мне в руки.

— Клумси, — сказал он. — Хочешь в стаю?

— Хочу, — ответил парень с воодушевлением.

— Тогда помоги мне вернуть мою жену. И собери всех. Мы выдвигаемся в погоню.

Не глядя на нас, вожак решительно пошел вперед, к «Харлею».

Перестегнув липучки на куртке у самого горла, Веда посмотрела на меня вопросительно. Родниковая вода не смогла смыть с нее вчерашний макияж, и теперь ее лицо оставалось в фиолетовых разводах. Это была самая восхитительная боевая раскраска, которую я видел.

— Мы не успеем вызвать подкрепление Дозоров, — сказал я.

— Мы сами Дозоры, — напомнила волшебница. — Ты же не забыл?

Я сорвал с костюма поломанный Якутом наплечник. Проверил шакрам холода на правом боку. Поправил «эришу» на левом. И сказал ободряюще:

— Надевай уже свой интеграл.

Глава 9

Стая мчалась в два ряда на запад. Уже третий час мы не могли нагнать караван Набдрия-Скуж, что могло быть, только если контрабандисты значительно ускорились. Чтобы железно не пропустить их, Якут выделил всех наездников эндуро к паромной переправе через Шексну, на случай если отправка задержится, а сам повел остальную массу в объезд, мимо Кириллова. У Липина Бора мы снова объединились, и стало ясно, что караван серьезно ушел вперед. Вскоре мы напали на их сумеречный след — яркий, даже жирный, как пробитая цистерна с шоколадной глазурью. Веда, Клумси и я по очереди следили за ним.

— Вижу! — заорал Клумси еще примерно через час, когда мы проехали Вытегру. — Караван клана!

Его «гантель» взвизгнула, став на заднее колесо — Клумси подавал условный знак всей стае. Сидящая сзади него Вика стала поправлять наушник в шлеме. Совсем скоро Клумси не сможет пользоваться никакой связью, и Вика будет передавать ему наши сообщения.

— Веда, — сказал я, активировав гарнитуру.

— Я готова! — Волшебница пронеслась между нами, возглавив колонну. Высоко подняла руку, вытянула на счастье указательный палец и мизинец. Набросила на себя «сферу невнимания» и добавила эха.

От нее отделились несколько синеватых «сфер» побольше, лениво перекатывавшихся за «Ямахой», подобно мыльным пузырям. Теряя скорость, «сферы» достигли наших мотоциклов, прицепились к ним, становясь полупрозрачными. Затем они превратились в невидимые. Стая целиком попала под действие заклинания — пока мы едем вместе, никто из людей нас на дороге не увидит и не услышит. Хотя насчет неистовых воплей «менестреля» я не был уверен. Такие звуки существовали вне пространств, времен и слоев Сумрака.

Колонна Набдрия-Скуж двигалась как единый, слаженный механизм, отдельные узлы которого допускали лишь минимальный люфт. По обеим сторонам дороги нас приветствовали березы с редкими вкраплениями хвойных пород. Правая половина трассы напоминала о проводимых ремонтных работах, заброшенных уже несколько недель назад.

Несколько минут свободного действия мы себе

вполне могли позволить.

— Меня заметили, — предупредила Веда.

От каравана отделился пикап, развернувшийся боком и перекрывший трассу на подъеме, подобно рыцарю, деликатно возвещающему о том, что дальше пути нет. Тоже мне препятствие.

Шанс «остановиться и поговорить» Веда проигнорировала — проехала слева от заднего бампера пикапа, позволяя мне объехать его справа и садануть файерболом в лобовое стекло.

— Понеслась! — довольно крикнула Вика, вытаскивая из бокового кофра «гантели» дымовую шашку. Повернула ее, замахала над головой, скрывая остальных в густом дыму. Кто бы ни проверял нас сумеречным зрением спереди — сопоставить увиденное с обычной картинкой им станет сложнее.

Одинокий «эль-двести» застыл сзади. В зеркало я видел, что он так и не трогался с места, пока вся стая не проехала мимо. Кто-то из команды Якута от души пнул его ногой прямо на ходу. Если пикап надумает устроить погоню — ему не поздоровится. Было бы практичнее снести ему колесо, но не возвращаться же теперь.

Система Набдрия-Скуж сразу потеряла в слаженности — половина машин завиляли, пере-

страиваясь в некое подобие кольца вокруг двух охранных фургонов, в которых уже можно было разглядеть модернизированные европейские минивэны «Таленто». Следующий же узкий участок дороги снова разбил этот строй. Один из мотоциклистов остановился, вытянув вперед руку с легкой рябью над перчаткой.

В Ведающую полетел «фриз», разбившийся о магическую защиту «Ямахи». Волшебница склонилась к рулю, почти касаясь его шлемом. Заклинание все же задело некоторые узлы двигателя — достаточно серьезно, чтобы звук спорта сбился, и его начало шатать из стороны в сторону. Веда скомпенсировала траекторию, попеременно касаясь трассы вытянутыми ногами.

Придав «Голдвингу» нужный импульс, я вывернул руль, направляясь точно в центр масс противника. Он едва успел повернуться ко мне, как переднее колесо «голды» врезалось в бензобак.

Казалось, я успел заметить искру, и на миг даже ощутил характерный смешанный запах масла и паров топлива, когда байк контрабандиста взорвался, разлетаясь надвое, пропуская «Голдвинг» вперед, словно карбоновую акулу.

Грузовик спереди — длинная шестнадцатико-

лесная «Татра» с жилым модулем — издал три протяжных гудка. Что бы внутри него ни готовилось, отвлекаться на него я очень не хотел. Целью оставались фургоны. Но было ясно, что клан их так просто не отдаст. Чтобы до них добраться, нужно было прорваться через несколько тонн разрозненных единиц металла.

Нажатием пары кнопок я вывел на экран «Голдвинга» сигнал с задней камеры. Сейчас мне пригодится обзор на триста шестьдесят градусов.

Держа левой рукой «щит мага» с широким радиусом, я добрался до ближайшего джипа. В открытое окно на меня посмотрело чье-то злое лицо. Бросив руль, я выразительно показал на обочину, требуя остановиться. Стекло тут же поднялось.

«Тройным лезвием» я разорвал заднее колесо очередного мотоцикла клана, побудив ездока отчаянно свернуть на встречку, где он и закончил свой путь в куче строительного песка.

В следующий момент по мне открыли атаку сразу с двух сторон. Кто-то из мотоциклистов — похоже, серьезно настроенный Темный, — разбивал свои «лезвия» о мой магический барьер, выводя на его тусклой поверхности неровные линии. С грузовика один за другим полетели четыре

файербола. Кто-то разрядил серию портативных амулетов.

Я взял левее, позволяя сгусткам вражеского огня обжигать дорожное полотно. Дымовая шашка в зеркале заднего вида сместилась вслед за мной, указывая стае безопасный фарватер.

Стекло джипа снова опустилось — на меня уставился высунутый в окошко олений рог, который держал в руках пассажир. Не-Иному, ожидавшему укороченный автомат, было бы смешно. Мне же невольно захотелось потратить всю имевшуюся Силу на любую оборону, которая придет в голову. Амулеты такого размера не заряжают бесхитростными заклинаниями. Если внутри рога окажется заряд «Танатоса» семилетней выдержки — никакие «щиты» не спасут.

В следующий момент с противоположной стороны джипа подъехала Ведающая и зашвырнула внутрь «копье Света».

Салон внедорожника забуйствовал чередой белых ослепляющих вспышек, словно взбесившаяся передвижная комната фотографа. Одного из пассажиров выбросило по пояс в окно, где он повис без признаков жизни. Его руки забились о колесные диски. Контрабандист с оленьим рогом выронил оружие, которое попало под заднее

колесо и полыхнуло зеленым пламенем. Я так и не узнал, чем оно могло стрелять.

Водитель джипа тем не менее удержал контроль над машиной, но ненадолго — своей концентрацией я «поймал» на две секунды капот и воспроизвел «Гремлина».

При всей внешней невидимости результата эффект получился превосходный. Под капотом задергалось нечто нематериальное, бешеное и весьма раздраженное, заворачивая провода и схемы мотора в дикий арт-объект. Из-под крышки пошел сначала белый дым, затем пламя, перекинувшееся на лобовое стекло и разделившееся на два длинных шлейфа по сторонам. Джип заглох, уйдя на обочину, откуда уже не вернулся.

Оставшиеся мотоциклисты общим числом примерно в шесть-семь машин ринулись кто куда: двое втопили далеко вперед, другие свернули в леса по правую сторону — то ли собирались устроить засаду на оборотней, то ли решили просто сбежать. В любом случае они переставали быть моей проблемой. До ближайшего фургона нас отделяло свободное окно метров в двадцать.

— Вижу пустое место! — крикнула Веда. — Занимаю! Клумси, готовься!

«Ямаха» юркнула в узкий проем между мною

и отставшим контрабандистом на эндуро. При виде нас двоих он не выдержал — нервно мотнул головой в тяжелом шлеме, тормознул у обочины и вроде бы успокоился. Но нет — вытащил из чехла на ноге асимметричную двустволку и нацелился нам в спины сразу, как Клумси пронесся мимо него. Дальше его накрыло облако дыма, и что было с ним после, я не видел.

Оставаться в неизвестности мне не пришлось. Следом из дыма выехал «Харлей», на котором с бесстрастным лицом сидел Якут, махавший над головой тяжелой цепью с железным грузом на конце. Почти сразу по кривой траектории выкатился разбитый шлем контрабандиста.

Веда приближалась к ближайшему «Таленто», пытавшемуся разогнаться по извилистой дороге. Ее попробовал оттеснить грузовик, с которого по нам то и дело продолжали выпускать сгустки пламени. Вдавив кнопку на приборной панели «Ямахи», Веда окутала себя вместе с мотоциклом «радужной сферой» и еще чем-то, что я видел впервые.

Затем волшебница сумела удивить по-настоящему. Дождавшись, пока заклинание заработает в полную силу, она начала ловить файерболы, стараясь не пропустить ни одного. Неровные ог-

ненные комки разбивались о ее защиту, шипели на поверхности, подобно фрикаделькам на сковороде, и абсорбировались без остатка. Похоже, внешний защитный купол «Ямахи» накачивал Силой внутренний. Да, напрасно Набдрия-Скуж ставили исключительно на олдскул в своем подборе защиты. Технологии Светлых, оказывается, не стояли на месте.

С «Татры» сразу прекратили обстрел. Задняя часть грузовика качнулась, словно пытаясь обнять инквизиторский фургон своими защитными пластинами. Затем «Татра» замедлилась, пытаясь стать между нами и «Таленто».

И этим они подставились под нужный ракурс. В моей руке оказался шакрам, на миг зацепившийся изогнутыми концами за петлю куртки. Нацелившись в левый нижний угол грузовика, я выпустил ледяной диск.

Немного мимо, но не настолько, чтобы выйти за пределы автонацеливания. Подобно кружащейся пиле, диск залетел точно в выступающий фрагмент пластины, отразился от нее, выплеснул всю энергию в угол. Часть брони натужно отломилась от модуля, наклонилась, проскрежетала по асфальту, выбивая искры. «Тройное лезвие» ударило в освободившуюся щель — и задняя

часть грузовика оторвалась от массы, медленно перекосилась следом за пластиной, смещая центр всей махины влево, словно стремясь войти в дорогу, сдирая белую краску с разделительной полосы. Правое колесо с противоположной стороны задралось на метр, затем немного опустилось, все еще не доставая до драгоценного сцепления с трассой, и так и осталось нелепо вращаться в воздухе.

Инквизиторский фургон остался в хвосте каравана. Мы с Ведой разъехались в стороны, выпуская вперед главного диверсанта.

Если бы не прилепившиеся к мотоциклам стаи «сферы невнимания», то встречных водителей ждало бы незабываемое зрелище.

Во главе колонны байков самых разных классов и цветов двигалась «гантель», управляемая гигантским котом, держащим расставленные лапы на концах руля. Его усатая морда топорщилась от ветра, прищуренные глазищи подергивались, задние лапы цепко держали сиденье по бокам. Похоже, коту не только вполне хватало собственных сил для контроля мотоцикла — он еще умудрялся и переключать передачи. Не знаю насчет боевых качеств, но психическую атаку Клумси освоил превосходно.

Добравшись до фургона, кот замедлил победоносную поступь «гантели», едва не касаясь колесом заднего бампера. Сидящая сзади него Вика бросила истощенную дымовую шашку, чуть сменила позу, наклонилась вперед. Взяла руль — и кот проворно перебрался через ветровое стекло вперед, на вилку. Посмотрел наверх, где заканчивались двери «Таленто». Прыжок — и кот зацепился лапами за крышу.

— Умничка! — послышался в ухе голос Вики.

Забраться наверх кот сумел раза с четвертого — поочередно царапал задними лапами двери фургона, пытаясь от чего-нибудь оттолкнуться. Затем он просто ухватился хвостом за крышу и подтянул зад наверх.

Если его еще не обнаружили, то надо было выиграть время, отвлечь водителя и охрану. Я поравнялся с передней дверью, приготовил перезарядившийся шакрам.

И в этот момент меня буквально снесла боковая волна «пресса», отлетевшая от левого борта «Таленто».

Черт! Похоже, не только у Ведающей есть заклинания с отдельным амулетом — генератором Силы, подвешенным на корпус транспорта. От арестантской повозки следовало ожидать сюр-

призов.

С другой стороны, я их и ожидал. Просто оказался не готов к внезапной локальной свертке гравитации. Если кто про себя скажет, что готов, — брошу в того пирожок с ливером.

Такое ощущение, что я попал в цунами, стремящееся воссоединиться с Онежским озером. Потеряв координацию, я вцепился в руль «Голдвинга», пока планета подо мной не перестала крутиться. И все же я не только не упал с мотоцикла, но даже не позволил ему запрокинуться самому — приземлился на неровный гравий, выбивая щебенку, пулями выстрелившую в стороны. Вывернул руль в направлении наклона, добавил собственный «пресс» в опасно приближавшиеся камни, останавливая инерцию полета. Словно вспомнив, что крыльев в этом поколении ему не завезли, двигатель «Голдвинга» недовольно фыркнул, почуял под колесами твердую поверхность и поддался рычагу газа, пускаясь в скоростное скольжение.

К тому времени я поравнялся с серединой стаи. Миха со своего «Джебеля» показал мне большой палец.

— Ты цел? — спрашивала меня Веда по общей связи.

— Да, — сказал я, с нетерпением ожидая, пока автоматика «Хонды» перестанет перекрывать мне дроссель, поймет, что я не собираюсь отрывать себе колесо, и пустит в свободный бег. Разработать, что ли, собственную модификацию «Голдвинга»? Была ведь у фон Шелленберга своя система в кабриолете, так чем я хуже?

Догнав Якута, я медленно кивнул ему. Вожак не обращал на меня внимания — рулил одной рукой, второй постепенно сворачивая цепь для нового броска. Он пристально смотрел на задние двери инквизиторского фургона.

Правильно делал: они внезапно сорвались с петель, летя прямо на нас, грозя снести если не ближайших к себе врагов, то хотя бы мотоциклы стаи позади. «Харлей» ушел от столкновения, я же новым «прессом» сшиб обе двери. Одна закрутилась на обочине, вторая по высокой параболе полетела в лес, где ее приняли на себя несколько покачнувшихся ветвей.

Клумси стоял в проеме, в одном из своих новых байкерских прикидов, выразительно качая головой.

— Марьяны нет! — сообщила нам Вика. — Не тот фургон!

От правой стороны «Таленто» неожиданно

понеслась новая волна энергии, на этот раз в Ведающую. Волшебница резко склонилась к боку, едва не заваливая «Ямаху», словно речь шла о срочной остановке любой ценой при угрозе столкновения. Хотя и это было недалеко от истины — вдоль правой обочины расположился ряд грейдеров, опасно поблескивающих оранжевыми ковшами. Придав движку ускорение, Ведающая пронырнула между асфальтоукладчиком и фургоном, уходя влево, почти поперек движению каравана.

В отличие от меня ей для сохранения равновесия не понадобилась Сила. И все же ей пришлось стукнуться о правый борт «Татры», натужно пытавшейся вернуть себе ритм. Голова Веды качнулась, интегральный шлем смягчил удар о разорванный металл. Веда чуть коснулась рукой борта грузовика, оттолкнулась от него, снизила скорость, оказавшись со мной рядом.

Раскрытой пятерней я коснулся ее по центру спины и спросил:

— Все хорошо?

Нервно сжимая и разжимая пальцы на руле «Ямахи», Веда вернула мне утомленный взгляд и показала «о'кей». Ей следовало прийти в себя и отдышаться.

Клумси тем временем снова забрался на крышу. В кошачьей форме ему не хватило бы роста для прыжка, потому он подпрыгнул как есть, подтянулся, перекатился наверх. Двигался он четко и уверенно, словно в парня загнали стержень железобетонной воли. Вика похлопала ему с «гантели», чуть приподнялась на своих железках, насколько позволяли шарниры, поводила рулем туда-сюда, описывая синусоиду почета.

Оставшийся униженным и оскорбленным фургон продолжал катиться вперед без задних дверей. Внутри него валялись какие-то сумки, также без сознания лежали два тела. Аура салона расплывалась в сплошное свечение с дикими разводами.

Я недолго подумал, стоит ли дальше тратить на него время, и тут неожиданно изнутри «Таленто» пошли импульсы непонятных заклинаний — мерзкие, дурно выглядящие и даже истончающие неуместный аромат ванили. Атаке подвергались оборотни Якута, которые уже подобрались ближе. Долго раздумывать не пришлось: почти на рефлексах я вскинул руку с шакрамом, пуская заряд внутрь салона, вызвавшего мощный толчок и подкинувший фургон на полметра.

Не знаю, какие реагенты перевозил «Таленто»

в сумках, или же то дала о себе знать энергетика тюремной повозки, оставшаяся от бывших заключенных. Ледяной диск от шакрама — инквизиторского же оружия — вошел во взаимодействие с чем-то внутри салона, и фургон стал съеживаться на глазах, словно его сделанную из мыла модель поднесли к пламени.

— Клумси, вали оттуда! — заорал я не своим голосом, забыв, что он меня не слышит.

Вика поступила умнее — несколько раз бибикнула. Клумси быстро обернулся, увидел, как плавится задняя часть фургона, подбираясь все ближе. Прыгнул с места на грузовик, уже в воздухе перекидываясь, — и через мгновение серый кот вцепился в боковые светоотражатели «Татры», проворно забираясь наверх, чтобы убежать вперед, за пределы видимости.

Возможно, он успел увидеть что-то в действиях водителя «Таленто» или же просто вовремя свалил подальше. Как бы то ни было, через секунду фургон, напоминавший уже растаявшее мороженое, надетое на игрушечную машинку, резко взял правее и тут же неуклюже ринулся в обратную сторону — влетая в грузовик, переворачиваясь на ходу. От него на «Татру» перекинулось быстрое зеленое пламя, и грузовик также начал плавить-

ся, словно от быстродействующей кислоты.

Иметь бы мне больше времени — обязательно провел бы подробный анализ происходящего. Не каждый день выдается момент встретить не открытый ранее эффект от смешения заклинаний и реагентов. Сейчас же я видел просто мешающие мне повозки. Шакрама хватило еще на один выстрел до неизбежной перезарядки — достаточный, чтобы отбросить остатки грузовика и фургона влево, аккуратно в зияющий провал выкопанной траншеи, наполненной сплошной грязной жижей. Земля и вода очищают все, и в случае с магическими технологиями делают это куда лучше, чем огонь.

Дорога спереди сразу стала просторнее. От каравана остались лишь второй «Таленто» и автобус непонятной марки с тонированными стеклами. Все мотоциклисты пропали, как и положено наемникам, нарвавшимся на проблемы, решение которых выходит за рамки контракта. Клумси как раз перескакивал с крыши автобуса на фургон, умело уворачиваясь от пущенного кем-то заклинания, полетевшего в небо.

Хуже было то, что дорога пошла хорошая и прямая как стрела. Остатки каравана заметно ускорились. Для меня или Вики это не было про-

блемой, не говоря уже про Ведающую, но Якут со стаей могли и не поспеть за нами.

«Голдвинг» начал медленный, уверенный разгон, переваливая за сто двадцать километров в час, затем сто пятьдесят. Форсированный фургон улепетывал как мог, словно оставался последним оплотом существования клана Набдрия-Скуж. Клумси на его крыше держался как мог, тщетно пытаясь просунуть голову в узкую щель люка.

Отстававший автобус попробовал взять на себя недавнюю роль грузовика, перекрывая мне путь. И это оказалось не единственной проблемой, которую он сумел доставить. Окна по правую сторону внезапно выпали вместе со ставнями, и из них начали выпрыгивать волки.

— Ой, мамочки! — крикнула Вика.

Похоже, остатки клана Динаккуш все же сумели договориться с контрабандистами о защите и сейчас отчаянно отрабатывали условия. Четверо или пятеро волков разного веса и размера вцепились в фургон, пытаясь достать снующего на крыше кота. Еще двое оборотней попадали на дорогу, разбивая в кровь морды и конечности. Я сумел объехать обоих, понимая, что лучше бы они скончались сразу, не дожидаясь фактического прогона сквозь стаю Якута. Пусть вожак умел

убивать конкурентов надежно и быстро. Про других же членов стаи, месяцами не чувствовавших вражеской плоти на зудящих клыках, я такого сказать не мог.

Это мы придумали систему лицензирования. Дозоры. Не было смысла строить из себя невинного свидетеля.

Шакрам холода все еще оставался на перезарядке. Пустив «тройное лезвие» в заднюю дверь автобуса, я выбил ее точно вовнутрь, сшибая с ног стоящих за ней магов. Тут же взял вправо, едва не вытеснив «гантель» с Викой на гравий.

Клумси яростно отбивался от волков, пытающихся забраться на крышу «Таленто». Одного он сбил проворным ударом лапы, второго укусил за нос. И все же численный перевес был на стороне Динаккуш. Еще секунда — и кота начнут атаковать маги из автобуса, а фургон между тем увеличивал отрыв.

— Я помогу ему! — воскликнула Веда, проносясь между мной и «гантелью» едва ли не на крейсерской скорости, подобно выстрелившей пуле. Меня обдало легким жаром от защитной магии «Ямахи».

Сзади раздался гудок адской машины. Я бросил взгляд на экран «Голдвинга» и увидел лишь яркое

приближающееся пятно.

Посмотрел в зеркало.

Затем в другое.

Затем повернул башку назад, насколько позволяло поле зрения модуляра.

И сказал:

— Вика, сверни на обочину. Только плавно.

Двигаясь на неистовом форсаже, к нам приближался «менестрель» Тощего Гилмора. Из ведущих наверх раструбов вырывались снопы пламени. Здоровяк уверенно расположился на своем самодельном чоппере, обвешанном всеми бензиновыми канистрами, какие только имелись в распоряжении стаи. И было ясно, что канистры эти далеко не пусты.

Гиля летел к нам, глядя точно на дверной проем автобуса, по пути врубая закись азота. Я даже успел заметить, как он небрежно подносит к огню фитиль динамитной шашки или чего-то в этом роде. Интересно, это Дохсун научил его изготавливать трубчатые бомбы или Гиля научил Дохсуна?

Запоздало вспомнив, что попадаю в не очень полезную для здоровья мотоцикла зону, я взял предельно вправо, оттесняя Вику подальше от автобуса. Накрыл «Голдвинг» и «гантель»

сплошной «хрустальной сферой», царапавшей дорогу. Затрат Силы это потребовало таких, что немного потемнело в глазах, но здоровяк и без того обеспечил мне прекрасный новый источник освещения.

Гиля успел соскочить с «менестреля» точно в момент, когда чоппер влетел в задние двери автобуса, и даже перекинулся в волколака еще до собственного падения, удерживая оторвавшийся велосипедный руль. Затем сдетонировала бомба на чоппере.

«Хрустальная сфера» оказалась на редкость превосходной штукой. Даже жаль, что я так редко ее использую. Впрочем, у нее куча недостатков: требует много Силы, сложного позиционирования, прокачанной мускулатуры пальцев и растянутых связок. В этот день я узнал еще об одном ее недостатке. «Сфера» не защищала от звука.

Автобус взорвался так, словно представлял собой гигантскую тыкву со связкой петард внутри. На какой-то момент все вокруг превратилось в рождение сверхновой звезды. По поверхности «хрустальной сферы» пронеслись мириады фрактальных частиц, по ходу полета разделяющихся на новые фрагменты. То, что было за ними, не поддавалось никакому здравому восприятию.

Когда вспышка затихла, мои уши еще секунд десять не могли восстановить нормальную работу. Вика стучала себя по шлему, словно хотела передвинуть его задом наперед, не снимая.

От автобуса осталась разорвавшаяся на три части горящая платформа. Последняя песнь «менестреля» прозвучала воистину незабываемым гимном.

А перед нами стремительно удалялся осиротевший инквизиторский фургон.

Повернув ручку газа, я уже не отпускал ее, пока не разогнался до двухсот десяти километров в час. Выхлопные трубы «Таленто» дымились черным, что не мешало «Ямахе» держаться на хвосте. Волков все еще оставалось трое, и они уже забрались на крышу целиком, окружая кота, борющегося еще и с ветром. Клумси шипел на них, царапая выпущенными когтями зачарованный металл.

Ведающая пустила новое «копье Света», пронзившее одного из волков. Он тут же вскинул головой в воздухе и свалился на дорогу. Второго я попытался сбить «тройным лезвием» и промахнулся. Он тут же повернулся ко мне, склонил морду, прыгнул прямо на «Голдвинг».

Ему пришлось почти в упор принять в широкую грудь выстрел из револьвера. Все равно

сдержать отдачу «эриши» мне оказалось легче, чем справиться с мертвой волчьей тушей.

Последний оборотень завертелся на месте, внезапно осознав, что теперь сам оказался в кольце из трех противников. Быть может, он вспомнил, что является последним выжившим из клана Динаккуш. Как бы то ни было, позорить доброе имя клана он не стал — схватил Клумси за хвост, пытаясь вытащить из люка наружу.

Истошный кошачий вопль стал тем звуком, под который потомки будут рассказывать о последних мгновениях Динаккуш. В любом случае это даже романтично. Лучше пусть клан запомнится подобным инцидентом и героизмом последнего волка, чем обрывками пиджака с задницы высокопарного инкуба.

Оставить нашего кота в беде мы с Ведой никак не могли и выстрелили одновременно. Я пустил узкий, кометообразный файербол, Ведающая предпочла «фриз». Мое заклинание добралось первым, ударяя волка в бок. Он отшатнулся, и его тут же достала темпоральная заморозка, заперевшая его в пространственно-временном коконе вместе с огнем, распространявшимся по его шерсти и жарящим заживо. Впрочем, что-либо чувствовать волк уже не мог — его глаза

потухли, неподвижное тело свалилось на дорогу, и через несколько секунд его переехал «Харлей». Последний воин Динаккуш принял смерть от вожака победившей стаи.

Клумси наконец проник внутрь фургона, который тут же начал юлить из стороны в сторону. Связи с водителем кот иметь не мог никакой. Очевидно, что-то внутри раскачивало транспорт.

— Открывай же! — сказала Веда.

И сейчас Клумси также не подкачал — сумел отпереть одну из створок.

Только на этот раз из дверей вылетел уже он сам. Я это понял, лишь когда мне на голову внезапно упала визжащая кошачья масса, обвивавшая хвостом шею, цеплявшаяся за шлем и едва не срывающая мне визор. В другое время я бы нашел в этом свою прелесть. Сейчас же, двигаясь за двести по встречной, я лишь хотел, чтобы драный кошак наконец слез.

Придя к тому же выводу, Клумси сполз на заднее сиденье «Голдвинга» уже человеком.

— Бери руль! — крикнул я ему, держась ближе к дверям фургона.

Схватиться за ручку качающейся двери мне удалось с первого раза, что я счел признаком нереальной крутизны. И было бы просто отлич-

но, если бы мне удалось проворно спрыгнуть с круизера, но вместо этого мои ноги долго еще волочились по месту водителя и материализованной куртке Клумси, оставляя следы от мотоботов везде, где можно. Наконец я ухватился поудобнее, рывком втащил себя внутрь.

Мне в лицо тут же плеснуло ядовитой слизью. Я ударил «прессом», стащил с себя шлем и ударил им противника — ведьму Наташу, яростно сжимающую какие-то амулеты и склянки с зельями. Сразу сзади нее из пола в потолок упирались прочные заколдованные решетки, за которыми виднелась взволнованная Марьяна, завернувшаяся в тонкую простыню.

— Это ты! — крикнула Наташа, разряжая очередной амулет. Я не понял, чем она собиралась меня атаковать, но, похоже, все еще считала, что ей помогут средства от оборотней. Вместо этого я почувствовал разве что легкий шум в голове, какой бывает, если пройдешь вдоль десятков включенных старых кинескопных телевизоров. Оттолкнув экспедитора к решетке, я выбил из ее рук амулеты и приставил «эришу» ко лбу. Но не выстрелил.

Откровенно проигрывавший мне в Силе противник — не тот повод, чтобы проявлять

ненужную жестокость. Это не вампир-садист с автосервиса, не играющая на потаенных желаниях обольстительница с ментальной атакой, не очередной волколак с жаждой убийства. Все они желали пустить кровь каждому, на кого укажет их мимолетный каприз. Передо мной стояла напуганная Иная без планов на мировое господство, держащая свое слово. Живущая по своим правилам торговка, пустившая все ресурсы на защиты вместо атаки и даже взявшая пленницу просто для собственного безопасного ухода. Она меня боялась. Кроме того, в присутствии Марьяны я не чувствовал себя способным на крайние меры.

Наконец, у нее было кое-что, нужное мне.

— «Камчатку» сюда, — велел я, протягивая вторую руку. — И можешь уйти.

— Как же, — сверкнула Наташа глазами. — Клан Набдрия-Скуж найдет тебя!

— Договорились. Теперь давай эликсир.

— Лови! — Она вытащила флакон из нагрудного кармана и швырнула его мимо меня, прямо в проем.

Зря Наташа ожидала, что я сразу обернусь и подставлюсь под удар. Я шагнул к ней, схватил за горло, развернул от себя к выходу и повернулся сам, чтобы все хорошо видеть.

Металлический цилиндр скакал по асфальту мимо Клумси и Веды, точно вдоль разделительной полосы. Я видел, как с «Харлея» наклонилась могучая рука, поймавшая флакон.

Прижав Наташу к полу фургона, я снял со шлема микрофон и сказал:

— Вика, передай Якуту, что Марьяна здесь. Она жива.

И обратился к Наташе:

— Пусть водитель остановится. Вы сможете уйти.

— Ты отвечаешь за стаю?

— Нет. Я отвечаю за Дневной Дозор.

— Дозор?! — взвыла Наташа, и я увидел в ее глазах ужас. — Нет! С Дозором мне не жить! Ты должен отпустить меня!

— Я дам тебе фору, — пообещал я. — Мне очень долго будет не до тебя. Решай!

Глядя с ненавистью, Наташа поднесла к губам рацию и сказала:

— Давай на третий план. Здесь мы закончили.

— Почему третий? — спросил я, помахивая дулом «эриши». — Кроме победы и поражения, есть еще пути?

— У Набдрия-Скуж много дорог, — сказала Наташа с вызовом.

И схватилась рукой за решетку.

Мне следовало сделать то же самое. Я не успел совсем чуть-чуть.

Фургон внезапно сменил положение в пространстве — правая стенка вдруг превратилась в пол, и меня швырнуло на спину. Не выпуская револьвера, я заметил, как ведьма проворно выпрыгивает из «Таленто» наружу. Выстрелить вслед я все равно бы не сумел, даже если бы решил это сделать. Инквизиторская повозка простучала дробь по асфальту, и затем мы шлепнулись в холодные воды Тудозера.

Где-то снаружи сквозь обилие звуков прорвалась хлопнувшая водительская дверь. За ней пришли звуки тормозящих мотоциклов.

Внутрь «Таленто» мигом просочилась вода. Марьяна вскрикнула, дергая решетку. Я виновато посмотрел на нее, кляня себя, что не догадался потребовать у Наташи отпереть замок.

— Где ключ?! — воскликнул я. — Марьяна, ты видела?

— Нет, — ответила она с дрожащим подбородком. — Я была в волчице и оглушенная.

Вторая створка дверей шлепнула по озерной глади.

— Что тут у вас? — живо спросила Веда, загля-

дывая внутрь. Она уже стояла по пояс в воде, глядя на нее с сомнением. Сама она так и не научилась плавать.

— Поймай ведьму, — сказал я.

— Ведьму?

— Да, Наташа была здесь! — добавил я, чувствуя, как к голове подступает давление.

— Мы никого не видели, только окно портала.

— Черт! Иди сюда, помоги открыть!

Ведающая осторожно опустилась на стенку фургона, заползла внутрь. Было видно, что ей страшно. Мы все еще продолжали тонуть. Озерная вода холодила, словно подступающая смерть. Марьяна с испугом съежилась, глядя на чуждую себе стихию.

Я приложил «пресс» к прутьям решетки, затем попробовал нагреть их. Ведающая выбрала другой прут, перебрала кучу заклинаний.

— Не выходит, — говорила она, клацая зубами от холода. — Давай вместе один попробуем.

— Давай, — согласился я, и мы вложили максимум Силы.

Никакого эффекта.

Я в бешенстве саданул «лезвием», которое отрикошетило и ушло наружу.

— Ох… — Веда подскочила, когда вода добралась

ей до горла. Панически обернулась, посмотрела на меня.

Глянув вверх, я с ужасом заметил, что до левой стены фургона, ставшей крышей, оставалось сантиметров сорок максимум. Еще минута, и мы затонем окончательно.

— Уходи, — приказал я волшебнице. — Быстро!

— Я не могу…

— Ты должна!

— Иди, девочка, — вымолвила Марьяна, клацая зубами. — Пожалуйста.

Веда быстро утерла одинокую слезинку на щеке. Кивнула и выскочила из фургона наверх. Ее костюм полностью намок, потяжелел от озерной воды. Если успеет оттолкнуться — выберется сама, не дожидаясь помощи стаи.

Я остался наедине с нерешаемой проблемой. Не верилось, что спасительный берег в считаных метрах, а я не знаю, как поднять этот чертов фургон наверх.

Прислонил дуло «эриши» к основанию прута у стены, нажал на спуск. Револьвер выбило у меня из рук. Вытащил шакрам, начал пилить вращавшимся ледяным диском заколдованный металл. Бесполезно.

Настолько погано мне еще не было.

— Марьяна! — В салон практически заплыл Якут — измочаленный, покрытый пылью, собирающейся от воды в разводы грязи. — Что здесь? Решетка? Вы все перепробовали?

— Почти, — ответил я, ища тень. — Осталось одно средство.

На первый слой Сумрак впустил меня издевательски быстро, будто демонстрируя превосходство над нашими надеждами вытащить пленницу. Вода превратилась в ледяной кисель. Решетки никуда не пропали, рассекая окружавшую субстанцию на части. Коснувшись их, я, казалось, прикипел намертво, будто взялся за охлаждающие стержни в чане с азотом.

И все же тень они давали. Мне не пришлось ее ловить — я позволил ей заморозить мое сознание, задвинуть на второй слой.

Ничего не поменялось. Разве что прутья обрели легкие краски, тускло светясь ядовито-зеленым. Стало еще холоднее, настолько, что казалось, льду здесь суждено раскрошиться самому.

Последний шанс. Третий слой.

Мне было сложно попасть туда. Наверное, это было самым тяжелым, что я когда-либо делал до этого. Искал тени в кромешной тьме, в которой зеленые смертоносные прутья казались

единственными источниками свечения. Сколько несчастных отправились в последний путь в этой камере? Сколько теней охватили их души?

Представив их, я прошел на третий слой Сумрака.

И понял, что проиграл.

Теперь уже не только прутья переливались зелеными оттенками разложения, но и вся тюремная камера целиком. Я словно оказался снаружи монолитной клетки посреди бесконечной черноты, и, кроме нас, во Вселенной не было никого. Лишь Сумрак и смерть. Температура словно упала до абсолютного нуля. Было очевидно, что на четвертом слое и даже ниже, куда мне никогда не будет пути, все останется то же самое и даже станет прочнее и холоднее.

Вернувшись обратно, я оказался в воде. Вынырнул, едва хватая ртом остатки воздуха в салоне.

— Прости меня, — рыдала Марьяна, держа Якута за искореженные руки, сжимая намокшие перчатки с вышивкой. — Оставь… Пожалуйста, оставь меня!

— Нет, — рычал вожак, дергая решетки. — Я смогу… смогу…

— Мы не сможем, Якут, — выдохнул я, чувствуя, что замерзаю до потери сознания. — В Сумраке

дороги нет. Я сожалею.

— Тогда к дьяволу Сумрак, — сказал Якут, глядя с невыносимой болью на жену. — Я проложу дорогу. Проложу!

И, взявшись за прутья, он напряг все мышцы тела.

Я никогда не видел, чтобы от напряжения челюстей крошились зубы. Несколько сосудов на скрывшейся в воде шее вожака лопнули, из ран брызнули красные кровяные ниточки, быстро смешивающиеся с мутной жидкостью. Глотка Якута испустила хрип, срывая голосовые связки. Перчатки с вышивкой треснули, разорвавшись на части.

Прутья издали глухой подводный звук сместившегося металла, передавшийся на корпус «Таленто».

Такого не могло быть. Просто не могло. Магия магией, но при виде необъяснимых чудес я решил, что меня настигла предсмертная агония.

Должно быть, мне просто показалось. Решетка осталась там, где была.

Следом пришли судороги, и я, понимая, что больше не выдержу, выплыл из проклятого фургона наверх, по пути подобрав шакрам и револьвер. Вместе со мной спаслись последние

пузырьки воздуха.

До поверхности уже было несколько метров. Слишком много для озерного прибрежья. Должно быть, подступы к трассе размыло в силу загадочных природных перемен. Или дикие кланы задели скрытые основы мироздания. Я цеплялся за любые мысли, подкидываемые моим разумом, чтобы не потерять сознание. Добрался до поверхности, отплевываясь, выплыл на берег. И лишь наверху понял, что не посмотрел на Марьяну в последний раз.

Стая стремительно разворачивала инструменты с мотоциклов, сооружала самопальные лебедки на скорую руку. Все орали вразнобой.

У них было слишком мало времени.

Ведающая сидела на песке — маленькая, промокшая до нитки.

— Что там?! — выкрикнула она. — Что?!

Я покачал головой и ответил:

— Не знаю…

— Поднеси меня ближе, — говорила Вика, морщась, пока Клумси тащил ее к разбросанным железкам. — Оставь здесь.

Сделав это, Клумси посмотрел на меня с болью и сочувствием.

— Камера тюремного фургона, — сказал он. —

Ее не вскрыть. Прости, я знаю.

— Верю, — сказал я, неистово желая, чтобы кто-нибудь догадался распалить костер — без магии, самый настоящий согревающий костер, дышащий вложенным ручным трудом и весело потрескивающий березовыми поленьями.

Ведающая показала дрожащим пальцем вперед, на озеро. Я обернулся.

Из воды показалась голова Якута, затем Марьяны, держащейся за его спину. Вожак греб к берегу — не размашистыми жестами, как можно было бы ожидать от его темперамента, а тихими, еле заметными гребками, позволяя женщине держаться за его шею.

И я тут же вернулся в воду, добираясь до них, помогая выплыть на берег.

Стая испустила ликующий вопль, казалось, разнесшийся до самого Онежского озера. Якута с Марьяной живо вытащили из воды, принялись обнимать по очереди. Никто не обнял меня.

— Ну, вроде все здесь, — вымолвила Вика со счастливой улыбкой. — Эй, Клумси! Верни меня в седло!

Я наклонился к Ведающей, радостно глядящей на меня. Взял ее ладошки, подышал на них теплым воздухом.

— Сейчас вернусь, — сказал я ей, потеребив красные волосы, уже напоминавшие чудесный материал для изготовления медицинской швабры. — Подождешь?

— Угу, — сказала она, отпуская мою руку.

Я выпрямился и вымолвил:

— Якут!

Вожак повернулся ко мне с теплотой во взгляде — единственным источником жара в его образе, и достаточно мощным, чтобы согреть всю стаю вместе с нами. Он выглядел как изможденный, одержавший победу воин, в гуще сражений не жалевший себя. Сразу поняв, что я хочу, он сунул руку в карман и извлек металлический цилиндр, который подал мне.

— Спасибо, — сказал он, предугадав то, что хотел сказать я ему.

Я вернулся к волшебнице, рассматривая флакон. Самому не верилось, что я после всех злоключений наконец держу его в руках — и, что самое интересное, держу впервые. Это оказался искусно собранный контейнер наподобие тех, что используются при перевозке особо опасных субстанций. Сколько сил мы бы сэкономили, снабди его Ночной Дозор самым обычным радиомаяком…

Ведающая уже поднялась с песка, глядя на контейнер с любопытством.

— Это она? «Камчатка»?

— Да, — сказал я, подбрасывая контейнер в руке. — Дело закончено. Флакон у нас, путешествие стаи завершено. Пора возвращаться домой.

— Дай хоть посмотреть. — Веда взяла у меня контейнер, дергая за крышку. — Надеюсь, я ничего не пролью.

— Только не пей.

— А мне, знаешь, так хотелось… — Веда отвинтила конец, заглянула внутрь.

— Ой, — сказала она, и я выхватил у нее контейнер.

Он был пуст. В мягком поролоне зияли три отверстия, предназначенные для пробирок.

— Ну надо же, — сказал я, почти не удивляясь.

— Вроде должна была оставаться одна порция, — произнесла Веда. — Наташа ведь говорила, что получила одну дозу для исследования. Вот ведьма, а? Сама выпила, когда тебя испугалась.

— Клумси! — крикнул я, показывая ему флакон. — Это оно?

Парень кивнул, не отрываясь от Вики, занимавшей его разными вопросами.

— Ясно, — сказал я, едва ли не с наслаждени-

ем предвкушая письменный доклад, который напишу прямо в палатке. — Значит, никакой «камчатки» у нас не осталось. Наташа приняла последнюю дозу для боя, хотя ей не сильно помогло. Ну, значит, тем лучше. Такое зелье не должно существовать. Если оно не дает выйти из Сумрака — то не должно. Пусть все так и закончится.

— Согласна, — сказала Ведающая, прижимаясь ко мне. — Хотя я бы не отказалась от костра.

— Читаешь мои мысли, прорицательница?

Она посмотрела на меня, демонстрируя сплошную счастливую мину. Озерная вода довершила то, что начала родниковая, — прекратила фиолетовую боевую маску на лице волшебницы в детскую кляксу. В мокром мотоциклетном наряде, с оставшейся со вчерашнего дня размазанной тушью, с налипшими на лоб красными локонами Ведающая выглядела воплощением всего прекрасного, что существовало на всех слоях мира.

— Кулончик поломался, — сказал я, трогая фигурку скорпиона на ее шее.

— Вот блин. — Веда взяла его, легко сорвала с ремешка, и латунное членистоногое разломилось на две части. Быстро забрав одну из них, я взял руку Веды и начал цеплять половинку скорпиона на ее безымянный палец.

— Что ты делаешь? — рассмеялась она.

— Набираюсь эгоизма.

Волшебница моргнула немного озадаченно, провела языком по верхним зубам. Захлопала мокрыми ресницами, когда половинка скорпиона подобно перстню обхватила ее пальчик тонкими лапами.

Я наклонился к ее ушку и произнес:

— Ведающая, выходи за меня замуж.

Она медленно повернула голову, запрокинула ее кверху. Закрыла глаза, широко улыбнулась и потерлась своим носом о мой. С озера наконец нахлынул поток теплого весеннего ветра.

Глава 10

Я в последний раз посмотрел в зеркало, любезно вытащенное Клумси из «гантели», похлопал себя по щекам. Нашелся же повод, заставивший меня побриться в лесу. Сейчас я и не такое сделал бы.

— Сергей, — шепнула Марьяна, выглядывая из-за дуба. — Ты там скоро?

— Ты хочешь торопить меня в такой момент?

— В такой момент — особенно. Поверь бывалой женщине. Давай быстрее.

Отложив зеркало, я подтянул пояс балахона, надеясь, что при полном месяце он покажется не коричневым куском материи, а лунным кимоно самурая. Эх, сколько же я знал людей, которые бы с удовольствием сравнили мой предстоящий ритуал с сеппуку.

Меча я, впрочем, в лесу не нашел, а жаль — знал бы, чем занять руки.

— Ты отлично выглядишь, — заметила Марьяна, хватая меня за локоть. — Все, пошли.

В такой момент я не мог позволить ей вести себя, как барана на стрижку, — двинулся рядом с ней решительным шагом уверенного в себе человека. Какого черта мне так не по себе? Я ни-

чего не боялся. Твердо знал, чего хочу. Времени на обдумывание у меня было приличнее, чем у подавляющего большинства моих предков в подобной ситуации. И все же я не мог избежать мандража и принимал его как плату за намерения.

Мы вышли на маленькую, но просторную поляну, освещенную четырьмя факелами. Марьяна подвела меня к огромной березе, рядом с которой стоял Якут, раздобывший где-то белоснежный балахон. Ему он шел намного лучше, чем смотрелся бы на мне, — фигура вожака стаи на фоне белого древесного ствола выглядела живым монументом. Он указал мне на место по свою левую руку, и я стал, стараясь не сутулиться.

С противоположного конца чащи вышел Клумси, держа за руку Ведающую. Волшебница не стала надевать синий балахон — частично закуталась в него, как в парео, напоминая мне богиню плодородия. Ее волосы были уложены словно карминовый обруч, переплетенный полевыми цветами. Клумси все время краснел, шмыгал носом, и так получалось, что он не столько вел волшебницу, сколько старался не отстать от нее. Веда шла, резво переступая босыми ногами по траве и прутикам, глядя вниз и загадочно улыба-

ясь. Якут показал ей правой рукой, где стать.

Нас разделяли два шага.

Марьяна кивнула, и Клумси, сняв с дупла один из факелов, опустил его в заготовленный очаг, зажигая большой костер.

— Сергей Воробьев и Анжела Возрожденная, — обратился Якут чуть дребезжащим голосом. — Мы собрались здесь, чтобы объединить вас в союз. Согласно правилам стаи, я провожу церемонию от имени всего живого и сумеречного. Вы готовы?

— Готова, — звонко вымолвила Веда, глядя на меня.

— Готов, — подтвердил я, беря ее за протянутые руки. — Я клянусь любить тебя и заботиться до конца моих дней, быть с тобой в Свете и Тьме, вблизи и на расстоянии, в сумеречном мире или в живом. Если захочет поглотить тебя Свет — я стану Тенью, укрывающей тебя от палящего жара.

— Я клянусь любить тебя и разделить все невзгоды, которые Сумрак может наслать на нас, — вымолвила Ведающая. — Признать твои достоинства и недостатки, твое притяжение и отталкивание, принимать твою заботу как благо, какую бы форму она ни приняла, в сумеречном мире или в живом. Если захочет поглотить тебя Тьма — я стану Тенью, освещающей тебе дорогу.

Мы свели вместе правые ладони так, чтобы половинки скорпиона на наших безымянных пальцах сложились в единую фигурку.

— В сумеречном мире или в живом, — повторили Марьяна с Клумси синхронно.

Якут шагнул вперед и возложил руки на наши плечи.

— Да будет так, — сказал он. — Объявляю вас мужем и женой.

Веда приникла ко мне. Я подхватил ее, приподнял, чтобы наши губы соприкоснулись.

Клумси спешно утер лицо рукавом. Марьяна позволила слезам спокойно стекать по щекам. Друзья подошли и обняли нас.

— В сумеречном мире или в живом, — проговорил Якут. — Цените друг друга, несмотря ни на что.

* * *

Мы лежали в траве, накрывшись остатками синего балахона Веды, использовав мой вместо подстилки, и смотрели на луну. Сплелись мизинцами, глядя, как левая и правая части скорпиона движутся, подобно крыльям бабочки. Наши друзья прекрасно поработали, чтобы превратить части кулона в полноценные кольца — сначала

Вика насадила каждое на круглую металлическую основу, используя запчасти от мотоциклов, затем Марьяна переплела лапки серебряного насекомого тончайшими белыми и желтыми нитками, чтобы придать им прочности.

— Когда я была маленькой, то дала себе зарок, — вымолвила Ведающая, — что выйду замуж только за рыцаря, который убьет для меня дракона. Так что ты мне должен одного.

— Ты всегда будешь для меня маленькой, — заметил я. — Забыла про разницу в возрасте?

Смеясь, Веда потянула меня за нос и ответила:

— Время ее сотрет.

С ее стороны нельзя было дать лучшего ответа. Никто на всем свете не подметил бы точнее мои чувства. Потому я провел руками по ее нежным плечам и сказал:

— Когда я был не настолько маленьким, то тоже определился.

— М-м?.. С чем же?

— Что не буду ударяться в ненужное рыцарство и драться с драконом за принцессу, когда они — одна и та же личность. Вот во всех других случаях — сколько угодно.

— Вот ты какой, — улыбнулась Веда. — И который из этих случаев я?

— Тот, который может побудить рыцаря отказаться от поиска битвы. Повесить доспех на гвоздь и перейти к фермерству.

— Это лучший комплимент. — Веда обняла меня, прижимаясь лбом к моей щеке.

Луна любовалась нами, не желая опускаться к горизонту. Мы ее не торопили.

— Должна сделать признание, — сказала Веда. — Я бесконечно люблю жизнь.

— Наша плата за жизнь — магия, — ответил я.

— Хорошо. Я согласна на магию. И хочу получить свою долю в ответ.

Мы снова сблизились, ловя дыхание друг друга.

— Вот сейчас я жива, — шептала Веда, глядя на меня. — Наконец-то… я люблю тебя, мой муж.

И мир с этого мгновения изменился. Мы не входили в Сумрак — нечего ему вмешиваться в наши личные дела. Он недостоин нас. И все же мир, в котором мы жили, воздух, которым дышали, жизнь, которую любили, раз и навсегда переменились, словно мы перешли на новый слой, оставив позади все скандалы, недомолвки и самокопания. Мы стали одним целым и разделяться не собирались. И знали, что разделить нас невозможно.

* * *

— Смотри, — сказала Веда, проснувшись. — Там кто-то ходит.

Я чуть приподнялся, чувствуя, как смятая трава, любезно ставшая в эту ночь нашим ложем, зовет нас обратно. Приобнял Ведающую, аккуратно убирая с ее плеча сонную божью коровку.

В полусотне шагов от нас на берег озера вышел волк. Он двигался медленно, с трудом, склоняя голову к траве, словно готовился упасть и не знал, как выбрать верное место. Следом за ним шла Марьяна — неровно, спотыкаясь, прижимая дрожащие кулаки к груди.

— Что-то случилось, — сказала Веда, вскакивая и заворачиваясь в валявшиеся тряпки. — Надо проверить.

Я встал, подпоясался балахоном. Пошел следом за Ведой.

— Марьяна! — крикнула волшебница. — Что-то случилось?

Марьяна никак не отреагировала, хотя не могла не слышать. К моему горлу подступил ледяной ком.

Якут в волчьем облике опустился на мокрую землю, поворачивая к нам морду, густо усеянную

фиолетовыми крапинками.

— А, Сергей и Веда, — произнес волк неторопливо. — Что ж, вы тоже имеете право знать. Но прошу вас, будьте кратки.

— Нет, — пробормотал я. — Якут, что…

Марьяна села рядом с ним, положив руку на загривок, блестевший рыжей шерстью.

— Ты принял «камчатку», — пораженно вымолвил я. — Когда? Зачем?

— Вчера, — тихо догадалась Веда, ее руки тряслись. — Он должен был…

— Сломать прутья, — закончил за нее волк. — И спасти свою жену. Сергей, будь разумен. Ты должен понять меня. Сейчас — просто обязан.

Марьяна уткнулась в него, скрывая лицо.

— Простите, что не могу принять человеческий облик, — добавил вожак. — У меня мало времени. В волчьем — чуть больше. Я чувствую, как меня затягивает в Сумрак.

— Не надо, — замотал я головой. — Не ходи, прошу тебя.

— Это не нам решать, Сергей. Но нет никакой разницы. Я уже попрощался со стаей, передал все дела Марьяне. Справедливо, что я встретил и вас, перед тем как уйти.

Я сжал руки Веды, пытаясь остановить их

дрожь, чувствуя, как она передается мне.

— Все хорошо, — сказал Якут, опустив голову на песок. — Хороший был день. Я победил врагов, усилил стаю, повенчал Темного со Светлой, спас и в последний раз возлюбил свою женщину. Лучшего момента быть не могло. Меня ждет мой брат. Мы с вами снова встретимся, в сумеречном мире или в живом. А теперь я прошу оставить меня с Марьяной. Я хочу провести остаток времени с ней.

Веда бросилась к волку, обнимая его в последний раз, и я сделал то же самое.

— Прощай, Якут, — сказал я, часто моргая. — И спасибо тебе за все.

Я провел рукой по волосам неподвижной Марьяны, отстранил Ведающую от вожака. Волшебница подкосилась, охнула, чуть не упала в траву. Я ее подхватил, взял на руки, отходя назад, глядя, как волк медленно закрывает глаза. С лунным безмолвием смешался горький плач Марьяны, и затем из-за деревьев раздался волчий вой стаи — короткий и торжественный, провожавший своего отца в последний путь.

* * *

Могилу оборотни вырыли без моей помощи к утру, хотя в общей работе поучаствовал Клумси. На погребении Якута никто не произнес ни слова. Все речи казались излишними, и я решил ничего от себя не добавлять. Стая понимала лучше, что нужно делать.

Наши с Ведой костюмы и обувь успели высохнуть за ночь при жаре костра. Свой я даже немного подпалил, однако теперь подобные мелочи больше не занимали все мое внимание. Слишком много привычек от старой жизни осталось позади, отвалившись на удивление легко. Возможно, большинство из них я держал в себе нарочно. Вероятно, даже все.

Стая разошлась. У опустевшего холмика осталась сидеть одинокая волчица, зарывшая лапы поглубже в свежую землю.

Клумси подошел ближе к нам, поправляя ремень.

— Сезон закончен, — сказал он. — Марьяна распускает стаю до следующего года.

— Что она будет теперь делать? — спросила Веда, надевая мотоциклетные сапожки.

— Они получили двадцать восемь лицензий на

обращение. Марьяна за год разберется, на кого их потратить.

— А ты? — спросил я, опускаясь перед Ведающей и завязывая ей шнурки по новой. — Что будешь делать, Клумси? Тебе не обязательно возвращаться в Москву. У тебя есть право на свою дорогу. И ты, похоже, нашел свою стаю.

Клумси усмехнулся, потер подбородок. Борода у него растет, что ли? Давно уже пора.

— Да, нашел, — подтвердил он. — Стаю, мотоцикл, занятие, место… Вику. Но вы двое — тоже моя стая.

— Вику мы, так и быть, поселим на чердаке, — изобразил я задумчивость. — А из тебя, приятель, выйдет чудесный домашний питомец.

— Да, — улыбнулась Веда. — Прикупим тебе корма на месяц. А дальше лови мышей сам.

— Легко, — согласился Клумси. — Могу и вам притащить.

— И вообще ты задолжал нам пикник у Лины Кравец, — добавил я. — Впереди долгое лето. Уж исправь упущенное.

Клумси хотел сказать еще что-то, как из леса мягко выкатилась «гантель», ведомая Викой.

— Ты что? — испугался Клумси, подбегая к ней и перехватывая руль. — Ты же не можешь ее

удержать…

Вика не ответила, лишь с печальной улыбкой похлопала парня по руке.

И слезла сама, без посторонней помощи.

Мои пальцы застыли, запутавшись в шнурках Ведающей. Мы смотрели, как Вика, почти не сгибая коленей, все еще охваченных фиксаторами, передвигается по неровной земле, подходит к сгорбившейся над могилой волчице, обнимает ее за покрытую серой шерстью спину и что-то говорит. Я не слышал слов, но понимал их значение.

Веда вцепилась в меня, когда девушка плавно вытащила лапу волчицы и повела Марьяну в сторону, прочь от холма. Человеческая рука, держащая волчью лапу, стала первой, на что упал луч пронзившего листву солнца.

— Нам пора, — сказала Веда, вздохнув и разгоняя смятение. — Выедем сейчас — доберемся до Москвы к вечеру. Клумси сам разберется, что делать.

— Да, — согласился я. — Ты права.

— Одного не пойму. Кто же был союзником Дохсуна в стае?

— У него не было здесь союзников, — ответил я. — Он просто отдал «камчатку» Марьяне. Знал, что она сделает все, чтобы примирить

братьев. Марьяна исполнила часть сделки за Дохсуна — передала эликсир караванщикам из Набдрия-Скуж. А те решили забрать ее с собой и передать Инквизиции. Остальное мы знаем. И знаем, за что она просила прощения у Якута тогда, в тонущей клетке.

Веда с грустью посмотрела на могилу.

— Два брата приняли один и тот же эликсир, забравший обоих в Сумрак, — сказала она. — Бывает же такое. Кто же принял третью порцию?

— Думаю, этой тайне раскрыться не суждено, — ответил я. — Симптомов вроде фиолетовых точек или краснеющих волос я ни у кого здесь не встречал.

— Надо было мне перекраситься, чтобы не вводить тебя в заблуждение, — сказала Веда. — Если этот чертов эликсир убивает меньше чем за сутки, то уже не важно.

Мы обнялись на дорожку. Чуть задержались — на достаточно долгое время, чтобы очередной луч солнца упал на голову Ведающей.

Я смотрел на красные локоны, долго не желая переосмыслить то, что сам сказал минуту назад. Осторожно коснулся волос, отодвинул их в сторону, желая увидеть знакомые черные корни.

Вместо черных увидел лишь красные.

— Ты решил меня причесать? — довольно произнесла волшебница. — Давай.

Я повернул ее лицо к себе, дрожащими пальцами потер ее нижнее веко. Волшебница доверяла мне настолько, что даже не прикрыла глаз.

Под тушью, слегка переналоженной ночью для церемонии бракосочетания, виднелись фиолетовые веснушки, смешиваясь с обычными.

— Что ты смотришь? — спросила Ведающая, рассмеявшись на мгновение и от моего вида впадая в тревогу. — Сереж, что с тобой? Что случилось? Ответь мне!

Часть 3

Глава 1

Клумси в бешенстве затолкал мои сумки в кофры «Голдвинга», трамбуя их ногой. Мотоцикл бесстрастно терпел неуважительное обращение, словно чувствуя скорое путешествие.

— Так, давай еще раз, только медленно, — сказал я, не в силах сосредоточиться на сборах, позволяя Клумси упаковывать наши вещи самому. — Вспоминай, где и когда ты могла принять эликсир?

— Да не принимала я ничего! — повторила Веда в двенадцатый раз, рассматривая себя в зеркало и все больше впадая в трепет. — Я бы призналась. Ничего я не пила в этом лесу, ясно?!

— Когда ты в последний раз пила хоть какие-нибудь снадобья?

— В аэропорту, когда спасала людей после взрыва. Мне Светлые дали «лимошку». Знаешь, что это?

— Стандартная микстура восстановления. Чай с целительной магией. Джепп такой же пил. Значит, не аэропорт. Что еще?

— Пиво в «Мундусе» считается?

— Пиво пил и я. Тоже не считается.

— Больше ничего. — Веда раздраженно схватила себя за волосок, выдернула с корнем. Осмотрела внимательно, выбросила к предыдущим, уже составлявшим заметную красную горку у ее ног.

Клумси захлопнул топ-кейс «Голдвинга» на оба замка.

— Готово, — произнес он, явно страдая, что не может себя еще чем-то занять.

— Отравить тебя тоже не могли, — думал я вслух. — Некому и незачем. Вино в Белозерске… тоже не подходит. Может, ты все же как-то сделала это сама?

— Да, все я! — заорала Веда, отбрасывая зеркало, которое разбилось о березовый ствол. — Все я виновата! И собор Парижской Богоматери подпалила тоже я! Отвалите вы все!

Она снова принялась стирать с лица фиолетовые точки. Макияж уже давно пропал, и теперь волшебница яростно пыталась избавиться от крапинок, слившихся с веснушками формой и размером, но не цветом.

— Прекрати. — Я подошел, мягко взял ее за руки. — Так не получится. Надо решать вопрос иначе.

— Как? — спросила Ведающая. — Может, совпадение. Ягодами отравилась или рыбой той…

— Иные не могут так отравиться.

— Ладно. — Веда отступила, приложила пальцы к раскрасневшимся от растирания векам. — Хорошо. Я спокойна. У меня только два симптома, это может ни о чем не говорить.

— Два из двух. Это говорит обо всем.

— Еще нет. «Камчатка» убивает за сутки, верно? Так вот, я в эти сутки железно, стопроцентно не употребляла никакую «камчатку»! И я жива! Значит, мы все ошибаемся, и у меня просто самовнушение. Та ведьма вчера меня напугала, описав симптомы, и я их вообразила на себе…

— Веда…

— Подожди, дай договорить! «Камчатка» для чего нужна? Магический энергетик, так ведь? Так вот, никаких сверхсил я в себе не чувствовала и не чувствую! Я делаю все, что умеет Иная первого уровня. Не больше и не меньше.

— Веда, я не меньше тебя хочу, чтобы ты оказалась права. «Камчатка» и не дает никакой прибавки к уровню Силы. Она лишь снимает ограничения, лишает магической усталости.

— Но я чувствовала усталость! — Веда дернула себя за воротник. — И на мосту том, и на дороге, когда взорвала джип, и много где еще! Думаешь, будь я непобедимой, я бы не разобралась со всеми

упырями в стране сама в две минуты?

Клумси робко вмешался:

— Может, «камчатка» действует на тебя медленно? Якут и Дохсун были низшими оборотнями. В тебе Силы явно побольше… может…

— Клумси, заткнись, пожалуйста, — вздохнула Веда. — Если это и так, то…

И, не договорив, Ведающая пропала.

Я подскочил, опрокинув ящик Михи, на котором сидел. Клумси озадаченно потер ухо.

— …Тем более плевать, — сказала Веда, появившись так же неожиданно, как и исчезала. — Так понятно?

— Прости, я… — Клумси закашлялся, — все пропустил. Что ты говорила?

— Клумси, ты дурной?

— Веда, — осторожно сказал я, — ты только что пропадала.

— В смысле? — не поняла волшебница. — Куда пропадала?

Мы с Клумси переглянулись, и Ведающая отшатнулась.

— Ребята? — произнесла она срывающимся голосом. — Не пугайте меня, пожалуйста.

— Ты выпала на первый слой Сумрака, — выговорил я. — И сама не заметила. Веда… тебя уже

затягивает.

— Ой, мамочки! — Она повернулась и побежала к «Ямахе».

Я схватил Клумси за плечо, спросил:

— Мы можем выезжать?

— Можем.

— Я про нас с Ведой говорил. Ты куда собрался?

— Туда же, куда и вы, — ответил оборотень. — Провожу, насколько смогу. Кстати, вот.

Он бросил мне под ноги две сумки, набитые амулетами.

— Ребята пособирали тут с машин груз контрабандистов, — сказал Клумси. — Магические гребни, пилки, зубы животных. В основном все хлам, но наверняка есть и полезные штуки.

— Мы ничего не сможем из этого использовать, — решил я, внимательно осматривая содержимое сумок, напоминавшее случайную добычу вора в лавке галантерейщика. — Почти все доступно лишь Инквизиторам… А вот эта штука наша.

Я вытащил из сумки четки с отполированными шариками из граба.

— Что это такое? — спросил Клумси. — Я не про внешний вид.

— Это украли из Сити два года назад. Прямой

портал в наш офис. Хочешь себе оставить?

— Нет, благодарю, — отказался Клумси. — Бывал уже в твоем офисе и помял ковер.

Я сунул амулет в карман куртки.

Послышался знакомый шелест колес по листве.

— Так, мне надо прокатиться, — говорила Веда сама с собой, держась за руль своего спортбайка. — Музыку на полную, и вперед, разбивать шлемом мух. Сразу полегчает.

— Согласен, — сказал я. — И даже назову место назначения.

— Какое?

— Котлин, улица Грейга.

— Котлин? — уставилась Ведающая. — Ты про Кронштадт? А что там?

— Наташа говорила про какого-то Млечника, создавшего части «камчатки».

— Конечно, помню.

— И еще Якут рассказывал о логове мага, работавшего с Дохсуном. Именно там они с братом получили ранения. Это один и тот же колдун, и он создатель эликсира. Если мы узнаем больше, то есть шанс на противоядие. У братьев все равно не было времени. У нас оно есть.

Веда кивнула, залезла на мотоцикл. Она была

напряжена. Теперь ей придется все время смотреть, чтобы не вылететь в Сумрак снова.

— Клумси, скажи Вике, что вернешься к ней сразу, как сможешь, — предупредил я. — Настаиваю. Иначе мы тебя не берем.

— Уже сказал, — произнес Клумси. — Она все объяснит Марьяне, когда та будет готова слушать.

— Точно сказал? Что Вика ответила?

— Что я неприкаянный шершень с шилом наоборот. И стукнула по башке.

— Теперь верю, что ты с ней говорил. Поехали.

* * *

Веда двигалась первой, позволяя мне следить за ней. Неделю назад я не знал, какие признаки способны выдать мотоциклиста в плохом самочувствии. Теперь же я не пропускал ничего — ни внезапных покачиваний «Ямахи», ни ее виляющих задних огней, ни заторможенных движений волшебницы, ни прочих показателей того, что ей становится хуже. Я до последнего оттягивал момент, когда ее придется пересадить к себе. В последнее время на Ведающую свалилось слишком много. Она имела право наслаждаться единением с верной «ямашкой» столько времени, сколько

захочет, если это придавало ей сил.

Но у всего наступает финал. Переднее колесо словно споткнулось, когда волшебница стала прямо посреди дороги, медленно склоняясь к рулю. Я тормознул следом, подбежал, поставил ее спортбайк на подножку. Клумси остановил «гантель» чуть правее. Попутные машины объезжали нас, недовольно сигналя.

— Ну, все. — Я выволок Ведающую с сиденья, беря на руки и неся к «Голдвингу». — Дальше поедем вместе. Правильно, малышка?

— Не оставляй ее, — хныкала Веда, протягивая руки к «Ямахе». — Девочка моя… твой подарок!

— Я позабочусь, — заторопился Клумси, заглушая «гантель». — Найду рядом стоянку или гараж, оставлю «Ямаху» там. И потом вас нагоню.

— Спасибо, друг, — поблагодарил я, сажая Ведающую впереди себя. — А мы хоть где сейчас?

— Я видел поворот на Шлиссельбург.

— Значит, осталось совсем немного. — Я устроился на «Голдвинге» как мог. — Если не получится снова встретиться, делай что хочешь. Давай, дружище.

Наши с Клумси кулаки, обтянутые тканью мотоперчаток, сошлись вместе. Веда слабо попыталась повторить этот жест, и Клумси с

волнением сжал ее запястье.

— Берегите себя, — пожелал он.

«Голдвинг» рванул вперед. Клумси смотрел нам вслед, пока не пропал из виду.

— Хороший парнишка, — говорила Веда, когда мы набирали скорость. — И кот хороший…

— Ведающая, не спи, — произносил я с тяжелым сердцем снова и снова, уже видя перед собой въезд на питерскую кольцевую. — Слушай мой голос и не спи.

— Я не сплю, — отвечала волшебница каждый раз, уткнувшись шлемом в навигатор. — Разве я сплю? На мотоцикле нельзя заснуть. Вот же я, видишь?..

Темный город по левому борту медленно вращался вдоль опоясывающей его объездной, призывая ранние сумерки. Когда мы проезжали северные форты, на Котлин навалилась темнота.

Волшебница спала.

Глава 2

Кронштадт я проехал, не отрывая взгляда от дороги в Сумраке. Аура острова искажала любые сигналы, но я знал, что искать. Светлый маг, двое оборотней, битва, взрыв — достаточно, чтобы среди обилия фантомных образов получить нужную комбинацию.

Нужное место я нашел в самом конце улицы Грейга, у пустыря, в ночи казавшегося бескрайним. На фоне унылого неба выделялись руины — все, что осталось от пожара примерно двухмесячной давности. Когда-то здесь стоял дом с кучей охранных заклинаний, и некоторые из них еще работали, оберегая место от людского внимания и предоставляя ему гнить в одиночестве.

Я остановил «Голдвинг» в невидимой для людей зоне, в которой охранные чары еще работали. Место и без того оказалось полностью безлюдным. Не просыпаясь, Веда попыталась перевернуться, однако на приборной панели мотоцикла сделать это было невозможно. И все равно я не мог оставить ее здесь даже на минуту. Даже если бы ей не стало хуже, она все еще могла

просто упасть.

— Милая, проснись, — сказал я, потряхивая ее за плечи. — Мы приехали.

— Что такое? — спросила Ведающая, хлопая глазами. — Я снова провалилась в Сумрак, да?

— Нет, — ответил я, не желая представлять, что такое вполне могло случиться на дороге. — Мы у дома Млечника. Он разрушен, но что-то держит защиту. Я не могу распознать некоторые чары.

— Погоди, посмотрю. — Веда стащила с себя шлем. — Давит на голову. Есть попить?

Я вытащил из кофра бутылку минералки, и волшебница выпила не меньше литра.

— Как ты? — спросил я.

— Как подосиновик. — Веда стащила с себя перчатки, вылила на бледные руки остаток воды, умылась, проливая часть на мотокуртку. Вытащила из нагрудного кармана обручальное кольцо и надела на палец.

Мы синхронно рассмеялись, не сумев сдержаться даже в такой момент.

— Пора менять перчатки на новые, — сказала Ведающая. — Чтобы скорпиончика не погнуть.

— Мне с перчатками повезло, — произнес я. — Свое кольцо я не снимал.

— Вот и не смей.

— Не буду.

Волшебница пригладила волосы, огляделась.

— Да-а, — произнесла она. — Теперь я поверила, что подцепила эту твою «камчатку». А мне все равно не страшно. Может, пронесет, как думаешь?

— Все может быть, — искренне понадеялся я. — Давай и мы не будем испытывать шансы. Узнаем как можно больше про это место.

Веда подошла к развалинам, изучая их, словно прикидывала место для фотографии. Она держалась смело, вполне уверенно, если только это не было маской. Мысль, что она целиком рассчитывает на мою инициативу, настойчиво повергала меня в панику, которой я на минуту поддался. Я же не знаю ни черта, как ее лечить! Зачем ей подкинули проклятый эликсир, кто, когда и где! Понятия не имею, за что на нее свалилось это испытание!

Прежде чем паническая минута истекла, тревога уступила место нелепым допущениям. Сашка Агеев ясно сказал, что «камчатка» дает Силу, которую можно черпать из Сумрака бесконечно. Даже речи не шло ни про какой последующий упадок или тем более смерть. И Борисов ни о чем таком не предупреждал, а ведь речь шла про его

подопечную. Крепкий сон и единичное выпадение в Сумрак — период адаптации. Краснеющие волосы и фиолетовые веснушки — побочные эффекты. Или даже наоборот, вручную добавленный визуальный одорант, чтобы можно было быстро распознать, кто там «камчатки» напился. А что погибли Якут и Дохсун — так то потому, что они низшие оборотни. Негоже им иметь дело с элитным эликсиром, рассчитанным на сильных магов. Нет, ну правда. Если уж волшебница первого уровня недостойна такого эликсира, то кто вообще достоин? Высшие и без того черпают Силу практически неограниченно, им никакие энергетики не нужны. А если бы «камчатка» гарантированно убивала, то ее практическое применение не могло бы настолько заинтересовать Инквизицию. Так что зря мы волнуемся. Надо вернуться в Москву и отпраздновать наш союз как полагается — в ресторане и с плавниками акулы.

А затем я собрал воедино тревоги, надежды и вышвырнул в Сумрак, пожелав там им сдохнуть в забвении. Минута паники прошла. Больше я ей времени не дам. Пора разбираться с делом.

— Что выяснила? — спросил я.

— Здесь был дом, — ответила Веда. — Очень

древний, замаскированный под склад. И там, под развалинами, подвал. Все, что осталось. Входа не нашла.

Я посмотрел через Сумрак и едва удержался от звука восхищения — уже на первом слое все было чисто и убрано. Никаких развалин, только пустой и ровный бетонный пол. А на полу — люк с большим кольцом в центре крышки.

— Что тут? — гулко спросила Веда, заходя вслед за мной.

— Не входи, — запоздало сказал я. — Веда, тебе нельзя в Сумрак.

— Потому что могу не вернуться? Прекрати. Я бы почувствовала.

Было поздно осторожничать. Схватившись за кольцо, я поднял крышку без особого труда.

— Стой, проверю на ловушки, — сказала Веда, наклоняясь к проему. — Светлых капканов не вижу.

— А я не вижу Темных.

— Проверить бы на инквизиторские.

— Говорят, помогает швырнуть кота на счастье.

— Я даже знаю одного. — Веда принялась спускаться по лестнице.

— Не сочти за геройство, но, быть может, мне

надо было спуститься первым? — предположил я.

— Умный муж, — похвалила Веда изнутри подвала. — Перестал, как бизон, ломиться вперед любимой и кидаться грудью на амбразуру. Начал интересоваться моим мнением. Не сочти за доставучесть, но, быть может, тебе надо остаться наверху, чтобы при опасности вытащить меня?

— Хорошо начинаем первый день, — заметил я. — Никаких скандалов.

— Здоровый сон и приключения. Аж расчувствовалась. Ладно, спускайся уже.

Оказавшись внизу, я уставился на ровные ряды полок с какими-то сизыми склянками. Схватил Веду за руку, вытащил нас из Сумрака.

Кромешная тьма. Добавил света простейшим заклинанием, создал несколько огоньков в пространстве. Веда дунула на них, и огоньки лениво залетали по подвалу.

Ну, точно погреб колдуна, хоть в учебники тащи. Покрытые пеплом ящики, остатки механизмов, обломки допотопных устройств непонятного назначения.

— Похоже, он сюда не вернулся после нападения, — сказал я.

— Это что значит? Что ничего ценного тут нет?

— Рассчитываю, что есть. — Я переступил через перевернутый медный чан. — Давай хоть сделаем быстрый осмотр. Вдруг он заметки про свои яды пишет на бумаге и прикрепляет на стену.

— Ничего мы не найдем здесь без бригады аналитиков, — сказала Веда. — Можно обратиться в местный Дозор, только там никогда не найти особых умников. Они же меня знают. Если увидят, что я со своим уровнем ничего не поняла, то и сами не разберутся.

— Из Москвы вызывать долго, — сказал я. — Хотя надо бы, да. Может, к утру приедут.

Веда оглядывала закопченные стены.

— Почему здесь вообще никого не было? — спросила она. — Два оборотня разрушили дом Иного, а никто и не в курсе.

Я задумался над ее словами. И впрямь странно. На месте Ночного Дозора я после такого немедленно приостановил бы выдачу любых лицензий.

— Разве что Млечник сам никуда не обращался, — высказал я предположение. — Может, он работал настолько скрытно, что о нем никто не знал, кроме низших, которые выполняли для него поручения.

— Тайный колдун в Санкт-Петербурге, — произнесла Веда. — Нормальный вариант, чтобы

сделать «камчатку».

Я пнул ногой накрытый полотном затемненный ящик размером со шкаф для пива. Внутри что-то задребезжало. Поддавшись любопытству, я стащил покрывало и уставился на застекленный музыкальный автомат с сидящим внутри клоуном.

— Ого! — Веда подошла ближе, притянула один из световых огоньков. — Какая красота. В таком месте даже не ожидала.

— Да, симпатично, — согласился я. — И старый, начала двадцатого века. Только ящик новый.

— Давай запустим?

— Зачем?

— Нам все равно группу вызывать, — ответила Веда, ища кнопку или рычажок. — Сами мы здесь только все затопчем.

— Здесь щель для монет, — указал я.

И впрямь, снаружи спрятался заржавевший монетоприемник. Веда пропихнула в него палец, вытащила монетку, по которой было невозможно понять происхождение. Сунула в отверстие, и автомат осветился. Внутренние гирлянды подсветили кривую надпись «Паскаль», нацарапанную на стекле.

Голова клоуна повернулась к нам. Зрачки в

пластиковых глазницах зашевелились по разным траекториям, отслеживая возникшие перед ними две цели.

— Привет! — сказал клоун скрипучим голосом, словно внутри него крутились миниатюрные грампластинки. — Я Лактар! Добро пожаловать в дом Млечника, мастер!

— Ты нас понимаешь? — спросил я, чувствуя неприязнь к этой кукле. — Почему я твой мастер?

Оба глаза уставились на меня, отчего жизни в них не прибавилось.

— Оборотень разгромил хозяина, Темный убил оборотня, — сказала кукла. — Темный превзошел хозяина. Темный — мастер.

— А я не мастер? — спросила Веда. — Меня ты не будешь слушать?

— Светлая, Лактар не будет тебя слушать, — ответила кукла.

— Надо же, какой вредный Лактар, — покачала головой Веда. — И даже помочь не хочешь?

— Светлая, тебе нельзя помочь.

— В смысле? Почему нельзя?

Кукла процарапала изнутри стекло ящика и сказала:

— Через два часа ты будешь мертва.

Глава 3

Я медленно коснулся стекла, желая вытащить клоуна и свернуть ему шею.

— Что ты сказал? — выдавила Веда. — Ты это мне?

— Здесь только одна Светлая, — сказал Лактар, расплываясь в вечной нарисованной ухмылке.

— Лактар, дорогуша, — подал я голос. — К тебе обращается твой мастер.

Клоун повернулся всей конструкцией в мою сторону так, что внутренности ящика затарахтели, и сказал:

— Лактар слушает.

— Скажи мастеру, почему Светлая должна умереть через два часа.

Кукла задвигалась на обитом тряпками постаменте. На миг я решил, что она сломалась.

— Светлая есть донор Силы в «Паскале», — проскрипел Лактар. — Когда Сила закончится, донор умрет.

Ведающая взглянула на меня с недоверием, переходящим в страх.

— Почему Светлая тратит Силу? — продолжал я спрашивать, еле сдерживаясь. — Из нее вычер-

пывают магию?

— Не магию, — пояснила кукла. — Силу.

— Кто?! Кто вычерпывает Силу?

— Хозяин.

— Млечник?

— Да. — Кукла задвигалась чуть свободнее, будто внутри наконец заработали застрявшие шестеренки.

— Лактар, — сказал я, — мастер хочет, чтобы ты отвечал более детально.

— Лактар всего лишь кукла для напоминаний. — Ухмылка клоуна никак не соответствовала его оправданиям. Зато глаза выдавали безумие сокрытой в кукле энергии. Передо мной находился не искусственный интеллект, не призрак и не фантом. Владелец адского подвала десятками лет работал рядом с этим автоматом, общался с ним, пока под действием кошмарных ритуалов Лактар не превратился в сгусток эмоциональных и фактологических выплесков. Я говорил с искаженной копией Млечника. И неизвестно, кто из них был более вменяемым.

— Тогда напомни мастеру, что именно сейчас делает хозяин, — потребовал я.

— Хозяин завершает ритуал. Через два часа он будет закончен.

— Что за ритуал?!

Клоун наклонился, стукнул раскрашенным колпаком о стекло, добавляя жирности слову «Паскаль».

— Дело всей жизни, — сказал он. — Обряд переноса чужой Силы от одного мага другому.

Я коснулся надписи на стекле. В медленном переливе огней гирлянды я только сейчас заметил, что слово «Паскаль» было нацарапано изнутри. Лактар должен был долбиться в стекло годами, чтобы доделать работу.

— Закон Паскаля, — выговорил я. — О передаче газов и жидкостей…

— О чем ты? — спросила Веда в страхе.

— Сила — это точно такой же поток, — бормотал я. — Мы умеем передавать Силу друг другу. Делиться ею. Можно взять свою Силу и подарить Иному. Можно раздать сразу нескольким. И каждый получит понемногу. Но только добровольно. Забрать Силу нельзя.

— Почему нельзя? Мы же черпаем ее отовсюду, и от людей тоже.

— Но не от Иных. У Силы много источников — стихии, природа, река. Даже любовь и ненависть. Но и все они лишь накопители. Истинные источники — люди и другие организмы. А кто быстрее

всего аккумулирует в себе Силу? Иные. И еще не было в мире возможности насильно забрать Силу у одного Иного и передать другому. Да так, что никто из них не знает, что происходит.

Спустя несколько секунд Веда принялась дышать, и я понял, что до того она целую минуту этого не делала.

— Млечник забирает у Светлой Силу, чтобы стать мощнее? — спросил я Лактара.

— Нет, — бодро сказала кукла. — Млечник не забирает Силу себе. Млечник перетягивает Силу из Светлой в другого Иного, чтобы повысить его уровень.

— В кого?

— Лактар не знает.

— Хозяин уже делал это раньше?

— Нет. Хозяин делает это впервые. Но хозяин знает, что делает.

Со своей стороны я также провел ногтем по стеклу и пригрозил:

— А если мастер убьет Лактара?

— Прошу, не надо. — Кукла беспокойно задвигалась. — Лактар хочет жить.

— Значит, хочешь жить, тряпка поганая, — произнесла Веда. — Я сожгу тебя медленно, если не станешь отвечать.

— Не надо…

— Мастер приказывает Лактару отвечать на все вопросы Светлой, — сказал я.

— Лактар будет отвечать.

— Почему я умру, если из меня выкачать Силу? — спросила Ведающая. — От потери Силы Иной не умирает.

— Никто еще не терял столько Силы, сколько ты, Светлая. Никто и никогда за всю историю Сумрака.

Веда отступила от автомата, непонимающе уставилась в сторону.

— Если потерять слишком много, то я просто утрачу способность к магии, пока не восстановлюсь, — сказала она нерешительно.

— Чтобы восстановиться, надо зачерпнуть, — объяснил Лактар. — Чтобы черпать, надо потратить. Чтобы тратить, надо иметь часть Силы. Если Силы недостаточно — черпать будет нечем. Если Силы нет совсем — новую не получишь. Если Силы ниже нуля — Иной умирает. Светлая потратила больше, чем имела. Светлая скоро умрет.

— Что? — выдохнула Веда. — Как это потратила больше, чем имела? Да я…

— «Камчатка», — тихо сказал я, трогая нацара-

панные буквы на стекле.

— Что ты сказал? — не поняла Ведающая.

— Если ты под эликсиром, то ты могла потратить больше, чем имела. Взяла в долг у Сумрака. Когда действие эликсира закончится, Сумрак потребует отданное обратно. Но ни взять, ни отдать Силу ты не сможешь, даже если найдешь ее, потому что будешь в минусе. Сумрак затащит тебя внутрь, чтобы выпить досуха. И ты не вернешься.

— Мастер понял, — обрадовался клоун. — Лактар будет жить!

Замотав головой, Веда пробормотала:

— Сережа, я не тратила много Силы.

— Тратила, — сказал я, глядя на нее и стараясь не выдавать сжирающей меня безнадеги. — Млечник перетягивал ее из тебя. Но ты не заметила, потому что была под «камчаткой». Отток энергии компенсировался ее притоком. Ты, как проводник, прогнала через себя слишком много и сама не заметила. Отдала всю свою Силу, а когда она закончилась, ты взяла у Сумрака кредит, который не сможешь выплатить. Кто-то ограбил тебя, Веда. Кто-то забирал твою Силу в последние дни, чтобы перекачивать в другого Иного. И скоро процесс будет завершен.

Я взял Ведающую за плечи, глядя в испуганное лицо.

— Твои волосы… — проговорил я, стараясь не стучать зубами от избытка чувств. — Мы не увидели, что корни стали краснеть, потому что ты и без того была перекрашена. Фиолетовые точки на лице скрылись под веснушками, включая искусственные. Веда, кто посоветовал тебе делать такой макияж? Это не может быть совпадением. Четыре года назад ты так не красилась. Да и волосы были ярче. Скажи, откуда у тебя такой стиль? Тебя нарочно заставили измениться, чтобы скрывать симптомы до последнего.

— Никто, — прошептала Веда. — Я сама купила тушь и краску. И я так хожу уже год.

— Год, — заморгал я. — Ты можешь быть под «камчаткой» целый год?

Лактар снова застучал в стекло.

— Мастер неправ, — заскрипел он. — «Камчатка» убивает за сутки. Срок жизни может быть продлен до одной недели, если донор является Светлым и движется на север. Или — если донор Темный и движется на юг.

Кукла замолчала, словно мы получили все ответы.

— Север… — Я медленно двинул кулаком в стек-

ло, боясь, что если разобью, то меня вырвет от брезгливости. — Трасса Москва — Архангельск. Веда, ты ехала на север со стаей! Ты продержалась дольше, потому что сместилась к северу!

— Нет… — Глаза волшебницы увлажнились. — Я не верю…

Из последних Сил я поискал в себе любое другое объяснение происходящему. И не нашел.

— Лактар, — сказал я, ненавидя это прозвище, как и все другие, связанные с колдуном. — «Паскаль» — это название обряда по удаленному переносу Силы?

— Да, — ответил клоун.

— И прямо сейчас хозяин проводит этот обряд с этой Светлой?

— Да.

— И через два часа обряд будет закончен?

— Нет. Уже меньше.

— Как ты можешь знать точно, кукла?

Нарисованные глаза снова завращались.

— Хозяин овладел искусством подсчитывать расход Силы, — ответил Лактар. — Хозяин знает точно.

— А ты можешь сам точно сказать?

Во внутренностях автомата что-то затарахтело. И из горизонтальной цели выполз бумажный

чек. Я вытащил его, вглядываясь в движущиеся цифры. 1:54:22. Последние числа уменьшались на единицу с каждой секундой.

— Обратный отчет? — вымолвил я, стараясь, чтобы Ведающая не увидела.

— Дай! — Она вырвала у меня чек, посмотрела, и ее руки затряслись.

— Тихо, — сказал я, обхватывая Ведающую за талию. — Лактар, ты знаешь, где сейчас хозяин?

— Нет.

— Тогда внимательно слушай следующий вопрос. Ты знаешь, кто твой хозяин?

— Лактар не понимает.

— Ты можешь показать нам, как он выглядит?

Клоун поднял пластиковую ладонь, выглядывавшую из-под кружев на рукаве. Резко стукнул ею о постамент, отрывая целиком. И принялся с мерзким звуком царапать культей по стеклу, оставляя рыхлый след от пластмассовой крошки.

Веда сжала уши руками, чтобы не слышать скрежета. Я хотел сделать то же самое, но стоял и смотрел, как по ту сторону стекла создается четкий рисунок лица невероятно высокой детализации. Клоун видел его слишком долго и запомнил до мелочей — таких, как обрюзгшее лицо, тяжелый взгляд и даже прическа.

— Нет, — пискнула Веда, прижимаясь ко мне. — Нет!

В свете унылой гирлянды и мраке теней, нарисованный розовыми штрихами, на нас смотрел Светлый маг Дмитрий Борисов.

Глава 4

Веда отскочила назад, и ее стошнило в одну из пустых склянок. Ее начал бить сильный кашель. Я бы принес ей еще воды с мотоцикла, но оставлять ее одну не имел права.

Оказывается, я толком и не помнил Борисова до его инсульта.

— Теперь мы хотя бы знаем, — сказал я, понимая, что мои слова не могут служить утешением.

— Не верю, — прохрипела Веда, вытираясь платком. — Этого не может быть.

— Может, — горько сказал я. — Это все объясняет. Мы никогда не знали этого человека.

Волшебница перестала кашлять, выпрямилась, взмахнула руками в отчаянии.

— Ты спрашивал, откуда у меня новый макияж, — проговорила она, ища на тряпке чистое место, чтобы вытереть слезы. — Так вот, мне тушь подарил Вадик. Сказал, как лучше пользоваться, как правильно эти точки наносить. А мне еще и смешно было. Ну откуда может знать мужик эту кухню? А ему же больше сотни лет, и он знает больше меня. У него же и внучка меня по-прежнему копирует. Все никак не привыкну.

— Борисов намного старше, — сказал я. — И с Вадимом знаком дольше. Веда, прости мои слова, но ты для них — расходный материал. Каким был Дохсун, каким были и остаются все, кто с ними работал.

Я снова пнул автомат.

— «Камчатка» здесь лишь мелкая деталь, — сказал я. — Млечник, он же Борисов, создал технологию перекачки Силы от Иного к Иному. Такую, что никто не подозревает, в чем дело. Это способ убить любого Иного на планете. Любого! Убить не заклинанием, а Сумраком. А также верный путь другому Иному повысить уровень, потому что мощный и долгий приток Силы искусственно прокачивает мага за счет истощения другого. Ритуал «Паскаль», о котором никто не знает и никогда не слышал, потому что его ни разу не применяли до этой недели и сейчас решили протестировать на тебе, обманом заставив выполнить все условия.

— Почему на мне? — плакала Веда. — Что я сделала?

— Если бы я знал, — стиснул я кулаки. — Этот чертов ритуал, полагаю, был придуман давно, но его оказалось невозможно провести, потому что никакой Иной-донор не способен тратить

огромное количество Силы слишком долго. И тут Борисов находит выход. Создает «камчатку», магический энергетик, с которым можно принудить донора бездумно черпать из Сумрака, приговаривая тем самым себя самого к развоплощению. И вся полученная им Сила забирается колдуном через «Паскаль». Донор ни о чем не подозревает. Чтобы выиграть время, его отправляют на север, если он Светлый, или на юг, если Темный. Может, этот «Паскаль» как-то связан с полюсами Земли, не знаю. Затем «камчатка» прекращает свое действие. Добивает донора. Ритуал заканчивается, и… и…

— И я ухожу в Сумрак, — закончила за меня Веда. — Из меня качают жизнь прямо сейчас, да? Именно так все будет?

— Да, — сказала кукла.

— Твою же мать! — закричала Веда, сгибаясь к полу. Я подхватил ее, не давая упасть.

— Смотри, смотри на меня, — говорил я, пытаясь поймать взгляд Веды, крутящей искаженным лицом. — Тише, родная. Тише. Вот так.

Она чуть затихла. В ее фиолетовых веснушках отражались летающие над нами огоньки.

— Ты спрашивал, могла ли я принять эликсир, — рыдала Веда. — И я дала тебе кучу ответов,

хотя самый верный отбросила сразу, как вспомнила. Когда Борисов отсылал меня знакомиться с Якутом, мы выпили на прощание по стакану тоника. Я даже не придала этому значения, когда ты спросил, что я принимала перед выездом. Потому что я верила Борисову, понимаешь?

— Стараюсь понять, — сказал я. — Потому что настолько никому не верю, кроме тебя.

— Надо было мне ответить тебе взаимностью. — Веда уставилась в угол автомата.

Я кое-что прикинул в уме и спросил:

— Где вы пили тоник?

— В кафешке в парке.

— Каком парке? Случайно не Фили?

— Да. Как ты узнал?

Почувствовав, что Ведающая уже может снова стоять на ногах, я отпустил ее и сказал:

— Именно там Клумси выбросил флакон с «камчаткой», чтобы ее забрал Дохсун.

— Мир и в самом деле тесен, — заметила волшебница.

Я прислонился спиной к стеклу автомата, больше не чувствуя к нему такого отвращения.

— Веда, теперь мы знаем все, — сказал я. — Суть ритуала, истинный замысел, почему тебя послали в мотопробег на север. Похоже, у Бори-

сова для своего плана не хватало одной детали. У него не было самой «камчатки», несмотря на то, что он был ее создателем. Возможно, в мире существовало всего три порции. По каким-то причинам эликсир хранился в офисе Ночного Дозора Москвы. Надо было его оттуда извлечь. И тогда Борисов делает наглый ход: убеждает Ночной Дозор подарить «камчатку» Инквизиции. Нужно было, чтобы эликсир вынесли из здания. Его упаковывают в защитный флакон, передают Саймону, все проходит успешно. Эликсир временно перемещен в отель в Сити, пока его не вывезут. К этому времени Борисов вызывает своего наемника, оборотня Дохсуна, организовать нападение на Инквизиторов. Возможно, в обмен обещает простить разрушение его питерского особняка. Дохсун соглашается, но выставляет свое условие: часть порций эликсира он забирает себе. Его интерес — подарить энергетик северному торговому каравану Набдрия-Скуж в обмен на потепление отношений со стаей его брата. Так он сам хотел снова сойтись с Якутом.

— И Борисов просто так соглашается отдать часть зелья?

— А что ему терять? Ему нужна была лишь одна порция. Остальными он пожертвовал в качестве

оплаты. Дохсун сначала сработал грязно — устроил покушение на Инквизиторов в аэропорту, чтобы «камчатка» как можно дольше находилась вне здания Дозора. Затем он перепоручил дело Клумси и трем другим оборотням, обещая место в стае. Клумси справился — оставил «камчатку» в парке Фили, где ее и подобрал Борисов. Возможно, вы с Клумси разминулись на десяток метров или пять минут и сами не заметили. Вы с Борисовым пьете тоник, он подливает тебе эликсир. Оставшиеся порции оставляет на прежнем месте, где их потом забирает Дохсун. Ты едешь к Якуту, я ищу Клумси, а Дохсун распоряжается своими порциями «камчатки» уже известным способом. Одну отдает Марьяне с просьбой сохранить ее для передачи контрабандистам. Вторую принимает сам, чтобы увеличить свои боевые качества и напасть на меня сразу же, как только я найду улики против стаи. Однако Дохсун не знал, что «камчатка» смертельна. Как низший, без притока энергии извне, не двигающийся ни на север, ни на юг, он не в силах противостоять отравлению эликсиром. И проигрывает мне бой.

— Теперь все понятно, — вымолвила Ведающая. — Только зачем Борисов отправил тебя искать меня?

Я промолчал, хотя чувствовал ответ.

— Ну конечно, — печально улыбнулась Веда. — Он хотел, чтобы меня гарантированно довели до конца путешествия. Знал, сволочь, что по пути меня могут сожрать или еще что-то сделать нехорошее. Не зря же меня маг из Авеалаш так осматривал в Сумраке — охренел, бедолага, от «Паскалей» с «камчатками» в моей ауре. Борисов хотел, чтобы я оставалась в безопасности до самого конца, чтобы его драгоценный обряд не прервался. И даже знал, кто на целом свете будет оберегать меня так, как никто другой. Сказать, что мне сейчас противнее всего? Что Борисов эту твою черту распознал быстрее, чем я. Хотя мы с тобой полгода вместе жили, а он тебя в жизни видел пять минут.

Взяв ее руку, я повернулся к кукле:

— Лактар, мастер желает прервать ритуал «Паскаль». Как это сделать?

— Прервать ритуал может лишь хозяин.

— И как можно заставить его это сделать?

Полные искусственной жизни глаза смотрели на меня.

— Убить хозяина, — ответила кукла.

Посмотрев на Веду, я медленно ткнул указательным пальцем в стекло автомата и сказал:

— Принято.

Веда уставилась на чек.

— Час пятьдесят, — сказала она. — Сережа, у меня мало времени. Надо что-то делать.

Я мягко взял у нее чек и произнес:

— Рад, что ты не стала оспаривать совет куклы.

Взгляд Ведающей был красноречивее любых слов. Как все прекрасные создания, она любила жизнь, свою и чужую. И как уважающий себя человек, не терпела предательства. То, что происходило сейчас, не вписывалось в рамки бытовых или рабочих разборок. Борисов совершил предательство. Медленное, методичное, посекундно расписанное. Ни Ведающая, ни я не собирались делать больше необходимого. И знали, что не сделаем меньше. Кукла дала нам ответ — кристально верный и понятный.

Затем я вспомнил, где нахожусь, и меня затрясло.

Что, во имя Сумрака, мы успеем сделать за два часа? Борисова в последний раз мы видели в Москве несколько дней назад. Сейчас он может быть где угодно. А союзников, способных быстро доставить нас к нему, у нас нет. Не говоря уже о том, что достать Борисова с его многовековым

опытом будет не так-то просто.

— Лактар, можно ли оттянуть конец ритуала? — спросил я.

— Хозяин сам решает, когда начать ритуал. Как только он начат — конец строго определен.

— А «камчатка»? Можно оттянуть момент полного истощения, когда Силы недостаточно?

— Нельзя.

— А если снова поехать на север?

— На поздней стадии это не работает.

— Подкачка Силой поможет?

— Да, — ответил Лактар. — Понадобится очень много. Больше, чем способны дать амулеты, аккумулирующие Силу, или другие Иные.

— А где можно взять больше?

— Гипотетически — в местах Силы.

Я повернулся к Ведающей, с надеждой смотрящей на меня.

— Вот оно, — сказал я.

— Место Силы? — Веда задумалась, вспоминая ближайшие к Питеру подобные зоны. — Они все давно под охраной Дозоров, простому Иному не попасть. Хорошо, что я дозорная. Если мы поедем в питерский Ночной, меня должны допустить к ближайшему месту, где у меня будет больше времени, и тогда ты сможешь…

Она не договорила. Да это и не было нужно. Нарисованное лицо Борисова за моей спиной смотрело на нас, словно предлагая запомнить образ, когда наступит время крайних мер.

Совсем неожиданно образовавшуюся тишину нарушил телефонный звонок.

Я вытащил трубку, глянул на экран.

— Здравствуй, Саша, — сказал я. — Давно не толковали. Все у вас хорошо?

— Привет, — ответил Агеев.

Что-то было не так. Его голос звучал неуверенно.

— Саша, я знаю все насчет «камчатки». Мне придется долго рассказывать, но тебе не понравится. Сам эликсир принести не могу, уж извини.

— Извиняю, Воробьев. Теперь это не нужно.

— Что? — не понял я. — Погоди, как это не нужно?

— Мне тоже придется долго рассказывать. Я чего тебе звоню-то… У меня тут послание.

— Да, я слушаю. От кого?

— Послание не к тебе. — Саша продирался сквозь слова как через терновый куст. — К Анжеле Возрожденной. Ты можешь ее найти?

Я с оторопью посмотрел на Ведающую, переключил телефон на громкую связь.

— Говори, она тебя слушает.

— Э-э… ладно… — Саша помедлил. — Анжела, у меня к вам сообщение от Ночного Дозора города Москва.

— Да, здравствуйте, — озадаченно сказала Ведающая. — Они теперь через ваш штаб работают?

— Не совсем. В общем, они хотят, чтобы вы знали следующее…

— Говорите уже.

— Вы уволены.

— В смысле? — не поняла Веда.

— Не могу прокомментировать. — Судя по голосу, Агеев явно сам был в полнейшем диссонансе. — Весь текст звучит так: вы уволены, не пытайтесь воспользоваться привилегиями дозорной, не приближайтесь к объектам, доступным лишь дозорным, не пользуйтесь специализированной магией дозорных, не задавайте встречных вопросов до персонального уведомления. Это все.

— Кто отослал эту дурь?! — рявкнул я.

— Подписано: Саймон Джонсон.

— Что?! — воскликнула Веда.

— Да, все верно, — сказал Агеев. — На ближайшие два часа полный контроль над Ночным Дозором Москвы и всей России установила Ин-

квизиция.

Глава 5

Перехватив трубку, я отчетливо сказал:

— Саша, нет времени объяснять, просто слушай. Мне срочно нужно получить доступ к любому месту Силы. Очень срочно, в течение часа. Самый край — полтора. Надо настолько, насколько ты хотел бы дышать. С меня причитается все и даже больше.

— И не объясняй, — произнес Саша. — Инквизиторы и нам прислали весточку. Все места Силы на континенте опечатать заклинаниями и никого к ним не пускать. Я понятия не имею, что там у вас творится. Ты бы приехал и рассказал. Можно устно.

Ужас во взгляде Веды был красноречивее любых слов. Вероятно, я и сам выглядел так же. Невозможность добраться до места Силы — полбеды. Куда хуже, что нас опережали на несколько шагов. Возможно, Борисов знает, что мы в его логове.

— Сейчас я занят, — сказал я Агееву. — Вернусь как смогу. Имей в виду: я буду искать любое место Силы и сделаю все, чтобы туда прорваться через час. Не хочешь помочь — хотя бы не мешай.

— Не могу не мешать, уж извини. Саймон дал четкие указания, я не могу ослушаться Инквизиции…

— Тогда я рад, что этих указаний лично не слышал, — ответил я и отключился.

— Так, я пошла отсюда, — нервно сказала Веда, выходя через Сумрак. Я метнулся за ней по лестнице наверх, на свежий воздух.

Веда уже рылась в кофре «Голдвинга» в поисках минералки.

— Они знают, — сказал я, чувствуя, как холодный ветер остужает мой вспотевший лоб. — Борисов сдался Инквизиции, чтобы продать им «Паскаль». Они перекрывают нам все пути. Хотят проверить, работает ли ритуал. Эта технология — лакомый кусок, достаточно, чтобы пожертвовать одной Светлой. Если на выходе они получат другого Светлого твоего уровня — то Инквизиция и вовсе ничего странного не заметит.

— И что нам делать? — спросила волшебница.

Я посмотрел на чек.

1:48:42.

Через час и сорок восемь минут Ведающая должна умереть.

В ее кармане что-то завибрировало. Бросив бутылку на землю, Веда вытащила свой телефон.

Даже мне было видно, как с тонкого гаджета на глазах спадали защитные Светлые чары.

— Они отключают меня от филиала, — произнесла Веда в шоке.

Сунула руку в другой карман, вытянула удостоверение дозорной. Уставилась на него, и ее руки задрожали, она выронила документ вслед за бутылкой. Я наклонился, подобрал заламинированный кусок картона, чтобы увидеть, как данные тускнеют с каждым мгновением. Сначала растворилась печать, затем имя. Последней угасла фотография.

— Я больше не дозорная, — сказала Веда. — Как, Сереж? Как они могут так просто отдать меня?

— Инквизиция имеет право потребовать уволить любого сотрудника, — тихо сказал я, заводя мотоцикл. — Дозор может сразу же подать апелляцию, но возврат потребует времени. От суток и больше. Не думаю, что Москва или Чита готовы тебя отдать просто так. Их просто вынудили сделать это на несколько часов. Боюсь, ты не сможешь затребовать доступ к месту Силы.

— А ты сможешь!?

— Для Светлой — нет. Даже если бы удалось, нам не пройти охранные чары.

— Поняла, — сказала Веда дрожащими губа-

ми. — Амулеты с Силой? В питерском филиале они должны быть.

— В котором из них, Веда? Если в Ночном Дозоре — тебе их не выдадут, как не действующей сотруднице, а мне — потому что я Темный. Если в Дневном — то же самое. Тебя даже могут арестовать за попытку провокации с целью истратить на себя драгоценные ресурсы. Но надо попробовать. Садись, мы поедем в офис Светлых.

Кивнув, Веда вытерла глаза и спросила:

— Куда мне садиться? Снова вперед?

— Назад, и держись за меня. Если будешь настроена на связь — в Сумрак не выпадешь.

Две минуты спустя мы ехали по кольцевой на запад. Ночь наваливалась на нас, прокладывая дорогу неотвратимости. Я внезапно понял, что все это происходит на самом деле. Для Веды все стало ясно в момент полной ее потери связи с Дозорами. Сейчас она прижималась ко мне, как к последнему живому существу на планете. Я не мог разделить с ней ее страх, тоску и отчаяние, и от этого мне становилось совсем плохо.

— Держись, — сказал я, сжимая ее ладонь. — Мы скоро будем. Нам помогут. Обязательно…

Волшебница дернулась, ударяя меня шлемом в спину. Лихорадочно оглядываясь, я в череде

беспорядочных движений Веды увидел, что ее сотрясают судороги. Ее дергало из стороны в сторону. «Голдвинг» раскачивался, грозя выбить ее из сиденья.

— Веда! — заорал я, давя на тормоз. — Веда, держись, не падай! Я сейчас…

И в меня, в упор через спину, ударил «пресс».

Я сместился сильно вперед, ударяясь грудной клеткой о ветровое стекло. Руль «Голдвинга» разорвало в клочья волной кинетической энергии от волшебницы, корчащейся в спазматическом припадке на пассажирском сиденье и непроизвольно расплескивающей Силу вокруг себя. Неуправляемый круизер со скрежетом повернулся набок, завалился вперед на скорости сто двадцать километров в час, впечатывая нас в ограждение. Перед тем как почувствовать хруст собственных ребер, я успел увидеть, как Ведающая перекатывается по дороге, подобно сбитому котенку. Следом пришла адская головная боль, грозящая разорвать меня на части.

По ободу лопнувшего заднего колеса вращался небольшой файербол. Я уперся в дорожное полотно, попытался встать, и бензобак «Голдвинга» сдетонировал, притянув шар огня.

Лежащая в двух шагах от взрыва Веда не ше-

велилась.

Скидывая шлем, я с кривым лицом дополз до нее, готовя целительные заклинания, — и Веда пропала в Сумраке.

— Нет… — пробормотал я. — Куда ты? Вернись. Вернись, прошу тебя.

Снова упав на дорогу, я в отчаянии смотрел на горящий, искореженный «Голдвинг». Отвернулся, вытащил чек Лактара, чтобы увидеть новые цифры. 1:42:07.

— Я знаю, ты где-то здесь, — бормотал я. — Вернись, пожалуйста. Веда…

Фигура волшебницы снова проявилась на дороге. Она смотрела раскрытыми глазами в небеса.

— Хорошо, родная, — заторопился я, размещая руку над ее животом. — Сейчас все исправим…

Уверенный поток «Авиценны» поплыл в сторону ее солнечного сплетения, и цифры на чеке скакнули вниз.

— Что? — не поверил я глазам, глядя на новые данные.

1:37:16.

— Продолжай, — монотонно попросила Веда.

Я рухнул рядом с ней, потрясенно глядя на ее ранения.

— Нельзя, — выговорил я. — Милая, лечение

расходует твою Силу. И время… оно тает.

Она не ответила.

Целиком поддавшись мертвенному ужасу, я врезал кулаком по дороге, едва не вывихнув себе кисть.

— Хватит, — произнесла Веда, бледнея на глазах. — Не надо…

Заплакав, я приподнял ее, стащил ее помятый интеграл с головы. Кровь смешалась с красными волосами, издевательски добавляя новых оттенков к «камчатке».

— Я видела в Сумраке Свет, — сказала Веда, кладя голову мне на плечо. — Он манил меня… чистый, яркий. И там летала Тень. Светлая, прохладная, как веселое пятнышко. Звала меня назад. Я пошла за ней, и вот я здесь, с тобой.

— Веда…

— Побудь со мной… — Веда попыталась обнять меня, и у нее не хватало сил. — Прости, что так мало мы…

— Не говори так!

— Не зови никого. Хочу уйти так, с тобой.

Я смотрел на свою трясущуюся руку с ожидающей целительной энергией, не зная, что мне делать.

Сумрак снова предоставил мне выбор. Влить

остаток Силы на исцеление Ведающей и сократить срок ее жизни до считаных минут или оставить все как есть, позволяя ей агонизировать полтора часа.

— Все хорошо, — поникла Веда. — Мы снова увидимся. В сумеречном мире или в живом. Хочу побыть со своим мужем. Вот так…

Сквозь застилавшую зрение пелену я смотрел на питерское небо, в которое поднимался столб дыма от горящего «Голдвинга».

Инквизиция перекрывает все места Силы.

Инквизиция.

— Хорошо, — сказал я. — Побудем с тобой вместе. Только не здесь.

Погасив «Авиценну», я вытащил телефон, набрал номер, которого не было и никогда не будет в памяти сотового, а только в моей собственной.

— Нам кто-то еще может помочь? — слабо спросила Веда.

— Да, — ответил я. — Люди.

Через два гудка в трубке послышался незнакомый мне голос.

— Здравия желаю, — сказал я как можно увереннее. — Это Сергей Воробьев, первый ранг Дневного Дозора города Москва. Личный код один-восемь-девять-восемь, Зоя-Антон-Влади-

мир.

— Выборг принял, слушаю вас, — сказал голос.

Чувствуя, как кровь из головы Ведающей капает на мое ухо, я произнес:

— Запрашиваю срочный медицинский вертолет на Кронштадт, шестой Северный форт, в зону пожара на трассе. Также требуется «голубка» без боезапаса для немедленной доставки двух человек с вылетом с авиабазы Левашово.

— Принято. Место назначения?

Я посмотрел в холодные глаза Ведающей и ответил:

— Аэродром Бельбек. Севастополь.

Глава 6

Склонив нос, истребитель начал снижение на ярко освещенную полосу аэродрома. Я чуть приоткрыл глаза, следя за Ведающей, лежащей в тесном пространстве между мной и стеклянной крышей стальной птицы. Крыша страшно вибрировала, добавляя шума в громкие звуки, скрываемые наушниками, которые Веде пришлось аккуратно надевать на перебинтованную голову. Волшебница все еще находилась под действием морфина. Первую дозу она получила прямо на дороге через четыре минуты после моего звонка. Вторую я получил в медицинском вертолете и вколол ее Веде примерно над Воронежем.

Максим фон Шелленберг, старый прохиндей, работал очень тщательно. Настолько, что хранил в тайне все дела, имевшие отношение к его планам, включая данные про Севастополь и Херсонес. Последнее на континенте найденное место Силы, о котором не знает Инквизиция. Не знает Саймон Джонсон со своими коллегами, не знает даже Агеев. В материалах моего процесса упоминались все детали, кроме того факта, что фон

Шелленберг собирался инициировать Кристину в Херсонесе именно потому, что там располагался никому не известный энергетический очаг. Удачное расположение: совсем рядом со вторым очагом, известным. Место Силы в районе 35-й батареи, конечно, перекрыто для нас. Но то, что в Херсонесе, должно оставаться доступным.

Дневной Дозор работал с российскими войсками с первых дней своего существования в Москве. То, что начиналось как совместная охота на вальдшнепов, спустя века переросло во взаимное сотрудничество с отдельно взятыми офицерами, имевшими широкие полномочия. Ночной Дозор больше состыковывался с полицией. Мы — с армией.

Право прямого вызова военных приравнивалось моим штабом к магическому вмешательству, несмотря на совершенно приземленный принцип, история которого превосходила любую магию: «Ты — мне, я — тебе». В нужный момент неизвестный мне «Выборг» вызывает наш штаб по номеру, который нельзя записывать, попадая на зачарованный телефонный аппарат в кабинете, расположенном через две комнаты от окна Астрид Ольсен. Получает содействие со стороны Темных. Взамен, при особой надобности, дозор-

ный звонит Выборгу или ряду других агентов, получая всю помощь, которую в рамках разумного может оказать армия.

Для истребителя шестого поколения, не имевшего даже официального порядкового номера и называемого просто «голубка», моя текущая просьба почти выходила за рамки разумного.

Пролететь от Санкт-Петербурга до Севастополя меньше чем за час, с двумя ранеными пассажирами на борту, — задача не из легких. «Голубка» справилась. Хотя она и была двухместной, на месте пилота по-прежнему сидел профессионал, чьего имени я так никогда и не узнал. Мы с Ведающей заняли узкое пространство сзади, предназначенное для второго пилота. А поскольку нас перевозил незавершенный прототип, то летели мы в тесном пространстве между листами рифленого металла с вырезами под приборы, в котором не было даже кресла, не говоря уже о катапульте.

Чисто теоретически я мог бы перегнать «голубку» самостоятельно, если бы я находился в отличной форме и тратил всю Силу в просмотр линий вероятностей. Сорок часов на тренажере и один вылет на Су-57 внушали мне некоторые шансы. Однако теперь я был не один и провел

весь полет, удерживая Ведающую от попадания в Сумрак. Напрасно я полагал, будто самое страшное для нее — потеряться в слоях пространства, сидя на движущемся мотоцикле. Сделать это в ревущем истребителе, развивающем скорость в пять чисел Маха, было бы куда страшнее.

Всю свою концентрацию, всю волю я направил на непрерывную связь с лежащей на мне волшебницей, чьи руки холодели все больше. Я поддерживал в ней жизнь, снимая по мере надобности кровотечение, предоставив морфину разбираться с болью. Моей собственной Силы уже почти не оставалось, и я тратил последние крохи, чтобы ежесекундно тащить Веду из Сумрака и блокировать все ее спонтанные попытки снова расплескивать свою магию.

Будь у «голубки» еще и вертикальный взлет — нам с Ведой жилось бы намного легче. Однако приходилось закладывать время на дополнительный перелет до Херсонеса. Одолеть последние четырнадцать километров я мог и сам — если к нашему прилету будет ждать новый транспорт.

На момент посадки «голубки» чек Лактара показывал двенадцать минут.

Не понадобилась даже лестница — к кабине истребителя подогнали небольшой трап. Я ста-

щил Веду по нему, понимая, что никто здесь не станет со мной разговаривать, но зато не будет и мешать. Подняв драгоценную ношу выше, чтобы сломанные ребра ныли не так мучительно, я быстро пошел к ожидавшему маленькому вертолету «Ансат» с вращавшимся вхолостую винтом. Как и было оговорено, здесь мне пилота уже не предоставляли. За то, что могло случиться, начиная с этого мгновения, я уже не ручался.

Каждый шаг отдавался тупой болью в правом подреберье. Вот какие мы маги, оказывается. Ничего без своего колдунства не можем. И от людей отличаемся лишь тем, что нам для выживания нужно просто больше ресурсов. Мы как сложная система, которую из-за ее сложности очень даже просто сломать.

Не теряя ни мгновения, я посадил Веду на место справа, закрепил ремнями. Обошел вертолет и сразу согнулся от приступа адской боли и тошноты, упираясь лицом в холодный нос вибрирующей «вертушки». Медленно вдохнул, сплевывая кровь. Добрался до места пилота, залез, закрыл дверь. Положил чек Лактара на приборную панель под зеркалом. Звук двигателя казался не тише, чем в истребителе, но уже обойдемся без наушников.

Только сейчас я заметил, что у меня настойчиво звонит телефон. Раньше окружающая среда давила как звуки, так и вибрации.

Нет времени о чем-то говорить, кто бы там ни был. Впрочем, пока я дожидался нарастания мощи двигателя для взлета, мне удалось всунуть в телефон болтающийся кабель для внешней акустики и перевести трубку в режим приема.

И попутно нацепить на запястье амулет Набдрия-Скуж с заключенной в него телепортацией в московский штаб.

— Ты где, Воробьев?! — заорал Сашка.

— Тише ты, — сказал я, поглядывая на Веду, затем на чек. Оставалось десять минут на четырнадцать километров. По воздуху. Если работать спокойно и без спешки, то все получится. Вот только ни капли Силы отдать на улучшение собственного самочувствия я не мог.

— Почему не отвечал? — спрашивал Агеев. — Что там за шум? Ты что, звонил Выборгу?

— Я занят, Саша. Давай по делу или отключайся.

«Ансат» плавно поднялся в воздух, и я двинул шаг-газ увереннее. Автоматика здорово помогала в управлении.

— Послушай, — проговорил Саша. — Твой

мобильник пеленгуется. Я вижу, что ты в Севастополе. Если ты хочешь пробиться к месту Силы, то не думай, что сможешь. Такой вариант просчитывался. Тебя остановит Корсар.

— Корсар? — спросил я без особого интереса.

— Да, его командировали патрулировать тридцать пятую батарею. У нас там не хватало людей. Не думай, что Корсар по знакомству тебя пропустит. Он солдат, и он дозорный. Тебе он больше не подчиняется. Я говорил с ним и получил подтверждение. Он по-хорошему советует тебе не приближаться.

— Рад, что он так сказал, — произнес я, вглядываясь в прибрежные огни, за которыми темнело Черное море. — Значит, он в самом деле хороший солдат. И хороший дозорный.

— Серега…

— Саша, если хочешь помочь — найди и задержи Дмитрия Борисова. А лучше грохни.

— Ты там сошел с ума?

— С прошлой ночи. — Я посмотрел на Ведающую, лежащую без памяти. — Ты меня знаешь. Я не шучу такими вещами. Мне нужен Светлый маг Борисов. Найди его для меня, будь другом.

— Его не придется долго искать.

— В смысле? — Казалось, температура в салоне

«Ансата» упала еще сильнее. — Ты знаешь, где он?

— Ты же не думаешь, что я тебе скажу, верно?

— Нет, Саша, не думаю. Я знаю, что скажешь. Потому что ты станешь первым, у кого я это спрошу, когда вернусь. А я вернусь, так или иначе.

— Не делай вид, что пытаешься мне угрожать, — проговорил Агеев. — Ну ты и мерзавец, Воробьев. Только не думай, что я говорю это, потому что тебя испугался.

Я знал, что Сашка не испугался. Он не мог терпеть давления Инквизиции над собой и сделает все, чтобы хоть как-то ей досадить. Пусть для этого и придется втайне сообщить мне что-то важное.

— Контора докладывает следующее, — сказал Сашка. — Только что к офису «ночников» подъехали две машины с вип-защитой. Саймон Джонсон и двое друзей покидают Россию. Во второй машине поедет твой Борисов. В «шеремете» их ждет пражский джет.

Я не отвечал.

Через несколько минут Борисов покинет Москву и навсегда пропадет из зоны досягаемости. А я лечу над ночным Севастополем.

«Ансат» размеренно шумел винтом. Ведающая

лежала без движения. Чек Лактара едва слышно шелестел на приборной панели. Мобильник держал связь.

— Ты не остановишься? — спросил Саша.

— Нет.

— Это твой выбор. Да поможет тебе Сумрак.

Связь прервалась, хотя я не придал этому никакого значения. У меня оставалась простая и понятная цель. Не было смысла еще куда-то метаться, взвешивать шансы, прикидывать возможности. Будь у меня сейчас ресурсы для отслеживания линий вероятности — я бы ими не воспользовался. Оказывается, никакие прогнозы не нужны тому, у кого есть цель.

— Сережа, — прошептала Веда. Я скорее увидел движение ее губ боковым зрением, чем услышал в шуме. Взять ее за руку я не мог, потому что управление отнимало все мое внимание, и лишь на миг повернул голову. Вспомнил, что совсем забыл про поддержку связи с Ведающей, которая мешала бы ей свалиться в Сумрак. Внутри меня словно забил фонтан желчи, начавший разъедать меня целиком. Мне же не хватит внимания сразу и на полет, и на Веду!

Волшебница подалась вперед, глядя по сторонам, потрогала сдерживавшие ее ремни.

Коснулась повязки на голове. Увидела обратный бег цифр на куске бумаги. И умолкла, ничего не комментируя. Все было ясно без слов.

Стоит нам добраться до любого места Силы, и мы исцелимся за мгновение! Мы, маги первого уровня! Никакой боли, никаких страданий! Очиститься бы еще от «камчатки» и больше никогда не вливать в себя никаких ядов, какие формы они бы ни принимали — от эликсиров колдунов до лживых слов мнимых друзей. Неизвестно еще, какой из этих ядов убивает быстрее.

Я вывел вертолет на высоту в двести метров и держался над водой вдоль береговой линии. Идеальный маршрут для попадания в Херсонес. Особенно для военного транспорта со всеми нужными кодами доступа и зеленым коридором.

А кортежу Ночного Дозора прямо сейчас обеспечивают такой же свободный проезд по Москве. Саймон и остальные уже надевают пиджаки, готовясь к выходу, цинично благодаря Светлых за гостеприимство. Ждет ли Борисов в безопасности офиса, пока Ведающая не прекратит свое существование? Шевелит ли он губами, пока поддерживает «Паскаль»? Или намерен продолжать ритуал в машине, глядя в окошко на проносящийся мимо Кутузовский?

— Скоро будем, — пообещал я, уделяя Ведающей целых три секунды взгляда. — Ты чудесно выглядишь!

Она поняла меня — слабо улыбнулась, скрывая лицо руками и пряча половину ссадин. Содрогнулась от явного холода — в кабине было не так уж и тепло. Я переключил тумблеры системы отопления над головой — скорее для успокоения волшебницы. Не так уж и много времени ей осталось провести в салоне. И потом, холод нам сейчас даже полезен.

Шесть минут.

И тут плексигласовое остекление кабины покрылось россыпью мелких дырочек. Я почувствовал, как «Ансат» перестает слушаться рычагов — дергается, рыскает вытянутым носом, словно ищет, в каком месте упасть в морские воды.

Следом над головой пронеслась тяжелая махина, разворачиваясь по пологой траектории. Прожектор «Ансата» высветил закругленные габариты боевого вертолета — Ми-28 в модификации «ночного охотника».

— Корсар, — заскрипел я зубами, запоздало глядя на радар.

Посмотрел через Сумрак — точно, в соседней

«вертушке» находится Иной. Тут уж не до разбирательств, какого цвета и формы у него аура, ранг, намерения и прочее. В подобных условиях я не отличил бы Светлану Городецкую от Клумси.

Надеясь, что ни та, ни другой не сидит в кабине боевой машины, я снизился, стараясь не попадать под новую пулеметную очередь. Дозорный с самого начала не пытался предупреждать нас — сразу открыл огонь на поражение. Его прицел могли сбивать системы «свой — чужой», но за несколько очередей охранная автоматика поймет, чего хочет пользователь, и отключится, разблокировав еще и ракеты.

Ждать этого момента я не мог и на полной тяге повел беззащитный «Ансат» вдоль берега Учкуевки, глядя на светящиеся вдали спальные районы Радиогорки. Солдат не будет стрелять над жилыми кварталами.

К сожалению, Темный Иной — может.

«Охотник» снова обогнал нас, обстреливая из пулемета. Салон заполнился адским треском, за которым последовал противный удушающий дым, тут же высасывающийся сквозь многочисленные щели. Бортовая пушка пробила нашу кабину точно посередине. Задняя часть кресла Ведающей надломилась вдоль вертикальной тре-

щины. Стараясь не двигать головой, волшебница в отчаянии отстегнула ремни безопасности.

Взвыв от бессилия, я сошел с траектории, сделал почти полный разворот над Сосновой рощей, пока «охотник» не оказался прямо перед нами. Треснул кулаком по панели, разогревая пальцы, приложил пятерню к ветровому стеклу и пустил умеренный заряд «пресса».

Приблизительно треть стекла отломилась точно по линии ранних пулевых отверстий. Стараясь не обращать внимания на свирепый поток встречного ветра, я высунул моментально замерзшую руку и выстрелил серией «тройных лезвий».

В цель попала половина. «Охотник» засиял серией вспышек, словно звезда на ковровой дорожке перед папарацци. Двинулся в сторону, уходя от атак, но я не собирался давать ему передышку — удержал «Ансат» на прежней траектории, выпустил еще одно «лезвие» прямо под винт и туда же добавил файербол. Почти все наводилось на цель силой воли и яркой визуализацией мишени, потому как на глазок стрелять было невозможно.

Находящийся под винтом «охотника» радиолокационный комплекс получил огненный подарок

в процессоры и сразу вышел из строя. Пока Корсар не сообразит, чем компенсировать отказ систем наведения, у меня есть время. Я отвлекся на окружавший нас мир, и вовремя — заметил приближавшиеся к нам крыши домов, вывернул ручку в сторону, уводя «Ансат» от неминуемого столкновения. Салон уже вовсю визжал, дребезжал и хрипел информационными приборами, перегружая меня потоком входящих данных, и я решительно ничего не брал во внимание, кроме закрепленной под зеркалом бумажки.

Неполные четыре минуты.

Превозмогая слабость, Ведающая подняла левую руку, глядя на еле заметное сияние Света над пальцами.

— Нет! — крикнул я. — Не смей! Не вмешивайся!

Она посмотрела на меня, в сомнении приоткрыв рот. Я так и не узнал, что она хотела сказать.

Мимо нас, оставляя пышный след, пронеслась неуправляемая ракета, едва не снеся «Ансату» хвост. Я рванул шаг-газ на себя, взмывая вверх и пропуская «охотника» под собой. Фоном его пролета послужило попадание «нара» в пустырь за Мортирной батареей.

Я накренил «Ансат» вдогонку, освободив себе левую руку. Шакрам холода словно ждал команды. Проведя его лезвием по плексигласу, я вырезал еще кусок стекла, впуская по-настоящему холодные потоки воздуха. Через дыру нацелился в темный силуэт, прямо промеж габаритных огней.

Диск вылетел со свистом, перекрывающим остальной грохот. Летящий в полусотне метров ниже меня «Охотник» дернулся, как акула, насаживаемая на гарпун, и заметался точно так же. Но он все же сумел развернуться, веером поливая пространство. Новая очередь из тридцатимиллиметровой пушки распотрошила нам винт. «Ансат» прокрутился вокруг вертикали раз восемь, прежде чем я стабилизировал вращение.

Боевой вертолет Корсара уже поднимался, брал нас на визуальное прицеливание. Казалось, я вижу, как под крыльями поблескивают «нары», уже готовые влететь в нас.

Силы у меня уже не было. Шакрам оставался на перезарядке бесконечно долгое время — треть от жизненного срока Ведающей.

И тут волшебница открыла дверь со своей стороны. Борясь с потоком воздуха, отодвинула ее плечом.

— Стой! — крикнул я, перехватывая рычаг и пытаясь до нее дотянуться.

По поверхности костюма Ведающей пронесся столб Света, материализовавшийся в «копье» в правой руке. Левой она попыталась схватиться за сиденье — ее пальцы процарапали кожу, не найдя, за что зацепиться. Я запоздало попытался отвести «Ансат» подальше, но было поздно — Ведающая чуть приподнялась, нацелилась на враждебный вертолет.

И от вспышки Света ее отбросило спиной прямо на меня.

Перебинтованная голова стукнулась о мою собственную. Я в шоке смотрел, как чек Лактара молниеносно стирает оставшееся время, на мгновение показывает шесть нулей и рвется на сотни кусочков, заполонивших кабину. Не соображая ничего, я на миг бросил управление, положил руку на затылок волшебнице и влил весь остаток своей Силы.

Снизу послышался треск, переходящий в визг на ультразвуке. Винт «охотника» превратился в световую мельницу, рассекающую пространство над жилым кварталом, и начал неконтролируемое снижение.

— Зачем? — заорал я, толкая Ведающую на

сиденье. «Ансат» уже не слушался управления — кружился все сильнее, превращаясь в замедленную центрифугу. О посадке не могло быть и речи. Я мог лишь приблизительно решать, где мы упадем и как. Отвел вертолет как можно дальше на восток, оставляя Радиогорку позади. Увидел краем глаза, как «охотник» тяжело плюхается на брюхо.

Волшебницу швыряло по передней части салона так, что было непонятно, горит ли огонек жизни в этом разрушенном теле. Но над Константиновой батареей я почувствовал, как за меня держатся руки, в которых хватки было не больше, чем у младенца. Чудом уцелевший прожектор скользнул по подрагивающим волнам Севастопольской бухты, в которую, подобно нацеленному клинку, полетело одно из стеклопластиковых лопастей, чтобы вонзиться в воды, помнящие много нехорошего. Торсионная подвеска судорожно попыталась перенастроиться, удерживая разорванный вертолет оставшимися тремя лопастями.

Сразу за этим потух экран правого двигателя. Я дернул шаг-газ максимально вверх, до предела напрягая оставшийся двигатель. Ведающая держалась за мою шею. Ее ноги едва не высовы-

вались в пустующий проем, когда правая дверь оторвалась, летя в Карантинную бухту.

Панель приборов охватили проблески пламени, прицеливающиеся к нашим лицам. Переднее стекло с моей стороны разлетелось на части, рассекая осколками мне лоб и щеки. Глаза уцелели лишь потому, что Ведающая прикрыла их рукой, принимая бóльшую часть жалящих осколков себе в плечо. В салон тут же ворвался ледяной поток кислорода, раздувающий пламя многократно.

Херсонес находился прямо под нами — тихий и темный. Казалось, я уже вижу алтарь, у которого медитировал фон Шелленберг, готовясь инициировать девочку Кристину.

И следом пришел огонь.

Я видел, как он пожирает мотоциклетную защиту Ведающей, закрывавшей меня от пламени. Красные волосы пожухли от жара вплоть до полоски бинта. Веда открыла глаза, посмотрела на меня, приковывая мое внимание в последний раз.

В этом аду было невозможно услышать ее слова. Но все же я услышал.

— Уходит сквозь Сумрак бесплотная Светлая Тень, — прошептали родные губы.

Тонкая ладонь тянется ко мне, когда Ведающую

вышвыривает из горящего салона наружу — вниз, к земле.

От «Ансата» отвалился хвост, милосердно прерывая безостановочное вращение. Падая по наклонной в сторону Владимирского собора, не чувствуя бушующего в салоне огня, я искал взглядом Веду. И не мог найти.

Зато я увидел алтарь, от которого вверх, в бесконечный космос, выстреливает Сила.

Мягко-голубой световой стержень пересекся с траекторией падения маленькой волшебницы, окутывая ее «радужной сферой». Картинка мелькнула перед глазами — и сразу пропала, когда остатки «Ансата» врезались в дорожную бетонку, превращая вертолет во взрывающееся облако.

Потерпевшего поражение рычага управления в моих руках уже не было. Вместо него я сжимал четки, отобранные у контрабандистского каравана, разрывая их на части, чувствуя, как спрятанный в них портал обволакивает меня вместе с языками пламени, запирая в коконе наедине с голодным огнем.

«Ансат» на прощание попытался умереть вместе со мной, впечатываясь в убийственную твердь, но меня в нем уже не было. Я летел между слоями Сумрака целую вечность, из которой на

меня смотрел мертвый волк.

Глава 7

Ковер зала для заседаний встретил меня затхлой пылью, как будто было мало той, что прилетела вместе со мной через портал. Я упал лицом вниз, рассыпая обугленные четки. Грабовые шарики покатились во все стороны.

Кукушка выпорхнула из старинных часов, посмотрела в мою сторону и начала истерично выть, подобно спятившему бегемоту на болоте. На такое дело не жалко и минуты перезарядки — я снес ее бронзовую голову диском шакрама, попутно разорвав циферблат. Древний детектор некондиционных амулетов покачнулся на круглых ножках и замер, навсегда прекратив свою деятельность.

Поднявшись, я осмотрел знакомую комнату, пытаясь настроиться на новое окружение. И тут же упал снова, прямо на подковообразный стол, сотрясаясь в кондрашке. Все полученные мною переломы, ожоги, порезы дали о себе знать, словно по предварительному сговору. Я рванул вниз молнию мотоциклетного костюма, выбираясь из него, как из протухшей на три сезона змеиной чешуи, выскальзывая наружу в насквозь про-

мокших термоштанах и грязной окровавленной рубашке. Скинул мотоботы, ступая разбитыми ступнями на пол.

Стены родного офиса — если я все еще могу назвать его родным — не имели функционала подпитки Силой своих сотрудников. Будь вокруг меня люди, я мог бы зачерпнуть немного энергии на восстановление. Вероятно, надо было сделать это на аэродроме, даже ценой отношений с Выборгом, но уже поздно. Так что оставался лишь самый очевидный вариант — мой кабинет.

Я добрался до дверной ручки, то и дело пуская кровавые ручейки изо рта и стуча себя в грудь, чтобы не потерять сознание.

Успела ли Ведающая поймать «радужную сферу» при падении?

Сможет ли она черпать Силу, если в ней самой не оставалось ни капли?

Кортеж Светлых уже отъехал?

В сумбуре мыслей я вывалился в пустой коридор. Дневной Дозор работает днем, а ночью спит дома. Во всяком случае, данный этаж. Работавшие круглосуточно лампы равнодушно освещали мое искалеченное тело, пока я, сгибаясь в три погибели, не добрался до своего кабинета. Коснулся рукой случайного места на кленовой двери, и та

сразу раскрылась, распознав во мне хозяина.

Надо же, меня еще не уволили.

Разбираться в атмосфере тесного помещения было не с руки. Я взял со стола авторучку, снял колпачок, вонзил острый конец себе в шею, разбрызгивая кровь по столешнице. Раскрыл рот, чувствуя, как амулет переливает в меня Силу, которую я сразу пустил на исцеляющие заклинания для внутренних органов.

Ощущения были примерно такие, какие испытываешь, когда пнешь затекшую конечность, только в сотни раз сильнее. Затем наступила настоящая реакция. Я рухнул во вращающееся кресло, сотрясаясь в конвульсиях. Лишь через минуту я сумел взять себя в руки настолько, чтобы вытащить ручку из шеи, позволяя ране тут же затягиваться. Силы во мне не хватало на полное восстановление, не говоря уже о бодрости. Я лишь смог более-менее стоять самостоятельно.

Добрался до шкафа, раскрыл дверцу, уставившись на отражение в зеркале. Сразу от него отвернулся, не желая запоминать облик. Вытащил из шкафа брюки и туфли. Рубашку менять не стал, не желая потом по новой надевать портупею с «эришей» и шакрамом. И со сломанными ребрами сам я мог не справиться с такой слож-

ной процедурой. Лишь отодвинул пару вешалок, доставая старый плащ, висящий здесь со времен злополучной командировки в Севастополь. Накинул плащ на плечи, чувствуя его непомерную тяжесть. Из верхнего ящика забрал оставшиеся патроны к револьверу, расфасованные в обоймы по пять в каждой. Из нижнего вытащил аптечку, раскрыл ее, грубо залепил пластырем раны на лице и руках. Не тратить же целительную магию на декор. Схватил шприц с антишоком, вколол в бок чуть ниже поврежденных ребер, прямо поверх разодранной рубашки. Вылил на лицо пузырек перекиси водорода, едва не агонизируя от боли. Кинул в рот шесть таблеток анальгина, надеясь, что не сблюю. Наконец, достал катавшуюся по дну ящика початую бутылку «Мартелла», глотнул из горла раз восемь. Швырнул остаток на пол и, пошатываясь, вышел из кабинета.

Кортеж. Борисов. Джонсон. Самолет в Прагу. Они уже должны были выехать.

Новый приступ боли помутил мое сознание — я остановился, опираясь рукой о стену, вдыхая воздух. Машинально поискал в кармане бумажку с обратно идущими цифрами, и нервно рассмеялся. Два часа назад мне не нравилось, что существуют точные данные, кому жить, а кому умереть, раз-

меченные по всем заветам Аль-Хорезми. Теперь никаких данных нет, и я о них мечтал. Никогда не хотел опираться на слепую надежду. Не хочу и теперь.

Значит, буду действовать без опоры.

Палец на кнопку лифта — и кабина понесла меня вниз, к паркингу. Там должна была дежурить охрана. Мое появление в офисе уже известно, и оно могло вызвать вопросы даже безо всякого повышенного внимания к моей бедной персоне.

Двери лифта открылись, и я почувствовал запах черники. Револьвер я выхватил быстрее, чем на меня уставился Сашка Агеев.

— Э-э… — только и начал он, таращась в неподдельном изумлении.

Я двинул ему кулаком в живот, нацелился дулом «эриши» в лицо. Не важно, являлся сейчас Сашка мне другом или врагом. Подобных понятий уже не осталось. Но вывести его из-под обвинений в сотрудничестве со мной я был просто обязан, равно как и донести до него свои мысли как можно быстрее. Агеев должен был мне еще пригодиться. Примерно через пятьдесят секунд.

— Молчи и топай, — сказал я, не узнавая своего голоса. — Башку прострелю.

— Воробьев, что ты делаешь? — забормотал

Сашка. — Остановись, давай поговорим.

Я толкал его впереди себя. Если почувствую новый запах черники, то его разбавит аромат пороха «эриши». И все вопросы уже потом. Агеев не низший и не должен сильно пострадать от серебряной пули. Но авторитет и отношения — слишком уязвимые материи. Саша знал, что я их уже непоправимо нарушил. Добить их будет милосердием.

С обратной стороны парковки послышался знакомый кашель. Джепп вышел из-за угла, сморкаясь в платок. Увидел меня и застыл.

Следом за ним выбежал Шпунт — юркий и проворный, сориентировавшийся быстрее своего неповоротливого напарника. Рука Шпунта метнулась к «ратнику».

— Не надо! — крикнул Сашка. Не особо доверяя его призыву, я развернул его, заслоняясь как щитом. Надо бы название запатентовать. «Щит Агеева. Оберегает от травматических пуль под аромат бабушкиного варенья».

— Не надо, — повторил Саша тише. — Воробьев, у тебя проблемы.

— Я в курсе.

— Не в курсе. Кортеж с Борисовым выехал пять минут назад. Ты их не догонишь. Даже если бы и

догнал, то они под охраной Ночного Дозора. Мы просто обязаны не допустить тебя к ним.

— И потому Ведающая должна умереть?

— Да кто она тебе?! — заорал Агеев. — Случайная женщина, вот кто! Ты не понимаешь! Проживи лет пятьдесят и увидишь, как мозги прочистятся! Твоя баба попала под чужие терки, но тебе зачем за это подыхать?!

Джепп озадаченно взглянул на Шпунта. Они точно не жили лет пятьдесят. И все же они были солдатами и дозорными. Они выполнят приказ. Просто Саша упорно не хотел его отдавать.

— Корсар жив? — спросил я, глядя на ряд машин в поисках конкретной.

— Жив, отрапортовался… Серега, одумайся. Если нападешь на Борисова, то против тебя выступят все! Светлые, Темные, Инквизиция!

— Ты забыл караваны контрабандистов! — Я пнул Сашку прямо на капот «Бентли». — Шпунт, Джепп. Живо в лифт, и не выходите из кабины.

С этими словами я выстрелил в потолок, выбивая каменную крошку. Джепп с угрюмой досадой бросил платок, Шпунт вернул «ратник» в кобуру. Они ушли к лифту и скрылись за колонной.

Не проверяя, выполнили ли они мое поручение, я нацелился револьвером Агееву в голову,

поднимая вторую руку в мерцающем «тройном лезвии».

— Разблокируй «Бентайгу», — приказал я.

— Нет, — покачал головой Саша. — Нет, не стану.

Синий элитный джип за его спиной навевал ассоциации с мягким дрожанием «радужной сферы» и с разбитой волшебницей, падающей внутри нее.

Я спустил курок. Пуля попала Саше в голень, дробя ее на части.

В отчаянном крике боли Агеев рухнул на здоровую ногу, хватаясь за больную. Потрясение в его лице сменилось гримасой обиды и отчаяния — эмоций, которых он всегда боялся больше, чем боли.

— Открой доступ, — повторил я.

Саша хлопнул рукой по капоту «Бентайги». Я сделал то же самое и почувствовал жжение в ладони. Теперь у топовой машины Дневного Дозора появился новый пользователь.

Оттащив Сашку в сторону, я оставил его страдать, сидя спиной к колонне.

— Зачем? — простонал он, пытаясь сложить пальцы в «Авиценну». — Что тебя так изменило?

Я открыл дверь «Бентли», повернулся и сказал:

— Моя жена.

Показалось, что на мгновение Агеев даже забыл про боль.

Я уселся в комфортное кресло кроссовера, утирая лицо нагревшимся дулом, глядя, как по стволу револьвера расползаются багровые пятна, не впитывающиеся в сталь. Запустил двигатель, вырулил к выходу и на скорости снес двери штаба. Прежде чем за спиной завыла сирена, я уже ворвался в ночную Москву.

Глава 8

«Бентайга» выскочила на Третье кольцо так быстро, словно сзади гналась волна от ядерного взрыва. На дороге было по обыкновению тесно, и мне чудом удалось никого не задеть. Не то чтобы меня это сильно беспокоило, но стоит один раз застрять — и придется раньше времени тратить возможности зачарованного кроссовера на маскировку.

Столица кипела привычной ночной динамикой. Кто-то на «Феррари» поравнялся со мной, издавая два гудка, призывая погоняться. Чудной человек. Хотел бы помочь — поделился бы Силой.

Остановиться, пробежаться по людям, зачерпнуть сколько смогу? Нет времени — ни на то, чтобы потом догнать кортеж Светлых, ни на то, чтобы пересчитать, действительно ли не хватит времени на пункт первый. Я не музыкальный автомат и считать Силу в числах не умею.

Проношусь мимо команды дорожно-патрульной службы, при виде моего превышения отводящих глаза в сторону. Эти на службе всегда, их дозор вечен. Не то что у нас, магов. Потому

они и могут решать, кто заслуживает наказания, а кто нет, руководствуясь собственной моралью. Почему же мне отказывают в том же?

Дмитрий Борисов жить не должен. Я несу свой дозор. Ничего личного.

Еще быстрее. «Бентли» пронеслась под эстакадой Звенигородского шоссе. Тень от моста нахлынула на стекло, предлагая войти в Сумрак. Еще успею, спасибо.

Если кортеж выехал от базы Ночного Дозора, то должен достичь поворота на Ленинградский намного раньше меня. Вдруг мне повезет, и я совсем скоро увижу характерное сияние фар спецтранспорта Светлых, в котором защитной магии не меньше, чем в агеевском джипе. Пусть даже придется самому фонить не меньше.

С противным треском отклеилась одна из полосок пластыря на лбу — левая бровь мигом намокла. Я попытался высушить ее тыльной стороной ладони. Разделительная полоса сместилась почти между колес, и я вернулся в свой ряд. Не отключаться. Еще успею.

Мелькнул и тут же ушел вниз съезд на станцию метро «Беговая». Справа горели огни Центрального ипподрома. Четыре с половиной года назад, зимой, мы с Ведой ходили туда, ели сосиски в

тесте и пили невероятно горячий какао в пластиковых стаканчиках, стилизованных под вафельные. В другой реальности Веда могла бы ходить туда без меня, никогда не став Иной, навсегда оставшись неинициированной. Вместо этого мы находились в мире, где за каждое действие следовало платить. Слишком долго я жил, чтобы цепляться за возможность не понимать таких простых вещей. Люди могут себе позволить непонимание. Я не мог.

Белый дорожный знак показывает крутой поворот направо, куда «Бентайга» заходит, едва не сваливаясь в неуправляемый занос. Рывок по наклонной — и снова поворот, уже на Динамо. Я опаздываю. Машины из кортежа движутся где-то впереди меня. Добраться до аэропорта они еще никак не могли, хотя должны мчаться изо всех сил.

Однако и «Бентайги» в автопарке Ночного Дозора никогда не было.

Разогнавшись до ста восьмидесяти километров в час, я плавно выдохнул, глядя на приближающийся ряд задних фонарей. И вышел на первый слой Сумрака вместе с «Бентли».

В темноте салона даже не было понятно, что я теперь не в своем мире. Многочисленные

огоньки продолжали гореть, как и прежде. Скоро я понял, что их раскрашивает мое воображение — единственная активная сущность среди притупившихся чувств и эмоций. Москва без красок на такой скорости потеряла не особо много — куда понятнее были световые следы от фар, живущие здесь дольше, чем призраки самих машин.

Сумрак недовольно бурчал, не собираясь терпеть моего пребывания здесь без оплаты. Иссушал, грозил заново открыть раны, искал лучшую из них, чтобы выпить меня досуха. Вот уж кто не нуждается ни в каких лицензиях. Захочет — возьмет. С меня взять было уже нечего. И впервые за все время Сумрак не пытался меня вытолкнуть наружу — напротив, цеплялся за меня, как за случайно попавшего в капкан зверя, предлагая если не отгрызть конечность, то провести внизу остаток дней в поисках кроличьей норы.

Ауру Светлых я заметил, когда проезжал Сокол. Они могли выехать на Волоколамское шоссе, и тогда весь мой остаточный пыл разбился бы о бросок сумеречных костей, случайно направивший меня по одной из дорог. Ясно было одно: в этих машинах едут представители Инквизиции. Только с их помощью дозорный транспорт может

путешествовать, почти не оставляя видимого для меня следа в Сумраке. Вероятно, нагонявшая их «Бентли» с Темной магией выглядела как пораженный бешенством стервятник.

Я не строил планов нападения, не громоздил тактические пункты. Просто догнал кортеж, вышел из Сумрака и врубил противотуманные фары, обработанные известными одному лишь Агееву колдунами.

Попав в мое свечение, одна из машин кортежа заглохла на месте, ее собственные огни потухли. С отключенными усилителями руля и тормозов ей пришлось впилиться в фонарный столб, прямо под упавшие сверху оборванные троллейбусные провода.

Следом в меня прилетела стена огня, и «Бентли» затарахтела, активируя собственную защиту. Крышка капота намертво припаялась к массе, рассасывая щели подобно швам. Колеса зашипели, охлаждая резину. Сразу три машины сомкнулись спереди, перекрывая мне путь. Для блокировки всего Ленинградского проспекта, с обочиной и дублирующими рядами, трех машин маловато.

Мыслить стратегически я уже не мог. В других условиях, возможно, я бы понял, что мне не

придется непременно догонять цель — просто потому, что она не обязательно будет убегать. Цель может сражаться, потянуть время, сдаться другой стороне. Инквизиторы просто рванули бы от меня подальше, но среди них сидел колдун с нестандартными взглядами на мир. Я был уверен, что именно Борисов посоветовал Саймону разделить кортеж на две неравные части и перенаправить всю охрану на мое замедление, в то время как сами они смогут уйти в одной машине.

Так и получилось. Мне никто не мешал обойти те три чертовы машины, но теперь от них исходила неизвестная мне магия притяжения, не дающая «Бентайге» отъехать от них дальше, чем на десяток метров. Я крутился на месте, глядя, как неопознанный зеленый седан отдаляется от меня, оставляя смешанный след от нескольких аур. След был коротким, пропадал уже через считаные секунды.

Жаль, что среди охраны не было кого-то с умом Млечника. Иначе они поняли бы, что их вынуждают принять войну с Дневным Дозором.

Война так война.

Я прекратил попытки сдвинуть кроссовер с места. Вдавил кнопку открывания крышки ба-

гажника, повернулся в образовавшийся проем и выстрелил из револьвера трижды.

Это не оборотни. Для Светлых разрывные пули были комариным писком. Для меня — отвлекающим маневром.

Машины засверкали, выставляя разные щиты, которые спали автоматически, не получая очередных выстрелов. Хоть ты стократно накачай их Силой, но ритм работы автощитов всегда один и тот же и для нашего штаба секретом не является. Поймав окно магического бессилия машин Светлых, я выставил шакрам и подарил им снежинку.

Взрыва не было — не того уровня противник. Половину крыши средней машины просто срезало, и я, не дожидаясь пускаемых в мою спину «копий», надавил на газ.

Двигателю «Бентли» на этот раз хватило сил, чтобы вырваться из гравитационной свертки, потерявшей треть мощности. Я снова нажал на кнопку багажника, закрываясь от мира сзади. Летящий в зеркале заднего вида файербол разрастался и приближался, ускоряясь вместе со мной, но все же отстал и, не найдя новой цели, растворился в воздухе.

Дорога впереди была свободна. Однако, в от-

личие от машины Саймона, на вхождение в Сумрак тратить энергию я не имел права. Обгоняя попутные машины, я несся в потоке, обходясь туннельным зрением, чувствуя, как звучание окружающего мира превращается в сплошной монотонный гул. Кусая губы, чтобы не потерять сознание, я увидел парковку Шереметьева. Справа через забор мелькнули зеленые огоньки на пассажирских самолетах, катавшихся на буксире.

Вывернув руль, я пробил забор насквозь, и «Бентли» ворвалась на ровное поле аэродрома.

Глава 9

Защитный барьер аэропорта заискрился в Сумраке недовольными огоньками, думая, стоит ли меня пропускать. И все же ему пришлось, потому как здесь мои, почти случайные, полномочия никто не отменял. После заложенной Дохсуном бомбы вся территория по-прежнему была опечатана заклинаниями Светлых. Вероятно, давая мне полный доступ к проникновению в Шереметьево, старина Вадик и помыслить не мог, что это эмоциональное решение сыграет против его босса.

Выжигающие противотуманки пришлось погасить — пусть набираются энергии. Если бы «Бентли» могла подпитывать Силой еще и водителя — цены бы не было личному транспорту Сашки Агеева. Теперь же я мог рассчитывать только на себя.

Вдавил дуло револьвера в ногу, вызывая боль, приводящую в чувство. Умудрился перезарядить пятизарядный барабан одной рукой, продолжая рулить второй. Поблескивающее на моем пальце кольцо с половиной скорпиона перекрывало обзор, отвлекало внимание, напоминая мне,

зачем я здесь.

Нажатием кнопки я набросил на машину «саван», укрывающий меня от возможных зрителей и человеческих камер. Невыносимо хотелось приоткрыть окно, запустить кислород, но я знал, что не вдохну ничего, кроме паров авиационного топлива. Позже. Пустил «Бентайгу» по дуге в объезд освещенного аэровокзала.

А вот и нужный самолет.

Раскрашенный в серо-бордовый цвет корпоративный джет двигался к концу второй полосы, собираясь разворачиваться и немедленно взлетать. Машина Ночного Дозора уже покинула зону доставки вип-гостей, и сейчас от бизнес-джета торопливо отползал опускающийся трап.

С такого расстояния я не мог бы рассмотреть никого внутри через иллюминаторы, даже будь они освещены. Но я знал, кто там. Борисов сидел в самолете, заканчивая свой ритуал. Кто бы ни летел с ним — они помогали ему и мешали мне.

«Эмбраер лайнэйдж» должен был вылететь в определенное временное окно, крайне ограниченное. Я должен был его из этого окна выбить. С самолета мои действия наверняка заметили — как возмущение магической обороны аэропорта, так и несущийся к ним кроссовер Темных.

Мне пришлось заехать на зеленое покрытие аэродрома, чтобы самолет оказался по левую руку. Опустив окно, я притормозил рядом с шасси и выпустил две пули в катящуюся резину.

Колеса моей атаки словно не заметили. Я пронесся еще метров тридцать, развернулся и прицелился в ветровое стекло. По одной пуле в каждый из слабо освещенных неровных прямоугольников. И последнюю — в закругленный нос, в режиме свободного плавания.

Переднее шасси «лайнэйджа» сразу уставилось влево, двигая многотонную махину прочь от меня. Ловя момент, я опять перезарядил револьвер. Подобно внезапно атакованному хищнику, «лайнэйдж» сделал все, чтобы выиграть себе пространство для маневров, — завибрировал, позволяя низким турбинам увеличивать тягу, сошел с прежнего курса. Вспыхнул серией сизых энергетических разводов — Инквизиторы спешно накидывали «щиты», тратили Силу на ненужные пока что превентивные меры. Хорошо. Очень хорошо.

Я позволил «лайнэйджу» докатиться до самого края взлетной полосы — казалось, еще немного, и он при развороте заденет крылом столбы осветительных огней. И затем я вдавил газ.

«Бентли» прожгла под собой покрытие рулежной дорожки, ища сцепление с твердью, — начала разгон прямо на тусклые очертания джета, перекрывавшего белые стробы за концом полосы. Я снова врубил противотуманки, сразу вычислившие перед собой марево инквизиторских защит, пробивающие в ней слабые места, прожигающие уязвимости. Высунул левую руку, опираясь ею на зеркало заднего вида, выпустил «тройное лезвие».

Запястье сразу охватила тупая, резкая боль — на миг я решил, что мне ударом невидимого меча отсекли кисть под мощной анестезией. Вернул руку в салон, несколько раз взмахнул, пытаясь восстановить чувствительность. Сила не хотела выходить, ощущала собственный прискорбно малый запас. Часть меня превратилась в опустевший бензобак, не желающий вдыхать остаток топлива, чтобы случайно не хватануть горловиной воздух.

Мое заклинание сработало так, как и должно было, — проделало в центре массы самолета невидимое отверстие. Как это скажется на его системах, я предугадать не мог, но было похоже, что крылу с противоположной, правой, стороны это не понравилось. Джет снова вспыхнул

защитой, на этот раз фиолетовой, и она сбила ему корректировку курса — самолет уставился носом не в противоположный край полосы, а немного в сторону, замерев возле линии зеленых входных огней.

И все же он сразу начал разгон, не дожидаясь новых сюрпризов.

Внутри него наверняка царит настоящая паника. Нервный радиообмен на всех частотах сразу, включая Дневной и Ночной Дозоры Москвы, пражский штаб Инквизиции, полдюжины потенциальных помощников, включая, возможно, и Выборг. Может, кто-то как раз названивает лично мне по куче каналов. Может, ищут выход на собственный канал «Бентайги», если он здесь есть. Возможно, прямо сейчас к оставленной мною дыре в заборе приближаются машины Светлых, а следом за ними, подгоняемые стонущим от боли Сашкой, мчатся Шпунт с Джеппом.

Все они опоздают.

«Лайнэйдж» все приближался, попадая в зону действия шакрама. На два заряда подряд его должно хватить. На один до перезарядки так точно. Глянув на отполированный металл оружия, я зафиксировал в качестве первой цели кабину. Второй — назначил левую турбину самолета.

Два выстрела подряд.

Шакрам сработал безупречно, его и в самом деле хватило на два выстрела. Но ни один не попал в цель, потому что цели исчезли вместе с самолетом. Инквизиторский джет растворился в Сумраке. Оба заряда шакрама попали в столбы огней высокой интенсивности, снеся их с закрепленной в бетон основы.

Подобный выход Саймона из положения едва не помутил мне остатки рассудка. Ища тень в оставшихся источниках света, я нащупал рычаг автоматической коробки передач, поймал нужный угол поворота — и вышел на первый слой вместе с «Бентли».

«Лайнэйдж» был здесь. Но уже не в облике самолета. Несмотря на то что первый слой не настолько явно показывает суть вещей в Сумраке, несмотря на все известные мне внутренности чужих масок — передо мной на грунтовой, покрытый синим мхом полосе стоял китайский дракон длиной в тридцать с небольшим метров.

Он выглядел чудовищно. Сзади две толстые, широкие лапы — правая перебита в двух местах, и пальцы вывернуты в стороны. Вместо двух передних лап была одна, вырастающая прямо из грудины, непрестанно царапающая мох под

собой. Глазницы с пропорциями ветровых стекол кипели ненавистью. Дракон чуть приоткрыл пасть — непослушную, с прикипевшей челюстью, словно парализованной укусом змеи. Из его глотки вырвался поток обесцвеченного огня, направленный не вперед, как можно было ожидать, а назад — сквозь темную плоть, похожую на сплошную опухоль, уходя еще дальше, через вздернутый хвост, к концу полосы.

Дракон начал движение по прямой как стрела полосе. Синий мох цеплялся за него, не желая отпускать, и мертвое пламя выжигало его без остатка.

Я посмотрел на руль, заметно затвердевший и сузившийся. Надавил на газ, и ничего не произошло. Посмотрел вниз, стукнул по ноге, чтобы принимала импульсы мозга как полагается. Вдохнул, будто в условиях катастрофического разрежения. Пребывание на первом слое я уже мог сравнить с единственным случаем, когда находился на четвертом. И сейчас чувствовал себя даже хуже. Кроме того, сейчас рядом не было Ведающей.

Тело вернулось под контроль, и вместе с ним и «Бентли». Я помчался наперерез дракону, напуская максимум защиты кроссовера, перед тем как

врезаться в его покрытую волдырями плоть.

От удара «Бентайгу» отбросило в сторону — кроссовер сделал полный переворот, снова становясь на колеса. Дракон взревел, его левая лапа прочертила по синему мху кровавый след. Он начал постепенно исчезать.

Снова дернув рычаг, я вернулся в обычный мир, чувствуя, как «Бентайга» пытается сделать это самостоятельно, оставить меня на съедение Сумраку. Нет. Нет! Я вцепился в руль, впуская в себя мысли про машину, в которой сидел. Мы одно, мы вместе — Дневной Дозор, мы неразделимы…

«Бентли» втащила меня за собой. Мы мчались параллельно носу джета, в боку которого виднелась легкая вмятина. Сзади меня, с ревом забирая воздух, крутилась турбина, подвешенная к крылу, — с явными оранжевыми центробежными всполохами внутри себя.

Самолет снова начал растворяться. Он знал, что я не выдержу постоянного метания в Сумрак и назад — наступит момент, и я не смогу вернуться. Но еще на один раз я уступлю. Перехватив шакрам, я вернулся на первый слой, чувствуя, как Сумрак неодобрительно встречает меня, словно блудного сына.

Дракон выпустил новый сноп пламени. Сквозь

дыры в его шкуре огонь хрипел, как вырывавшаяся на свободу после многовекового заточения стихия. Диск шакрама вошел точно в одну из дыр в его шкуре. Сноп синего мха метнулся мне в салон и тут же облепил мое лицо.

Монстр вышел из Сумрака. На этот раз я не нашел в себе сил сделать то же самое снова. Полоснул лезвием шакрама по запястью, заливая салон и мох на своем лице фонтаном крови. Сумрак хочет жертвоприношение? Пусть довольствуется стандартной нормой. Только я часто наблюдал, как Сумрак пьет кровь в знак оплаты за вход на нижний слой и ни разу — за выход.

«Лайнэйдж» набирал скорость, готовясь взлетать. Один из иллюминаторов разбился, изнутри вырывалось зеленое пламя. Вдоль борта пронеслась аура «щита», которая тут же пропала.

Я вдавил газ, обгоняя джет, затем отрываясь от него. Маркеры световых горизонтов проносились мимо, все быстрее и быстрее. Профиль джета за спиной начал приподниматься — самолет готовился оторваться от земли. Нарисованный на виртуальном кокпите спидометр «Бентли» показал двести девяносто километров в час, и возле красной линии ограничительных огней я нажал на тормоз, выворачивая руль вправо.

Собственная антиблокировка «Бентайги» проснулась даже быстрее магической защиты, вызванной защитить кроссовер от опрокидывания, — но на такой скорости ни та ни другая не сработали как надо. Не найдя возможности ехать боком, «Бентли» споткнулась, клюнула крышей по ходу движения, начала безостановочные боковые кувырки по центру взлетки. Затем в нас врезался едва успевший оторваться «лайнэйдж».

В мешанине вращения я услышал рев дракона. Если меня затянуло в Сумрак…

Но нет. Раздавленная брюхом самолета «Бентли», лишившаяся колес, проскрежетала днищем по бетону разгоряченной полосы. Борясь с подушкой безопасности, я толкнул отвалившуюся дверь, выбрался из салона, рухнул наземь, глядя перед собой на агонизирующую кучу металла.

Самолет ткнулся о землю, задирая хвост неприлично высоко, сместился левее, глотая последние метры безопасной освещенной дорожки. Коснулся крылом зеленого покрытия, взбивая фонтан земли. Новый рев дракона пронзил атмосферу, когда передо мной начал разворачиваться непостижимый разуму гибрид современного джета и дракона, просачивавшегося из Сумрака и не находящего места в чужой для себя реальности.

Вместо левого крыла землю царапала сочащаяся фонтанами черной крови когтистая лапа, помогая остальной массе проводить бесконечно долгий поворот в воздухе. С правого крыла рассеивалось авиационное топливо. Дальнее шасси превратилось в комок истерзанной плоти, ближнее пыталось зацепиться резиной за аэродромный газон. Из разбитого переднего стекла вырывалось пламя и торчал драконий ус, болтающийся возле горящей турбины.

Инквизиторский самолет рухнул на зеленое полотно, приближаясь ко мне, желая раздавить вместе с собой. Я не успевал ни встать, ни откатиться — лежал, слыша беспрестанный зов Сумрака, сопротивляясь желанию нырнуть в него, как в спасительную пучину, потому как это была дорога в один конец.

Правая турбина разорвалась, выпуская центробежные вспышки на волю, переламывая фюзеляж надвое. Выпуклый нос джета отвалился, подхватывая внезапное давление снизу, взмыл в воздух, чтобы упасть на свое же крыло, волочащееся подобно перебитой конечности. Вдоль уцелевших линий самолета медленно прошелестел последний заряд магического «щита», стирая все драконьи атрибуты, и пятьдесят тонн

изувеченной массы застыли, воспламенились, освещая аэродром так, что, должно быть, были видны из космоса.

Сумрак на миг притих, приостановил свой зов, найдя новые жертвы передо мной. Словно памятуя о жертве крови, он вернул мне часть Силы, зная, что на ее трате я не остановлюсь и залезу в долг, который не сумею оплатить. Но и эту помощь я принял. Встал, направился к самолету, не обращая внимания на языки пламени, отражающиеся от моего плаща, пытающиеся схватить его с земли сквозь «щит мага». Прошел мимо оторванной кабины, к рядам кресел.

В беспорядке чемоданов, оторванных деталей интерьера и тележек барахтался господин Томас Бьорндален, которому огонь вовсе не мешал. Инквизиторы пустили всю имевшуюся магию на защиту самолета, но никто не пожертвовал своих собственных резервов ни на борт, ни на экипаж менее сильных Иных. Завидев меня, Томас выпустил файербол, полностью потерявшийся в окружавшем нас пожаре.

Я выстрелил ему в голову из револьвера, не задумываясь, сможет ли он отрастить ее заново.

В спину мне попал заряд «полуночной сакуры» — и я упал, чувствуя по нарастающему жару,

как «щит» спадает. Сзади меня шатался Рене Сен-Клер, с кривым лицом пытавшийся собраться для новой атаки. Получив в лицо заряд «тройного лезвия», Инквизитор перевернулся в воздухе, как от удара внезапно прилетевшим крюком подъемного крана. Я даже успел заметить, как с него слетел правый башмак.

Саймон Джонсон скатился по куску внешней обшивки, цепляясь полами пиджака за вздувшиеся заклепки. Упал на живот, попробовал подняться и упал снова. Лежа в куче плавящегося утеплителя, он пустил в меня несколько зеленых импульсов непонятных ментальных атак. На серьезную защиту у меня не было Силы — я ограничился «ледяной корой», чувствуя, как закладывает уши. Полноценное восприятие звука не вернулось. В глазах мигом все стало расплываться, и я выхватил шакрам, выстрелил наугад. Кусок обшивки рухнул на Саймона, намертво припечатывая его к газону.

Почти на ощупь я пошел дальше, в глубь очага пламени, чувствуя, как рушатся последние барьеры. Сумрак улыбался мне, приглашая слиться с ним навсегда, — и я принял приглашение частично, направляя туда зрение, практически отказавшее в мире пламени. Дмитрий Борисов

был впереди, в горящих обломках самолета. Аура Светлого мага выдавала его с головой, приговаривая к неминуемой встрече со мной.

При виде меня Млечник попятился, выставил какую-то неизвестную мне «сферу», начал что-то говорить. Я не понимал ни единого слова. Схватив его за воротник, я вонзил лезвие шакрама ему в висок.

Сразу вернулись и звуки, и зрение.

— …не узнаешь, в кого, — хрипел колдун, глядя на меня пронзительным взглядом, в котором не было ни страха, ни раскаяния. Он рухнул на колени, словно приглашая меня сделать то же самое. Я вворачивал лезвие ему в голову, глядя, как парализованная, опустившаяся часть его лица начинает подергиваться.

Млечник не пытался лечить себя. Вместо этого он ушел в Сумрак, надеясь скрыться там от меня.

Сумрак так Сумрак.

Ко мне со всех сторон потянулось пожирающее пламя — и я ушел на первый слой, держась за своего врага. Мы стояли внутри поджаривавшейся драконьей туши, а комки синего моха кружились в воздухе, подобно первому снегу.

Млечник умирал, уходя глубже, глядя на меня в дикой надежде, что я не последую за ним. Мне

ничего не надо было делать — лишь позволять напряжению отступать, направляя остаток сил на удержание шакрама в голове колдуна.

Второй слой принял нас как любимых детей. Ушли и боль, и давление, и нелепые попытки придать окружающему хоть какое-то значение. Отсюда колдун не хотел идти ниже. С третьего слоя даже ему было не выбраться, и мы оба это знали.

Мне не надо было тащить его туда волоком. Сумрак и без того требовал расплаты за помощь. Пусть. Я не искал теней — они нападали на меня со всех сторон. И я отдался на их волю.

На третьем слое было пусто, темно и холодно. Колдун уже не принимал покорно свою участь — дергался, пытаясь выдернуть мою руку с лезвием из его головы. Но вот его движения замедлились, глаза закатились, и Светлый маг Дмитрий Борисов, создатель кошмарного ритуала, улетел на четвертый слой, где, как я знал, была лишь одна дорога — на пятый и ниже, откуда нет возврата таким, как мы.

Я опустился на землю, пытаясь закутаться в плащ, чтобы хоть немного согреться. Необъятное, пустое поле аэродрома медленно сокращалось, подступая ко мне со всех сторон, а сзади была

лишь непроглядная Тьма. Из нее я пришел, и в нее я уйду.

Закрыть глаза. Вздохнуть в последний раз. Ушли все мысли, кроме образа полной луны.

Поглотив остатки поля, Тьма дошла до меня, окутывая, растворяя в четвертом слое Сумрака. Надо бы посмотреть на него, но открывшаяся картина будет ничем не лучше той, что в моем умирающем сознании…

Удар — внезапный, сильный и неожиданный. Колющая боль пронзила мою грудь. Я схватился за нее, чувствуя смертельную обиду, как маленький ребенок, что мне не дают уйти легко и спокойно. За что? Я же все сделал! Я же…

Новый импульс.

Сердце дернулось, пуская потоки невыносимо горячей крови по жилам. Я заметался, как раненый зверь, глядя в окружающий калейдоскоп револьверных гильз, мотоциклетных рулей и вафельных стаканчиков. Что это? Что за стихия терзает меня в такой час?

Третий удар — и я согнулся, чувствуя бьющееся сердце, вздымающуюся грудную клетку, хватающую сумеречный воздух.

И разом все понял.

Только один человек во всех Вселенных любит

так играть.

Только один человек способен удаленно устроить мне неожиданную дефибрилляцию, доходящую до прекардиальных ударов.

Только один человек может взывать ко мне сердцебиением сквозь пространство, время и слои Сумрака!

Я поднялся, глядя вокруг, разгоняя образы.

И увидел ее.

Вокруг меня, описывая трехмерные пируэты, кружилась Тень. Не имея ни формы, ни цвета, в окружавшем меня мраке она казалась необыкновенно Светлой, как искра от бенгальского огня в нежных руках смеющейся феи. Тень настойчиво сопротивлялась попыткам окружавшей Тьмы растворить ее, игриво приглашала меня помочь ей в этом сопротивлении, убеждая, что и я сам — не часть окружавшего нас мира. Танцевала, не позволяя ни рассмотреть, ни запомнить ее движения. Звала меня за собой.

— Я ее вижу, Веда, — произнес я.

Тьма сгустилась, приглашая нас на пятый слой.

Светлая Тень замерла, предоставляя мне выбор.

Снаружи — боль и страдания. На четвертом

слое хорошо и уютно. На пятом будет покой.

Светлая Тень ждала, не собираясь идти со мной на пятый.

Сумрак принял решение за меня, обволакивая лучше мягкой кровати. Я потянулся к Светлой Тени, коснулся ее — и мир распался на ультразвуковое излучение, выталкивая нас туда, где луна была настоящей.

Глава 10

Когда открылась входная дверь, на кухонном шкафу заметался запертый в клетке попугай. Его хозяин вбежал в квартиру, пытаясь совладать с дыханием, протопал грязными ботинками в спальню, затем принялся заглядывать во все двери.

— Рита! — кричал он. — Солнышко мое, ты где?

На кухню он зашел в последнюю очередь и сразу увидел меня. Он прислонился к дверному косяку, выронив упакованные сумки. Его взгляд в отчаянии забегал по сторонам.

— Риты здесь нет, — сказал я. — Она отправилась обналичивать свою карточку.

Я указал на написанную карандашом записку на столешнице, покрытой хлебными крошками.

— Рановато вы отказались от телефонной связи, — добавил я. — С ней координироваться удобнее. И не отслеживает никто.

— Воробьев, — раздался еле слышный шепот.

— Да, Вадик, это я.

— Тебя все ищут. — Вадим так и остался стоять в проеме, готовясь в случае чего метнуться

прочь. — Оба московских Дозора, Инквизиция. Они награду объявили всем наемникам… прощение преступникам за твою голову.

— А моя голова здесь, — ответил я. — Видишь, какая честь тебе оказана. Ты не стесняйся, можешь идти, если хочешь. Я тебя не держу.

Вадим шумно вздохнул, посмотрел умоляюще.

— Рита? — проговорил он. — Не надо. Пожалуйста, я все сделаю…

— «Все сделаю», — произнес я, отпивая воды из стакана. — Ведающей ты то же самое говорил?

— Ведающей? — Вадим моргнул, пытаясь совладать с намокающими глазами. — Сергей! Клянусь Светом, я ничего не знал. Не знал, что от «Паскаля» умирают! Клянусь!

— Не клянись. — Я поставил стакан на стол. — Теперь это не важно.

Вадим молча смотрел на меня, его подбородок дрожал.

— Я готов уйти до того, как Рита вернется, — сказал я безразлично. — Взамен на твое признание. Мне нужно знать, почему вы выбрали Ведающую на роль жертвы. То, что это было удобно, что цвет ее волос так удачно совпадал с эффектом от «камчатки», — это все мелочи. Косвенные детали, которые могли натолкнуть вас на мысль

сделать это. Но почему вы в самом деле решили остановиться на ней? Бессовестно ограбить ее, обмануть, предать, использовать, выбросить? Я требую ответа.

— Нет… — замотал головой Вадим. — Я не могу говорить. Я… принял знак «карающего огня»!

— Конечно, принял, — произнес я. — Еще бы не принял. Борисов его и мне предлагал. А я даже не вспомнил, что такой знак может наложить только Инквизиция. Сразу бы понял, что Борисов собирался передать ей технику ритуала, и все могло пойти иначе еще неделю назад. Ведь только для Инквизиции такой ритуал, как «Паскаль», не должен казаться нарушением Договора. Подумаешь, перенесли равное количество Силы от одного Светлого к другому. Хотя если ты не хочешь говорить, то не надо. Я сам все скажу, а ты подтвердишь, прав я или нет. Хорошо?

Вадим не ответил. Я перевел взгляд на фотографию на холодильнике. Вадим стоит с юной девушкой на берегу моря — оба улыбающиеся, счастливые. Девушка обеими руками расплескивает свои красные волосы.

— Рита, — вымолвил я, глядя на фотографию. — Когда я разбирался с Борисовым, он пытался что-то мне сказать. За эти два дня я понял, что

именно. Он считал, что я не знаю, для кого предназначалась украденная у Веды Сила. И он был прав, это была последняя вещь, которой я не знал. Пока не вспомнил, что Веда говорила про твою правнучку.

Вадим съежился, стукнул себя по шее, посмотрел на фотографию с невыносимой болью.

— Уже четыре года прошло, как Веда стала Иной, а правнучка ее куратора по-прежнему ее фанатично копирует, — продолжал я. — Внешность, стиль, манеры, походку. Они ведь примерно одного возраста, так?

— Рита на год младше, — прошептал Светлый.

— Для нас с тобой это большого значения не имеет. Для молодой девчонки — имеет. Мне в последнее время пришлось много думать о разнице в возрасте, о том, кто и как видит мир. И я все понял. Вадик, ты живешь свыше ста лет, полжизни проработал в Дозоре, а поднялся не выше четвертого уровня. Потерял всех смертных родных и близких. И тут судьба дарит тебе правнучку-Иную, в которую ты вложил всю заботу. Девочка оказывается совсем слабой, с натяжкой седьмого уровня. Сколько же времени ей предстоит расти, чтобы с ней считались в мире магии? Сколько, если ее дедушка, даже работая в Дозо-

рах, рос так медленно? Два столетия, три? И все бы ничего, всем приходится ждать. Но внезапно появляется Анжела, которая, едва узнав про мир Иных, сразу получает первый уровень Силы и становится кумиром Риты. Никаких многолетних приключений, никакого труда. С первого же дня — практически максимальная мощь в рамках возможного для вас. Не знаю, чувствовала ли Рита зависть. Знаю, что ты — чувствовал. Горькую несправедливость, обиду, злость. Ты решил, что Ведающая не заслужила то, что получила. Решил, что ее Силу можно и нужно отнять, чтобы передать Рите.

— Это не я придумал ритуал, — прошептал Вадим в отчаянии.

— Любое открытие начинается с идеи. Ты виновен так же, как и Борисов. Вы вместе решили перелить Силу из Ведающей в Риту. И я вас остановил. Время прибрать за собой, и ты это понимаешь.

— Рита так и не получила первый уровень, — заговорил Вадим с надеждой. — Она чувствовала подъем в последние дни, но не знала, откуда он. Я проверял каждый час. У Риты нет первого уровня! Что бы ты ни делал — ты помешал планам Борисова, и не надо трогать мою внучку, пожа-

луйста! Я не знал, что так случится с Ведающей!

— С Ведающей, — проговорил я, вслушиваясь в причиняющее боль сочетание звуков. — Знаешь, как она получила это имя? Она должна была стать Темной, ты в курсе? Прорицательницей четвертого ранга. А стала Светлой боевой волшебницей первого уровня. Сразу, по указке Сумрака. Еще до инициации, думая, что из нее выйдет отличная ведунья, я дал ей имя. В шутку. Кто бы мог подумать…

Я не закончил, глядя в переливающиеся грани стакана.

— Пожалуйста… — Вадим чуть придвинулся. — Скажи мне: Ведающая жива?

Я посмотрел на него. Долго молчал.

— Честно сказать? — вымолвил я. — Понятия не имею.

Вадим закрыл лицо руками.

— У меня осталось только воззвание от нее, — добавил я. — Но кто же разберет, от кого оно? От живого человека, от призрака, от агонизирующего фантома? Сумрак мог забрать ее навсегда, и никому не известно, что от нас остается, когда приходит наш час распрощаться с живым миром. Но ты не переживай так. Есть же еще и мир сумеречный.

— Нет!.. — рыдал Вадим. — Не надо! Хватит!..

— Хватит так хватит, — тихо сказал я. — Ты можешь просто подтвердить то, что я сказал. Забавно, что в таком случае мне тебя даже пальцем трогать не придется. Знак «карающего огня» работает надежно. Или же ты можешь промолчать, и я все равно ничего с тобой не сделаю. Зато сделаю с Ритой.

— Почему? За что причинять вред Рите?!

— Разве я говорил о причинении вреда? Твою правнучку я не трону, Вадик. Я расскажу ей честно и без утайки все, что произошло. Потому что раз ей предстоит долгая дорога на вершину Силы, то пусть она знает, в какой мир ввязывается. Она должна знать, что такое наш мир на самом деле.

— Не надо. — Вадим уставился в точку на полу. — Пожалуйста, не говори ей.

Покачав головой, я поднялся.

— Чего только не сделаешь, чтобы утаить правду, — сказал я. — За сладкую ложь не жалко и пойти на мучительную смерть. Признавайся, Светлый. Вы выбрали Ведающую потому, что решили, будто Рита достойнее?

Вадим поднял на меня лицо, ставшее предсмертной маской, и выдавил:

— Да.

— Да, — кивнул я. — Ты даже не подумал, что, обманывая таким образом одну девочку, ты обманул и другую. Просто так подарить правнучке подобное могущество — значит жестоко соврать про устройство мира. А сказать тебе, почему у вас получилось зайти так далеко?

Я наклонился к нему и произнес:

— Потому что Веда вам доверяла.

Вадим покачнулся, схватился рукой за грудь. Начал срывать одежду, через которую проглядывало огненное кольцо. Крик невыносимой боли вырвался из его легких — Светлый упал на пол, забился в агонии. Я не шевелился. Даже если бы я хотел или мог ему помочь, то ничего не сумел бы сделать. «Карающий огонь» выжигал его внутренние органы, и любая целительная магия только продлила бы мучения.

Вадим застыл на полу своей кухни. Я прошел мимо него, покинул квартиру, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вышел на улицу, глядя на грозовое небо Читы.

Шел долго, пока не добрался до Объездного шоссе. Направился дальше, в глубь леса, пока шум дороги не стих за спиной.

Остановился, уткнувшись лбом в коричневый кедровый ствол.

— Вот и все, — устало сказал я. — Все кончено.

Рухнув на землю, я прислонился спиной к дереву, не зная, что дальше делать и зачем.

— Веда, — произнес я. — Если ты меня слышишь… Прошу, дай знак.

Я стукнул себя по груди и бессильно разжал кулак.

— Готов остановить свое сердце, чтобы услышать твое, — произнес я. — Но ты бы этого не хотела, верно?

С ветки над головой вспорхнула птица, улетая вдаль. Я проводил ее взглядом и сказал:

— Понимаю, ты не можешь со мной связаться. Да и не захочешь, наверное. Меня будут искать все, кто хоть как-то связан с Сумраком. Я никогда не смогу вернуться, и… и…

Я утер глаза ладонью, испачканной землей.

— Пойми, я потрачу остаток своих дней в поисках весточки от тебя, — вымолвил я, представляя, как это будет. — В каждом шелесте травинки, волне на реке, плачущем облаке, даже в заходящем солнце — во всем я буду видеть твой знак и никогда не пойму, сошел ли я с ума, или ты пытаешься достучаться до меня… Черт, да ты не можешь меня слышать! Я даже не знаю, жива ли ты!

Стукнув затылком о кедр, я повалился навзничь, зарываясь лбом в траву, на которой еще не высохла утренняя роса. Шумно дышал, предчувствуя бесконечно долгое существование.

— Мне нужно знать, родная, — прошептал я. — Справился ли я? У нас все получилось? Я готов никогда не видеть тебя, если так смогу уберечь, и готов искать тебя, если Сумраку суждено соединить нас вновь. Но во имя всего живого и сумеречного — дай мне знать! Ты где-то здесь? Ты сумела вернуться? Скажи мне, потому что если нет…

Что-то пробежало по моему пальцу — паук или муравей. Я встряхнул рукой, глядя на обручальное кольцо.

И тут же снял его так быстро, что едва не оторвал себе палец. Перехватил кольцо, глядя на него дикими глазами.

Стальная окружность, хранящая следы естественной полировки, лишь закалилась от пребывания в огне. Сохранившиеся белые и желтые нитки прижимали к нему половинку латунного скорпиона с тремя выставленными лапками.

И сейчас эти лапки шевелились, приветственно помахивая. Убедившись, что удалось целиком завладеть моим вниманием, половинка чле-

нистоногого медленно прижала кусок хвоста к кольцу, отводя три лапки в стороны под нужным углом.

Перед моим ошеломленным взором предстал знак «о'кей», игриво раскачивающийся из стороны в сторону. Его движения гипнотизировали, успокаивали, проникали в глубь сознания и души, через пространство и время, через слои Сумрака.

24.04.2019